

КАЗАНСКИЙ (ПРИВОЛЖСКИЙ) ФЕДЕРАЛЬНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

РЕГИОНАЛЬНЫЙ

Экономический
Журнал

Индекс 70645
ISSN 2075-9851

№ 2 (33)

2022

**ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ТЕОРИЯ И ПРАКТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ
ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ РОССИИ**

**МОБИЛИЗАЦИОННАЯ ЭКОНОМИКА И ВОПРОСЫ
ИНТЕГРАЦИИ НОВЫХ РЕГИОНОВ РОССИИ**

УПРАВЛЕНИЕ РЕГИОНАЛЬНЫМ РАЗВИТИЕМ

ISSN 2075 - 9851

**РЕГИОНАЛЬНЫЙ
ЭКОНОМИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ**

Научный журнал по экономике

**№ 2 (33)
2022**

Региональный экономический журнал
Научный журнал по экономике
№ 2 (33)
2022

Издается с 2011 года
Выходит 2 раза в год

Главный редактор – А.Н. Макаров, д-р экон. наук, профессор, заведующий кафедрой экономической теории и экономической политики Набережночелнинского института Казанского (Приволжского) федерального университета.

Зам. главного редактора – Э.Ф. Назмиев, канд. экон. наук, доцент Набережночелнинского института Казанского (Приволжского) федерального университета, ведущий научный сотрудник Республиканского научно-исследовательского института интеллектуальной собственности (РНИИС).

Редакционная коллегия:

Бикмуллин А.Л., д-р экон. наук, профессор, президент Академии информатизации РТ;

Газизуллин Н.Ф., д-р экон. наук, профессор, главный редактор журнала «Проблемы современной экономики»;

Губанов С.С., д-р экон. наук, профессор, главный редактор журнала «Экономист»;

Жунусов Б.А., канд. экон. наук, профессор Актюбинского регионального государственного университета имени К. Жубанова, Казахстан;

Клейнер Г.Б., д-р экон. наук, профессор, член-корреспондент РАН, зам. директора по научной работе ЦЭМИ РАН;

Косторниченко В.Н., д-р экон. наук, профессор, главный редактор журнала «Управление собственностью: теория и практика»;

Лопатин В.Н., д-р юрид. наук, профессор, директор Республиканского научно-исследовательского института интеллектуальной собственности (РНИИС);

Поликов Ю.Н., д-р экон. наук, доцент, заведующий кафедрой математики и математических методов в экономике Государственного образовательного учреждения высшего профессионального образования «Донецкий национальный университет» (г. Донецк, Донецкая Народная Республика, Россия);

Пороховский А.А., д-р экон. наук, профессор, зав. кафедрой политической экономии Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова;

Сильвестров С.Н., д-р экон. наук, профессор, заслуженный экономист России, действительный государственный советник второго класса, директор Института экономической политики и проблем экономической безопасности Финансового университета при Правительстве Российской Федерации;

Тодосийчук А.В., д-р экон. наук, профессор, зам. руководителя аппарата комитета ГД РФ по науке и наукоемким технологиям;

Хубиев К.А., д-р экон. наук, профессор Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова;

Чекмарев В.В., д-р экон. наук, профессор кафедры экономики Костромского государственного университета им. Н.А. Некрасова;

Шайхелисламов Р.Ф., д-р экон. наук, профессор, директор Приволжского межрегионального центра повышения квалификации и профессиональной переподготовки работников образования КФУ;

Юсупов К.Н., д-р экон. наук, профессор Института экономики, финансов и бизнеса Башкирского государственного университета;

Хоменко В.В., д-р экон. наук, профессор, вице-президент АН РТ.

Зарегистрирован: Федеральная служба по надзору в сфере связи и массовых коммуникаций

Свидетельство о регистрации средства массовой информации

ПИ №ФС77-33445 от 08 октября 2008

Учредитель: Казанский (Приволжский) федеральный университет

Зарегистрирован в РИИЦ

Адрес редакции:

483812, Республика Татарстан, г. Набережные Челны,

пр. Сююмбике, д. 10а,

Набережночелнинский институт Казанского (Приволжского) федерального университета.

Тел/факс (8552) 39-66-12.

E-mail: regioneconom@yandex.ru. © Казанский (Приволжский) федеральный университет

СОДЕРЖАНИЕ

СОДЕРЖАНИЕ	3
ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ТЕОРИЯ И ПРАКТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ РОССИИ	5
Хубиев К.А., Теняков И.М. Состояние и потенциал российской экономической модели на фоне глобальных вызовов XXI века	5
Блинов С.Н. Потенциал экономического роста России в условиях мобилизационной экономики	27
МОБИЛИЗАЦИОННАЯ ЭКОНОМИКА И ВОПРОСЫ ИНТЕГРАЦИИ НОВЫХ РЕГИОНОВ РОССИИ	42
Благих И.А., Протасов А.Ю. Мобилизационная и военная экономика: общее и особенное.....	42
Полшков Ю.Н. Риски формирования региональных стратегий интеграции хозяйственного комплекса Русского Донбасса в экономику России: теоретические основы и прикладные аспекты.....	54
УПРАВЛЕНИЕ РЕГИОНАЛЬНЫМ РАЗВИТИЕМ	64
Максютина. Е.В. Обеспечение кадровой безопасности региона (на примере Республики Татарстан)	64
Назмиев Э.Ф. Механизмы активизации местного арт-рынка.....	75
Табольская В.В. Оценка внешнеторговой деятельности Республики Татарстан.....	87
ANNOTATIONS	94

CONTENT

ECONOMIC THEORY AND PRACTICAL ASPECTS OF RUSSIA'S ECONOMIC DEVELOPMENT	5
Khubiev K. A., Tenyakov I. M. The state and potential of the russian economic model against The background of the global challenges of the XXI century	5
Blinov S. N. The potential of russia's economic growth in the conditions of the mobilization economy	27
MOBILIZATION ECONOMY AND ISSUES OF INTEGRATION OF NEW REGIONS OF RUSSIA	42
Blagikh I.A., Protasov A.Y. Mobilization and military economy: general and special	42
Polshkov Yu. N. Risks of formation of regional strategies for integrating the economic complex of the Russian Donbass into the Russian conomy: theoretical foundations and applied aspects	54
REGIONAL DEVELOPMENT MANAGEMENT	64
Maksyutina E. V. Ensuring the personnel security of the region (on the example of the Republic of Tatarstan)	64
Nazmiev E.F. Mechanisms for activating the local art market	75
Tabolskaya V.V. Assessment of foreign trade activities of the Republic of Tatarstan	87
ANNOTATIONS	94

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ТЕОРИЯ И ПРАКТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ РОССИИ

УДК 338.12.017

К. А. Khubiev,

Doctor of Economics, Professor, Professor of the Department of Political Economy, Faculty of Economics, Lomonosov Moscow State University M.V. Lomonosov

К.А. Хубиев,

доктор экономических наук, профессор, профессор кафедры политической экономии экономического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова

И. М. Теняков,

Doctor of Economics, Associate Professor, Professor of the Department of Political Economy, Faculty of Economics, Lomonosov Moscow State University M.V. Lomonosov

И.М. Теняков,

доктор экономических наук, доцент, профессор кафедры политической экономии экономического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова

СОСТОЯНИЕ И ПОТЕНЦИАЛ РОССИЙСКОЙ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ МОДЕЛИ НА ФОНЕ ГЛОБАЛЬНЫХ ВЫЗОВОВ XXI ВЕКА¹

Аннотация: статья посвящена гармонизации экономической политики на основе системного качества национальной экономике. Двум проблемам уделено основное внимание: несовершенству и неэффективности сложившейся экономической системы России и направлениям ее преобразования; рассогласованности фискальной и монетарной политики и способам их согласования. Исследование потребовало проведение анализа и оценки тридцатилетия радикальных экономических реформ в количественном, качественном и социальном измерениях. Специальное внимание уделено роли государства в стимулировании технологического и социального развития. Через всю статью проходит критический анализ и сопоставление двух подходов к стратегии развития экономики России и ее экономической политики.

Ключевые слова: экономическая система, экономическая политика, монетарная политика, фискальная политика, воспроизводственная политика.

Думали: нищие мы, нету у нас ничего,
А как стали одно за другим терять,
Так, что сделался каждый день
Поминальным днем, –
Начали песни слагать
О великой щедрости Божьей
Да о нашем бывшем богатстве.

Анна Ахматова. 1915 г.

¹ Статья подготовлена на основе скорректированных материалов, опубликованных в журнале «Вопросы политической экономии» 2022, №2 под названием: «Надломленный вектор развития российской экономики» и в сборнике «Ценовой и кредитно-финансовый механизм стимулирования экономического развития России в современных условиях (мировой опыт и отечественная практика). Материалы всероссийской научно-практической конференции. - Карачаевск: КЧГУ, 2022. - 396 с. под названием: «Гармонизация экономической политики с учетом ее системного характера»

Введение

В состоянии стагнации российской экономики на нее выпала дополнительная нагрузка в связи с СВО. В условиях отсутствия внутренних источников роста приходится полагаться на доходы от экспорта энергоносителей. Но это экзогенный и недолгосрочный фактор. Мы уже имеем печальный пример развала государства (СССР) на фоне обвала цен на нефть во второй половине 80-х годов прошлого века. Какие угрозы возникнут перед Россией, если в очередной раз произойдет обвал цен на нефть и газ на мировом рынке? Создание внутренних источников роста становится жизненно важной практической проблемой. А поиск путей ее решения превращается в актуальнейшую научную задачу. Этим мотивировано написание данной статьи и разработка материалов, на которые она опирается.

Экономическая политика охватывает комплекс мер контролируемого воздействия со стороны Правительства и Центрального Банка на экономические процессы национальной экономики в целях сбалансированного развития. Пресловутая независимость Центрального банка создает проблемы выработки и проведения единой согласованной политики. Но на этом проблемы проведения эффективной экономической политики не исчерпываются. Даже гармонизированное проведение экономической политики требует предварительного определения стратегических целей экономики, чтобы не попасть в ловушку конструирования эффективных жерновов, перемалывающих недоброкачественные ингредиенты. Базисным условием эффективной работы гармонизированной экономической политики является социально-экономическое качество системы. Этому фактору будет уделено особое

внимание в статье. На этой основе будет аналитически рассмотрена проблема гармонизации самой экономической политики. Предмет исследования основной темы будет ограничен пореформенными результатами с уделением внимания самым последним событиям турбулентности экономики России в контексте мировой экономики.

Тридцатилетний юбилей радикальных реформ в России в январе 2021 года явился поводом для критического исследования сложившейся экономической системы и ее экономической политики. Авторы и исполнители реформ 1990-х гг., а также их последователи дают положительные оценки полученным результатам, а их позитивные предложения сводятся к продолжению либерализации экономики России. В статье излагается противоположная точка зрения с критикой сложившейся системы, подробным анализом качественных, количественных и социальных результатов и с предложением мер и направлений перестроения экономической модели и экономической политики России.

Актуальность исследуемой проблемы

По стечению обстоятельств, часто непрогнозируемых, экономика из способа воспроизводства жизни превращается в фактор национального выживания в пространстве всей цивилизационной оболочки нации. Именно с такого рода рисками Россия встречается последние столетия. И XXI век ее не пощадил.

Социально-экономическая динамика России в последнее десятилетие характеризуется противоречивыми трендами. С одной стороны, в РФ в 2011-2012 гг. началась стагнация, которая продолжается уже десятилетие: средние темпы роста ВВП составляют около 1%.

С другой – РФ стала одним из самых влиятельных участников мирового пространства, обладая энергоресурсами мировой значимости, сохраняя лидерство в освоении космоса, создании новых вооружений, развития атомной энергетики и др. Вместе с тем, страна обременена и глубокими внутренними проблемами, связанными с отставанием в области высоких технологий, сохранением высокого уровня социально-экономического неравенства и глубоких межрегиональных диспропорций. С добавлением внешних факторов получается сложная и противоречивая система.

Эти противоречия требуют своего разрешения. На актуализацию проблемы повлиял коронакризис и обострение мирового геополитэкономического соперничества, перерастающего в острые конфликты. Разрешение же этих противоречий, в свою очередь, предполагает обращение к исследованию специфики социально-экономической динамики РФ последнего десятилетия и поиску ответов на вопросы о путях перехода от стагнации к экономическому росту и к социально-экономическому развитию.

Методология исследования

В характеристике ныне сложившейся ситуации научное и экспертное сообщество сходится на том, что существенно изменяется миропорядок (в т. ч. как объект исследования), что он требует новых научных подходов и методологий. Господство моделей равновесия в период влияния неведомых прежде факторов и сил турбулентности не достаточно эффективно.

Решение названных проблем требует системного подхода, к исследованию. В свою очередь, системное исследование предполагает оценку сложившейся в России модели социально-экономического развития.

Такое исследование предполагает интегрированное использование багажа не только традиционного категориального аппарата макроэкономики, но и современной, эволюционной экономической теории, а также классической политической экономии и институционализма XXI в. А высоким методологическим смыслом междисциплинарного взаимодействия экономических наук является возвращение к причинно-следственным связям на новом уровне. Перспективная цель – разработка новой модели экономического развития, которая определит качество и направленность экономической политики.

В пользу провозглашенного подхода свидетельствуют некоторые знаковые события.

В 2021 году Нобелевскую премию по экономике присудили канадско-американскому экономисту Дэвиду Карду и двум исследователям из США Джошуа Ангрису и Гвидо Имбенсу. Ангрису и Имбенсу премия присуждена с формулировкой «за методологический вклад в анализ причинно-следственных связей». Существенность разворота позиции Нобелевского комитета обнаруживается в сравнении с предыдущей премией, которая была присуждена за работы по организации аукционов. Причем, в решении Нобелевского комитета сказано, что исследования в области причинно-следственных связей «революционизируют» экономическую науку. Политическая экономия, с момента ее зарождения, своей главной задачей считала исследование именно причинно-следственных связей, сущностью которых являются экономические законы. Новым вкладом Нобелевских лауреатов можно считать исследование причинно-следственных связей на эмпирическом уровне. Политэкономия охватывала более обширные исторические и социаль-

но-экономические пласты экономической жизни и развития общества. Поэтому достижения новых лауреатов носят скорее комплементарный (дополнительный), нежели революционный характер. Если разворот в сторону причинно-следственных связей в науке носит не ситуационный, а действительно революционный характер для мейнстрима, то экономическую науку могут ожидать основательные изменения, в том числе и в сторону сближения, и даже слияния, основных течений экономической теории. К этому, как нам представляется, ее подталкивает и складывающаяся новая реальность, глубинные причинно-следственные связи которой еще предстоит выявить, для стратегической ориентации в условиях новых глобальных вызовов.

Системное качество российской экономики как главный детерминант ее динамики и структуры

Системное качество российской экономики определяется: экономическими факторами, пространственно-географическими особенностями России, спецификой исторической динамики российского социума, наследием СССР, спецификой осуществления трансформации в 1990-х гг. и геополитэкономическими условиями (внешняя среда).

Поясним эти пункты.

Специфика пространственных и природно-климатических факторов редко исследуется учеными, анализирующими макроэкономическую динамику. Между тем, это один из решающих факторов, определяющих специфику объективных ограничений и целей макроэкономического развития. В частности, в данном случае необходимо принимать во внимание а) протяженность террито-

рии РФ (более 9 000 км. с запада на восток) и б) наличие труднодоступных пространств с низкой плотностью населения, имеющих в то же время важное значение для целостного развития. Важно учитывать, что в большинстве случаев проекты технологического, экономического и социо-культурного развития Севера, а также Восточной Сибири и Дальнего Востока бывают неэффективны по чисто рыночным критериям, но прогрессивны с точки зрения системного развития российского социума. Вовлеченность России в глобальное рыночное пространство требует сопоставления затрат и результатов. По инфраструктурным, географическим, климатическим факторам Российские компании испытывают дополнительное давление по сравнению с конкурентами. Это обстоятельство должно учитываться в политике внутреннего ценообразования на исходные ресурсы и государственной поддержке на внешних рынках. Резкое подорожание исходных энергоресурсов, начиная с 2021 г. открыло возможность для повышения конкурентоспособности российских предприятий путем политики регулирования цен на внутреннем рынке. Эта и подобные возможности не могут быть реализованы при господстве политики либерализации внешней торговли. Это обстоятельство дополнительно свидетельствует о необходимости системных изменений в российской модели развития. Некоторые изменения в этом направлении уже происходят. Но они носят пока фрагментарный характер под давлением чрезвычайных обстоятельств.

В традициях экономической теории в исследованиях по экономическому росту и развитию принято учитывать ресурсный подход. Мы тоже кратко его рассмотрим, не абсолютизируя, как один

из моментов системного подхода к экономическому развитию. При этом отдельно выделим институциональный фактор.

Естественные ресурсы

Общая ценность разведанных в России запасов полезных ископаемых составляет около 30 трлн долл., что соответствует 130-и годовым бюджетам России. Прогнозные запасы золота составляют 150 тыс тонн. В стране сосредоточено свыше 10% мировых запасов нефти, одна треть – газа, 5-6% – угля, около 25% железных руд и др. полезных ископаемых. В последнее время к ресурсным преимуществам относят географическое положение, которое составляет особую ценность в долгосрочном периоде. Разнообразие географических зон позволяет гибко управлять средой обитания в периоды устойчивых климатических изменений: на случай устойчивого долгосрочного потепления имеются северные территории, и наоборот. Наконец, к ресурсным преимуществам следует отнести и запасы пресной воды, неуклонно уменьшающиеся в условиях промышленного развития и урбанизации.

В структуре природного капитала России доминируют нефть (43%) и газ (23%). В целом невозобновляемые ресурсы, включая нефть, природный газ, уголь и минерально-сырьевые запасы, составляют около 75% общего объема природного капитала России.

В исследованиях и оценках природных ресурсов, даже специализированными учреждениями, традиционно преобладает количественный подход к их оценке и использованию. Опираясь на накопленные знания, следует разработать специальную программу превращения ресурсных преимуществ в конкурентные преимущества России на миро-

вом уровне. Не предметом подражания, но опытом для ориентации может служить Норвегия.

Человеческий ресурс (потенциал).

Индекс человеческого развития России в 2020 г. составил 0,824. Страна занимает 50 место среди 189-ти государств мира и остается в группе стран с очень высоким уровнем человеческого развития.

Структура совокупного богатства России по данным за 2017 г. в оценке Всемирного банка выглядит так:

- человеческий капитал 46%;
- произведенный капитал 33%;
- природный капитал 20% (из них 15% – невозобновляемые источники, 5% – возобновляемые).

Около половины всего совокупного богатства России составляет человеческий капитал – 46%. Это относительно высокий показатель для сырьевой державы, но это значительно меньше среднего показателя развитых стран в 70%.

Итак, Россия благополучна и конкурентоспособна по двум ресурсным показателям – сырьевому и человеческому капиталу; неблагополучна и неконкурентоспособна по двум другим – капитальному и институциональному. Подводя итог краткому анализу ресурсного фактора, следует обратить внимание на понятие «ресурсное проклятие» (нередко оно трактуется буквально). Между тем, это уникальное преимущество страны, которое проявилось в прошлом веке. И теперь, как выясняется, ресурсы составляют фундамент благополучия значительной части стран даже с развитой экономикой, что проявилось незамедлительно, как только эта, самая развитая часть, проявила вероломное высокомерие к стране – обладателю тех самых ресурсов. Взгляд на историческое прошлое невольно порождает вопрос: не ресурсное ли обилие и многообразие

России привлекают внешнее внимание и желание ими завладеть. Из столетия в столетие не прекращаются такого рода попытки.

Предпринятый выше подход требует обратить внимание на институциональный ресурс. Его не принято рассматривать как особый ресурс, хотя существенное влияние качества институтов и институциональных изменений на экономическое развитие очевидно. О качестве этого специфического ресурса красноречиво свидетельствуют практические результаты. Приступая к его рассмотрению, мы плавно приходим к факторам торможения российской экономики.

Институциональные преобразования в России в период 1990-х гг. имели своим результатам беспрецедентно катастрофические последствия. По спаду производства Россия превзошла Великую депрессию, ему еще не придумано достойное определение. В реальном выражении спад ВВП к 1998 г. составил по разным оценкам от 42-х до 50% от уровня 1990 г., инвестиции сократились на 80%, население сократилось более чем на 10 млн чел. Это не результат стихийных бедствий, а результат радикальных институциональных преобразований. У них есть свои персоналии, своя идеология, свое научное сопровождение. В фаворе была неоклассика и неоинституционализм как ее течение. Политическая экономия не только не была допущена к обоснованию радикальных реформ, она оказалась в полуполюгальном положении в системе образования и аналитики.

Главным негативным результатом провала российской экономики 1990-х гг. является потеря исторического времени, которая выразилась в упущенном технологическом развитии. Исследование причин случившегося провала зависит от принятой методологии. Систем-

ный подход ориентирует на поиск самых главных и фундаментальных причин. Радикально разрушая основы прежней системы, реформаторы новым комплексом институтов создавали ситуацию «неправильно застегнутой первой пуговицы». Основная масса государственных предприятий была формально преобразована в акционерные общества, ничего общего не имея с природой и сутью акционерных обществ.

Создание акционерных обществ, включая опыт России конца XIX в., свидетельствует о том, что они осуществляли прорывное развитие сфер и отраслей экономики. Такой результат был возможен по следующим причинам: АО создавались мотивированными субъектами, которые предварительно разрабатывали проект, который, как правило, носил инновационный характер. Для его реализации изыскивались средства как собственные, так и привлеченные. Акционеры рисковали не только своими средствами, но и репутацией, судьбами (например, судьба Мамонтова). Энергия, навыки и способности были мобилизованы для реализации проектов акционерных обществ. Результатом были не только новые рабочие места, но и новые производственные, инфраструктурные объекты. Создание акционерных обществ в соответствии с их природой было мощным импульсом инновационного развития экономики России на рубеже XIX-XX вв.

Создание акционерных обществ в 1990-х лишь формально соответствовало их названию, поэтому и результаты не могли быть иными. Этому периоду соответствует образ «неправильно застегнутой первой пуговицы», взятый из китайской пословицы. Под создаваемые АО новые проекты не разрабатывались, новые средства не привлекались, новые

рабочие места не создавались. Новые собственники не несли никаких рисков и ответственности. Они не создавали и не приобретали новую собственность, а ею наделялись. Сущность и последствия возникновения такой собственности была очевидна для отечественных экономистов. Практически, события 1990-х подтвердили тревожные социально-экономические прогнозы, составленные на основе политико-экономического подхода. К концу второго десятилетия XXI века появился критический союзник со стороны неоклассической теории в лице лауреата Нобелевской премии 2017 г. Р. Талера [2]. Он обосновал неэффективность наделенной (незаработанной) собственности. Та экономическая система, в основу которой были заложены институциональные преобразования по созданию неэффективной собственности, иной быть не могла. И тщетными, или даже лицемерными, оказались уверения общественности в том, что, преобразовав «неэффективную», государственную собственность в «эффективную», частную, заработают стимулы частного предпринимательства: конкуренция, инновационная инициатива. Обещано было, что энергия предпринимательства и законы рынка выведут экономику на вершины технологического прогресса. Ничего этого не произошло и не могло произойти по определению. Наделенная собственность вырабатывала навыки хищнической эксплуатации ресурсов и вывода за рубеж извлеченных доходов.

Роль государства

Технологическое развитие России оказалось в тупиковой ситуации. Либеральный вариант технологического прорыва через приватизацию и конкурентный механизм не состоялась. Либерализация внешнеэкономических отношений

обернулась компрадорским отношением финансово-экономической элиты к национальной экономике.

Государство не могло безучастно наблюдать отставание от мировых тенденций. Разрабатывался целый комплекс документов, направленных на промышленное и технологическое развитие. Их вехой явились майские Указы Президента РФ (2018), нацеленные на прорывное социально-экономическое развитие. Но уже был накоплен опыт реализации подобного рода важных документов, которые успешностью не отличались. К примеру, в 2008 г. была принята Концепция долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2020 г. Эта Концепция осталась в проекте, существенного продвижения в инновациях не получилось. Такая судьба постигла и другие важные государственные решения. Но государство, в пределах доступных ему ресурсов, продолжает наращивать усилия, направляя их на прорывное развитие.

1. Национальные проекты 2019-2024 гг.

Направлены на цели обеспечения прорывного научно-технологического и социально-экономического развития; повышение уровня жизни, создания условий для самореализации и раскрытия таланта каждого человека. Упомянутый Указ развивает программы, начатые в 2014-2017 гг. Новые цели впечатляют амбициозностью и масштабами финансирования объемом более 25 трлн руб. (25 019,3 млрд руб.). Только им не предшествовал глубокий анализ причин неуспешной реализации предыдущих инициатив такого рода. А отсюда обоснованные сомнения в их реализации, поскольку основы сложившейся экономической системы и механизм реализации важнейших инициатив и решений

остались неизменными.

2. Приоритетные программы и проекты²

Они во многом дублируют нацпроекты, хотя есть отличия: моногорода, реформа контрольной и надзорной деятельности. Изменяется ширина охвата проблем, но остаются без существенных изменений основы сложившейся экономической системы, поставленных задач и механизма их реализации.

3. Федеральные Институты развития³

Создан целый ряд институтов развития, однако не обосновано их особое место и роль в комплексе инициатив по прорывному развитию. Наиболее крупными институтами развития являются Внешэкономбанк, ГК «РоснаноТех», ОАО «Российская венчурная компания», ГК «Фонд содействия реформированию ЖКХ». Они оказывают поддержку проектам через финанси-

² Здравоохранение, образование, ипотека и арендное жилье, ЖКХ и городская среда, международная кооперация и экспорт производительность труда, малый бизнес и поддержка индивидуальной предпринимательской инициативы, безопасные и качественные дороги, моногорода, экология, реформа контрольной и надзорной деятельности.

³ В настоящее время действует ряд институтов развития, к которым относятся: Инвестиционный фонд Российской Федерации; Государственная корпорация «Банк развития и внешнеэкономической деятельности (Внешэкономбанк)»; ОАО «Российская венчурная компания»; АО «Агентство ипотечного жилищного кредитования»; Государственная корпорация «Российская корпорация нанотехнологий»; Государственная корпорация «Фонд содействия реформированию ЖКХ»; ОАО «Российский сельскохозяйственный банк»; ОАО «Росагролизинг»; ОАО «Российский фонд информационно-коммуникационных технологий»; Фонд содействия развитию малых форм предприятий в научно-технической сфере и др.

вание бизнес-проектов, оказание инфраструктурной поддержки, а также софинансирование НИОКР.

4. Региональные институты развития

В субъектах Российской Федерации были созданы более 200 организаций, которых, можно отнести к институтам развития. Их основная деятельность направлена на поддержку малого и среднего предпринимательства, стимулирование развития инноваций, преодоление технологического отставания.

Имеются и отдельные значимые проекты, целевым образом финансируемые из бюджета.

Государственные инициативы по прорывному развитию впечатляют масштабами и объемом финансирования. При этом возникает вопрос об их эффективности и реализуемости. Какие могут быть гарантии того, что уровень эффективности и реализуемости именно новых инициатив окажется выше предыдущих, принятых на том же уровне, если экономическая система не претерпевает изменения в своей основе, механизм реализации существенно не меняется? Ответов на эти вопросы нет. Дополним анализ неэффективности на уровне практически реализуемой экономической политики, применив другой образ «лебеда, рака и щуки» из известной басни.

Инициативную деятельность высшего руководства страны можно обозначить образом лебеда. Она относится к стимулирующей фискальной политике и устремлена к прорывному технологическому и социально-экономическому развитию страны. Но она упирается в монетарную политику, которая имеет противоположную направленность. Центробанком во главу угла поставлено тарге-

тирование инфляции, что относится к классическим инструментам сдерживающей политики. Ей соответствует образ рака.⁴ Крупному национальному бизнесу соответствует образ щуки. Он улавливает потоки доходов и переправляет их за границу. Работает механизм «утечек», вместо «инъекций» в национальную экономику. Нетрудно представить себе картину архипелага инновационных объектов производственного и инфраструктурного характера в национальной экономике при альтернативном использовании средств, потраченных за рубежом на приобретение дорогостоящих яхт, клубов, недвижимости, коммерческих активов и т. п. В основе альтернативного движения потоков доходов тоже лежат системные деформации экономической модели.

Если в содержательном смысле объединить реальность, скрывающуюся за образами «неправильно застегнутой первой пуговицы» и «лебедя, рака и щуки», то получится следующая целостная картина:

1) Экономическая система России деформирована в фундаментальной основе на уровне отношений собственности.

2) Интересы наделенных собственников не находятся в органической связи с инициативами субъектов прорывного технологического развития России. Тем более они не связаны с интересами экономических субъектов, отчужденных от собственности на капитальные и природные ресурсы. На эмпирическом уровне это противоречие проявляется в разнонаправленной экономической политике и потоке доходов.

3) Система неэффективна от осно-

вания до конкретного уровня функционирования экономики, не содержит потенциала прорывного развития. А стремление залить ее деньгами (преимущественно ресурсного происхождения) в возрастающем количестве, не решит эту проблему системного характера. Ее самым очевидным результатом является возрастающая коррупция и разрывывание бюджетных денег.

В этой связи, перед экономической наукой встает масштабная задача разработки собственно российской экономической модели, учитывающей ее особенности и направления уместных преобразований. В этом направлении проводятся исследования, [3, 165–169; 11, 23–30], но задача эта сложная, ее решение требует мобилизации большого научного потенциала. Прорывное развитие возможно только тогда, когда гармонизированы интересы основных «игроков». А решение проблемы такого уровня связано с передислокацией собственности, соответственно экономической власти и социальной структуры общества. Мы обратимся к этим проблемам после анализа состояния российской экономики.

Динамика российской экономической системы

1. Количественные характеристики

В экономической динамике постсоветской России прослеживаются три крупных этапа: этап трансформационного спада (1991–1998 гг.), этап экономического роста (1999–2008 гг.), этап «новой нормальности» (с 2009 г. по настоящее время).

Первый этап был связан с системной трансформацией российской экономики, которая проходила с большими социально-экономическими издержками, что вылилось в продолжительный спад основных экономических показате-

⁴ В данном случае мы отвлекаемся от конкретных мер Центробанка чрезвычайного характера, связанного со столь же чрезвычайными событиями начала года.

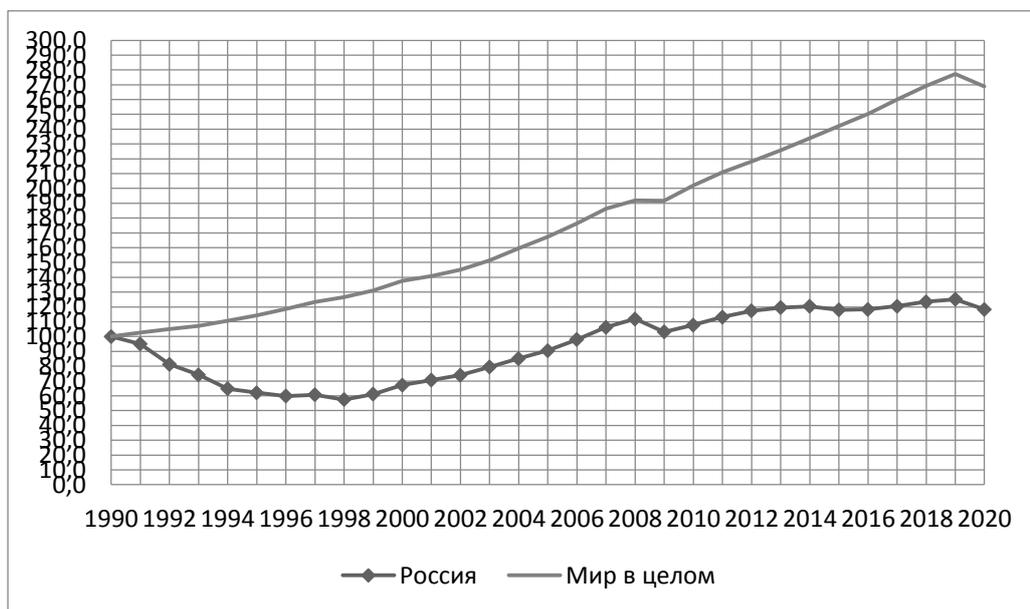
лей (ВВП, доходов, инвестиций, и т.п.). На втором этапе начался рост, сперва носивший восстановительный характер. Мировой экономический кризис 2007–2009 гг. завершил второй этап динамики российской экономики.

Этап «новой нормальности» характеризуется неустойчивостью и затуханием долгосрочных темпов экономического роста. После кризисного падения (– 7,8% ВВП в 2009 г.) и посткризисного восстановления экономики в 2010–2011 гг., возврата к докризисным высоким темпам роста не произошло: темпы роста затухали, а в конце 2014–2016 гг. имела место локальная рецессия, вызванная сочетанием внутренних и внешних факторов.

В целом, можно сделать вывод об «упущенном десятилетии» экономического роста России: по нашим оценкам средний темп роста реального ВВП за

период 2010–2019 гг. составил не более 2% в год, хотя ряд экспертов дает более пессимистические оценки – не более 1%. В период же 2000-х гг. средние темпы роста российской экономики составляли около 7% в год. В результате за десятилетие 2009–2019 гг. по темпам роста экономика России устойчиво отставала от среднемировых показателей (3,76% в год). Графически траектория экономической динамики России (реальный ВВП) в постсоветский период в сравнении с траекторией мировой экономики представлена на рисунке 1.

Как следует из графика, за 30 лет, прошедших с начала рыночных реформ, реальный ВВП России превысил показатель 1990 г. всего лишь на 20–25%, в то время как значение мирового ВВП в 2019 г. в 2,8 раз превышало аналогичный показатель 1990 г.

Рис. 1. Сравнительная динамика российской и мировой экономики в 1990–2020 гг. Уровень 1990 г. = 100%. (рассчитано по данным МВФ: <https://www.imf.org/external/pubs/ft/weo/2020/01/weodata/weoselagr.aspx>)

Отставание динамики российской экономики от мировой позволяет оценить накопленные потери экономического роста в России – как совокупную площадь, ограниченную сверху графиком динамики мировой экономики, а снизу – графиком динамики российской экономики. Более подробно методология расчета накопленных потерь экономического роста представлена в работе автора [8, 119–131]. Здесь же отметим, что накопленные потери реального ВВП России за 1991–2020 гг. составили 25,4 единиц ВВП 1990 г. И, хотя данная оценка является сугубо количественной, она позволяет сделать и содержательные выводы: каков объем средств российской экономики мог бы быть потрачен на цели развития (в том числе развитие человеческого потенциала), если бы экономическая динамика в России хотя бы соответствовала мировой экономической динамике в течение всего постсоветского периода. Таковы утраченные альтернативы как результат рукотворных радикальных институциональных реформ 90-х годов прошлого века.

2. Качественные и структурные характеристики

Раскрытие структурных особенностей экономической динамики в России требует более детальной характеристики динамики выпуска по отдельным отраслям, в ряде случаев – в натуральных показателях.

На рисунке 2 представлена динамика промышленного производства в России и его основных отраслей (добыча полезных ископаемых, обрабатывающее производство, производство и распределение электроэнергии, газа и воды), а на рисунке 3 – динамика по основным подотраслям обрабатывающей промышленности (в сопоставимых ценах, в процентах по отношению к 1992 г.). При этом следует отметить, что указанные показатели даются в сопоставлении с 1992 г., когда в российской экономике уже наблюдался спад (так, реальный ВВП в 1992 г. сократился почти на 15% к уровню 1991 г.). Поэтому оценкой выхода на докризисный уровень следует считать достижение не 100% по каждой отрасли (это уровень 1992 г.), а примерно 110–115%.

Как следует из анализа рисунка 2, наиболее глубокий спад в 1990-е гг. испытало обрабатывающее производство, а в меньшей степени пострадала отрасль добычи полезных ископаемых. Указанная отрасль дала и наибольший прирост, выйдя к 2016 г. на уровень 130% от уровня 1992 г. Обрабатывающее производство в целом демонстрировало более скромные результаты, выйдя в 2016 г. на показатель 105%, что, с учетом имевшего в 1992 г. спада, оказывается даже ниже показателей конца 1980-х–1990 г.

Рис. 2. Динамика промышленного производства по отраслям в России, в сопоставимых ценах, в % к соответствующему уровню 1992 г.

Источник: Росстат, расчеты авторов. <http://www.gks.ru>

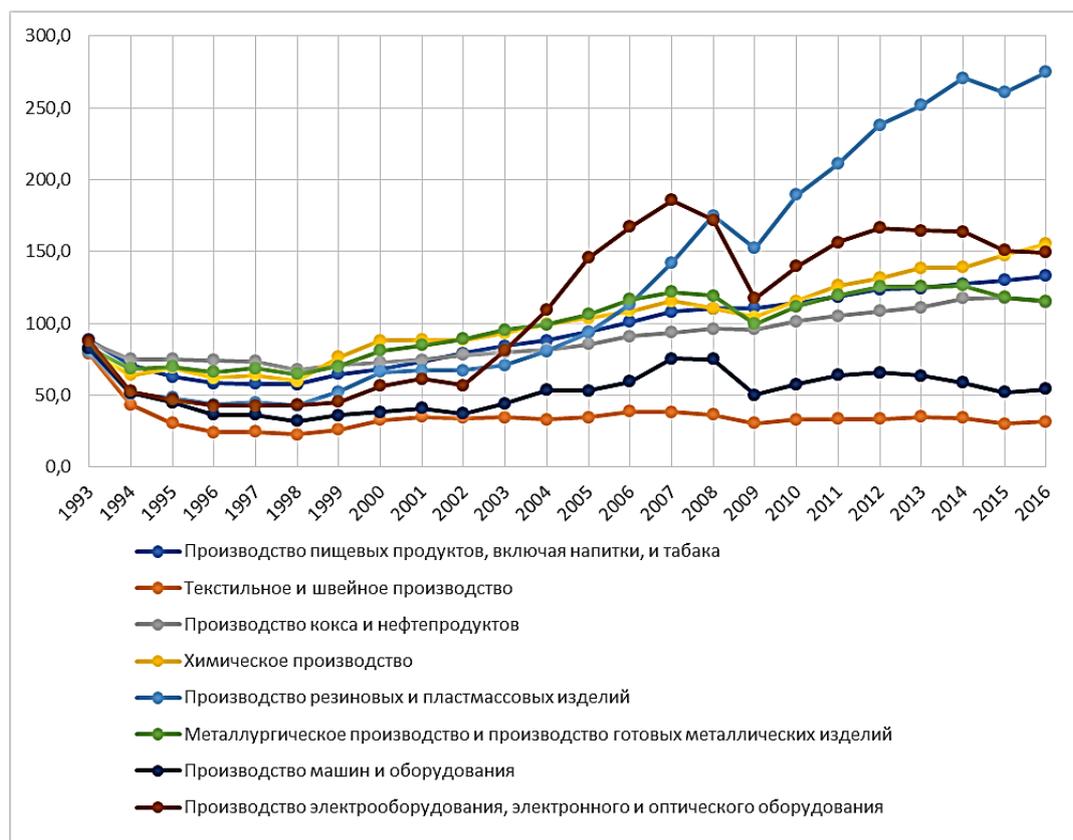
При этом обрабатывающее производство в целом представляет собой совокупность различных отраслей промышленности, динамика которых отличалась противоречивостью. Так, с середины 2000-х гг. начало бурно расти производство резиновых и пластмассовых изделий, которое, несмотря на отдельные спады (в кризис 2009 г. и в 2015 г.) в целом продемонстрировало высокие темпы роста, так что в 2016 г. объем производства в указанной отрасли в 2,75 раз превысил уровень 1992 г. Ускоренным темпом с середины 2000-х гг. развивалось производство электрооборудования, электронного и оптического оборудования, однако, кризис 2009 г. суще-

ственно повлиял на дальнейшие темпы развития указанной отрасли, в результате в 2016 г. объем выпуска в ней составил только 150% от уровня 1992 г. (это ниже, чем максимальный результат, достигнутый в 2007 г. – 185,6%). Химическое производство – еще одна отрасль, устойчиво развивающаяся с 2000-х гг. и успешно преодолевшая кризис 2009 г., в результате объем производства в ней в 2016 г. составил 155% от уровня 1992 г.

При этом одна из важнейших отраслей обрабатывающей промышленности – производство машин и оборудования – показала крайне низкие результаты в период роста 2000-х гг. и последующего периода десятилетней стагнации. В 2016

г. объем производства в указанной отрасли составил только 54% от уровня 1992 г. Еще одна отрасль, так и не восстановившаяся после трансформационного кризиса – это легкая промышлен-

ность (текстильное и швейное производство): в 2016 г. выпуск в отрасли составлял всего лишь 32% от уровня 1992 г. (рис. 3)

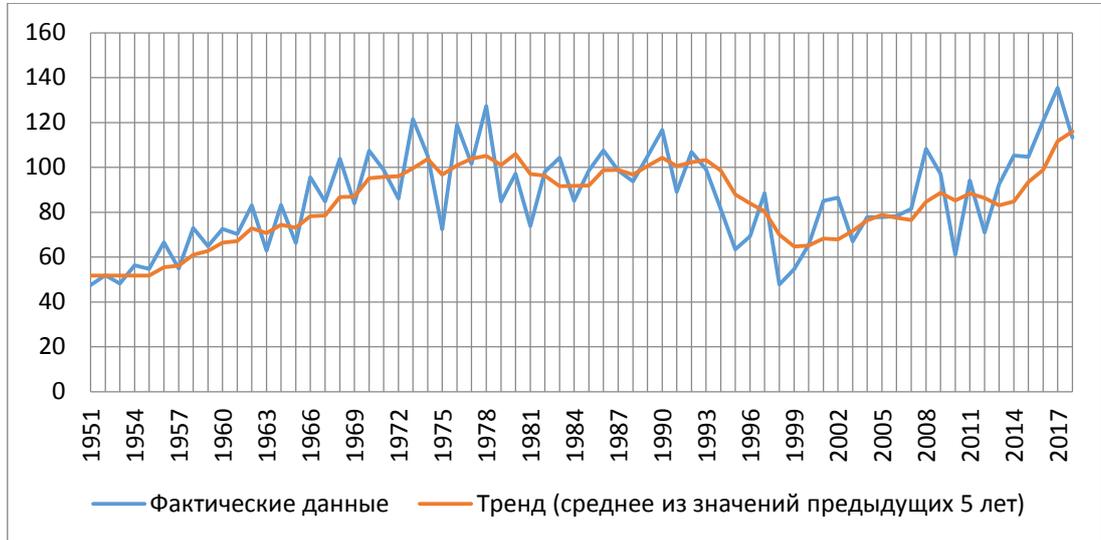

Рис. 3. Динамика производства по отраслям обрабатывающей промышленности в сопоставимых ценах, в % к соответствующим уровням 1992 г.

Источник: Росстат, расчеты авторов. <http://www.gks.ru>

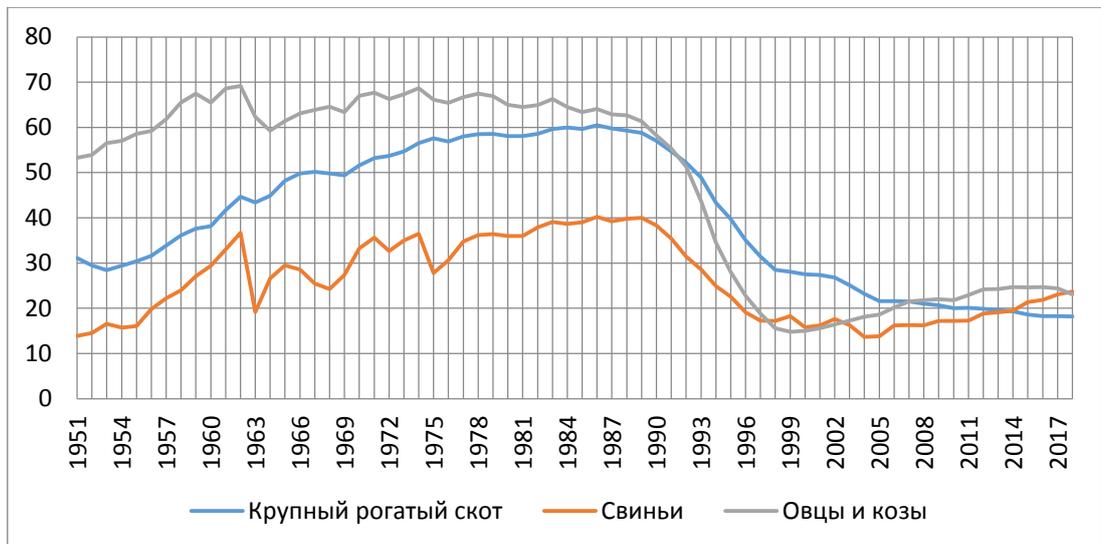
Противоречивое развитие имело место и в сельскохозяйственной отрасли. На рисунке 4 показана динамика валового сбора зерна в России (млн тонн). Для данной отрасли характерна ярко выраженная цикличность, связанная с природными факторами (засухи, неурожаи), поэтому к фактическим данным была добавлена линия тренда. Отметим, кстати, что в 1990-е гг. цикличность усилилась: амплитуда колебаний выросла, что

было связано и с системными факторами: трансформацией отношений собственности на селе, изменением институциональной структуры экономики, выстраиванием новых хозяйственных связей между деревней и городом и т.п. В 2000-е гг. шло постепенное восстановление отрасли, ускорившееся после 2014 г. (в этой связи можно отметить положительное влияние санкций и ответных контрсанкций на зерновую отрасль).

Рис. 4. Валовой сбор зерна в России, млн. тонн.

Рассчитано по: Сельское хозяйство, охота и охотничье хозяйство, лесоводство в России. 2015. М.: Росстат, с. 80; Сельское хозяйство в России. 2019: Стат. сб. /Росстат, с. 47.

Рис. 5. Динамика поголовья скота в России, млн. голов

Рассчитано по: Сельское хозяйство, охота и охотничье хозяйство, лесоводство в России. 2015. М.: Росстат, с. 91-92; Сельское хозяйство в России. 2019: Стат. сб. /Росстат, с. 57.

Однако в российском животноводстве ситуация оказалась гораздо более драматичной. На рис. 5 представлена динамика поголовья скота в России по категориям (крупный рогатый скот, сви-

ньи, овцы и козы). По всем трем группам наблюдалось резкое падение в 1990-е гг. Так, крупный рогатый скот сократился с 60,5 млн голов в 1986 г. до 28,5 млн голов в 1998 г. и продолжал сокра-

щаться и далее, до 18,2 млн голов в 2018 г. поголовье свиней снизилось с 40 млн голов в 1989 г. до 13,7 млн голов в 2004 г., после чего начался медленный рост, и в 2018 г. поголовье свиней составило 23,7 млн голов. Поголовье овец и коз снизилось с 66,3 млн. голов в 1983 г. до 14,8 млн голов в 1999 г., затем также начался медленный рост, и в 2018 г. поголовье овец и коз составило 23,1 млн голов. Однако, как видно из сравнения данных показателей, некоторый рост по свиньям, овцам и козам в 2000-е гг., не смог компенсировать спада 1990-х гг.

Противоречивая динамика в сельскохозяйственных отраслях не могла не отразиться на показателях потребления основных продуктов питания населением. По сравнению с 1995 г., в 2014 потребление на душу населения овощей выросло на 46%, мяса – на 35%, яиц – на 26%, сахара – на 25%, а потребление молока, картофеля и хлеба даже сократилось (на 4%, 10% и 2% соответственно). Наиболее существенный рост по потреблению был достигнут за счет рыбы (на 143%), растительного масла (на 86%), а также фруктов и ягод (на 120%). Указанные показатели характеризуют как изменения в структуре потребления

(рост доли рыбы, овощей и фруктов), так и возможности, открывшиеся перед российской экономикой в ходе встраивания в мировой рынок (импорт продовольствия, в частности, фруктов). При этом ограниченные возможности российского животноводства не позволяют в ближайшей перспективе резко повысить потребление мяса без учета импорта.

3. Социальные характеристики

Остановимся также на характеристике качественных результатов экономического роста в России с позиции социального подхода. Если структурный подход определяет качество роста преимущественно со стороны производства и места страны в международном разделении труда, то социальный подход делает акцент на гуманистической составляющей экономического роста: справедливом распределении доходов, продолжительности и качестве жизни, нерыночных благах и т.п.

Одним из показателей, учитывающих социальную составляющую экономического роста (в плане образования и продолжительности жизни), является Индекс человеческого развития (HDI). Значения HDI для России и ряда стран представлено в таблице (табл. 1).

Таблица 1

Индекс человеческого развития (HDI) по группам стран

Страны	1990	1992	1998	2008	2014	2019
Страны постсоветского пространства + Китай						
Россия	0,735	0,720	0,705	0,775	0,807	0,824
Белоруссия	н/д	н/д	0,674	0,777	0,814	0,823
Казахстан	0,690	0,682	0,672	0,758	0,798	0,825
Украина	0,725	0,713	0,688	0,755	0,771	0,779
Китай	0,499	0,517	0,571	0,678	0,731	0,761
Развитые страны						
США	0,865	0,872	0,889	0,911	0,920	0,926
Германия	0,808	0,821	0,860	0,924	0,937	0,947
Швеция	0,821	0,826	0,894	0,907	0,935	0,945
Япония	0,818	0,826	0,849	0,883	0,906	0,919

Источник: Human Development Reports (URL:

<http://hdr.undp.org/en/content/download-data> (дата обращения: 24.06.2021)).

Сравнение приростов значения HDI для России с динамикой ВВП, в том числе подушевой, показывает, что развитие российской экономики, измеряемое по HDI, шло медленнее, чем экономический рост, измеряемый по ВВП на душу населения. Так, значение HDI России в 2019 г. по сравнению с 1990 г. уве-

личилось на 12%, в то время как подушевой ВВП вырос в реальном выражении на 27%. При этом динамика ВВП на душу населения также учтена в HDI, так что частично прирост значений данного индекса также относится на счет увеличения подушевого ВВП

Рис. 6. Доля населения в России с денежными доходами ниже прожиточного минимума
 Источник: составлено автором на основе данных Росстата (URL: https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/BBZLMcQ8/urov_51g.doc (дата обращения: 22.05.2021))

На рисунке 6 представлена динамика доли населения с денежными доходами ниже прожиточного минимума в России. Анализ данных на рисунке позволяет сделать вывод, что в основном снижение доли населения с доходами ниже прожиточного минимума произошло в период с 2000–2007 гг., когда указанный показатель сократился с 29% до 13,3%. В последующий период происходили колебания этого показателя: минимальное значение пришлось на 2012 г. (10,7%), а к концу периода оно состави-

ло 12,1% (2020 г.). Отметим также, что на протяжении рассматриваемого периода менялась как величина прожиточного минимума, так и методология его расчета, поэтому прямые сопоставления только количественных показателей не совсем корректны. В целом, на этапе стагнации снижение бедности в России, наблюдавшееся на этапе восстановительного роста, практически остановилось.

Оценка неравенства доходов на основе коэффициента Джини также явля-

ется неполной. В 1992 г. по данным Росстата индекс Джини составлял 0,289, а в 2007 г. он увеличился до 0,422. Это максимальное значение за весь период наблюдений, представленный в данных Росстата. Восстановительный рост в России в 2000-е гг., таким образом, сопровождался усилением неравенства в распределении доходов. В период стагнации 2010-х гг. неравенство распределения доходов, оцениваемое по индексу Джини, менялось неустойчиво с некоторой тенденцией к снижению (так, по данным 2019 г. значение индекса Джини составило 0,411). Отметим также, что доля денежного дохода, приходящаяся на 1% лиц с наивысшими доходами, в России остается высокой: 20,2% за 2010–2019 гг. [13]. Россия по данному показателю находится практически на уровне США (20,5%), в то время как для европейских стран и Японии значение данного показателя ниже: Германия – 12,5%, Швеция – 9%, Япония – 10,4%. В Китае на долю 1% лиц с наивысшими доходами приходится 13,9% денежных доходов [13].

Высокое неравенство в распределении доходов искажает результаты экономического роста, поскольку значительная часть прироста дохода приходится на ограниченное число лиц.

Вместо заключения: сравнительный анализ альтернативных стратегий и экономической политики.

Социально-экономическая динамика РФ последних десятилетий характеризуется глубокими противоречиями, обусловленными спецификой ее производственных отношений и институтов. Их системный анализ позволяет сделать вывод о том, что они не могут быть источником устойчивого развития. Отдельные исключения, которые не всегда можно точно оценить в силу отсутствия или закрытости данных (например, про-

изводство современных видов вооружений, относительные успехи в ряде отраслей энергетики, сельского хозяйства) мало изменяют общее положение.

Какими же могут быть альтернативы?

В настоящее время в РФ предложен широкий круг программ, в которых предлагаются различные модели перехода к ускоренному росту и/или устойчивому развитию. Однако при всем их многообразии можно выделить два главных подхода.

Первое направление исходит из того, что главным результатом является создание рыночной экономики, тысяч частных собственников, поэтому надо совершенствовать данную систему путем осуществления, главным образом, институциональных изменений, направленных на углубление либерализации экономики, экстенсивную и интенсивную экспансию частной собственности, развитие конкуренции, создание независимой судебной системы и т.п. А в качестве конкретного и социально значимого результата называется рост средних доходов на 20% [14].

Второй подход исходит из того, что нынешняя модель требует системных изменений, ориентированной на реализацию социальных, гуманистических и экологических приоритетов на базе реиндустриализации на основе приоритетного развития высоких технологий. Эта трансформация предполагает глубокое реформирование системы социально-экономических отношений, начиная с фундаментальных основ, затрагивающих отношения собственности на ресурсы (капитальные и естественные) и соответствующие потоки доходов. Эти изменения позволят поставить под контроль общества (социализировать, а не просто национализировать) ключевые сферы развития – инфраструктуру, науку, обра-

зование, здравоохранение и перенаправить рентные потоки на цели устойчивого, социально-ориентированного развития. На этой основе предполагаются изменения в системе распределения доходов и социальной защиты, в частности повышение минимальной заработной платы, переход к прогрессивной шкале налогообложения доходов и наследства и т.п. Важнейшим слагаемым этой системы должно стать создание целостной системы механизмов развития, в частности, в сфере планирования и промышленной политики.

Системный метод требует разноразовного подхода. Начнем с конкретного уровня экономической политики, затем переместим анализ в деформированные основания российской экономической модели и, наконец, объединим эти два уровня. Выше отмечалась уже разнонаправленность бюджетной (лебедь) и монетарной (рак) политики и необходимость их согласования. Укажем на уникальную возможность ее практической реализации. Бюджетный профицит и профицит платежного баланса позволяют проводить стимулирующую бюджетную политику, а резкое укрепление национальной валюты позволяет поддержать стимулирующую политику правительства стимулирующей монетарной политикой. Кроме того, эти две политики следует дополнить воспроизводственной экономической политикой. Ее основными функциями должны быть: аналитика воспроизводственных и функциональных связей в экономике; стратегическое планирование и согласование уровней и направлений планирования, разработка планов структурных изменений. Эти функции можно возложить на Минэкономразвития, освободив его от дублирования аналитических функций Центробанка, Минфина, Гос-

комстата. Системная функция воспроизводственной экономической политики будет в том, что она в единых целях согласует монетарную и фискальную политику. Правда, для этого необходимы структурно-политические решения для отмены пресловутой независимости Центробанка. Ее политика должна быть органически включена в стратегии технического и социально-экономического развития.

Эффективное функционирование экономики на конкретном уровне зависит от состояния ее основ – отношений собственности на ресурсы и вещественный капитал. Отмечалось выше, что именно с этого фундаментального уровня экономическую систему преследует эффект неправильно застегнутой первой пуговицы с начала 90-х. Отношения частной собственности на ресурсы (в широком смысле) были деформированы с момента их формирования по принципу наделенности. Без изменений в этой сфере не создастся системная эффективность формирования новой модели роста. Какие здесь могут быть изменения? Государство может национализировать ресурсы и потоки доходов рентного и монопольного происхождения. Более радикальным вариантом преодоления деформации в основе системы, требующим политических решений, является реприватизация. Это не конфискация, а объявление всех ранее приватизированных предприятий объектами инвестиционных конкурсов. Победители конкурсов возмещают прежним владельцам средства, потраченные при приватизации. Победителями инвестиционных конкурсов могут быть нынешние владельцы, новые владельцы, государство, трудовые коллективы. Победители инвестиционных конкурсов избавят экономику от тормозящего эффекта наделен-

ной собственности. Им на смену придет собственность приобретенная, с реальными стимулами развития. Соединение двух уровней реформ образует системное качество программы развития в новой экономической модели. Предложения, связанные с изменением отношений собственности, на могли не затронуть интересы тех, кто был этой собственностью наделен в той или иной мере, чувствует себя комфортно и не хотел бы ничего менять. Незамедлительно последовала реакция, в основном лишенная научного смысла. Из научно стилизованных откликов можно выделить суждения о том, что техническая основа приватизированных предприятий изношена и во многом обновлена. Но это результат неизбежной амортизации. А вот последующее утверждение Антона Свириденко – руководителя Экспертного центра при уполномоченном при президенте по защите прав предпринимателей, исполнительного директора Института экономики роста им. Столыпина о том, что прибыльность у компаний низкая и реприватизировать-то нечего. В том-то и дело, что идея конкурса направлена на то, чтобы поднять и прибыльность и технологическую активность. Этому противоречит утверждение о том, что приватизированные предприятия существовали и развивались. Тогда почему прибыльность низкая и почему их развитие не подтверждается в интегральных показателях, приведенных выше, где по темпам развития экономика России за 30 лет отстала от мировой в разы и даже на порядок? Впрочем, если и есть отдельные развивающиеся предприятия, то они окажутся победителями конкурсов и им ничего не угрожает. А предположение о раздаче доли государства гражданам не имеет отношения к нашим предложениям. Во-первых: государство мы числим в числе участников

конкурса, во-вторых: государственная доля в акционерных обществах тоже превращается в объект конкурса. Мы согласны с экспертом в том, что здесь немало вопросов для обсуждения. Но считаем, что их не больше, чем было при приватизации и они обсуждаемы и разрешимы при позитивном и научном подходе к проблеме преодоления стагнации российской экономики, особенно перед новыми вызовами. Без создания внутренних источников роста, не только экономика, но и само существование государства столкнется с вызовами жизненно важного значения.

Теперь рассмотрим уровень конкретных предложений при альтернативном подходе.

Защита прав частной собственности. Ни одна страна в мире не сделала для частной собственности столько, сколько было для нее сделано в России. В частные руки передан был беспрецедентный объем имущества и ресурсов, включая природные. Достаточно обратиться к материалам Счетной палаты РФ, чтобы убедиться в необоснованности мнения об ущемленном положении частной собственности со стороны государства [7]. На самом деле в защите нуждаются другие формы собственности, отражающие интересы развития экономики и абсолютного большинства граждан России.

Защита конкуренции. Конкуренция является естественным состоянием и следствием частной собственности. Если структуры, находящиеся в частной собственности, не конкурируют друг с другом, то это говорит о фундаментальных изъянах в самой частной собственности. Если основное течение современной экономической теории (Мейнстрим) признает «провалы рынка», то логически неизбежным является признание «провалов частной собственности». Различие

состоит в том, что в нашем случае провалы носят рукотворный характер. Правда, здесь называются два фактора, не зависящих от конкурирующих субъектов экономики: монополизм и высокая доля участия государства в экономике, доходящая до 70%. Что касается монополизма, то в России создана нормативная база и структура в исполнительной власти (Антимонопольный комитет с региональными подразделениями) специально для борьбы с монопольным доминированием на рынке. То есть, здесь нет проблем властно-политического характера и предложения о борьбе с монополизмом должны носить конкретный и адресный характер. Что касается чрезмерной доли участия государства к экономике в 70%, это уникальное недоразумение в российской науке и практике. Эта цифра появилась в докладе Антимонопольного комитета 2014 г., а затем получила распространение вплоть до высших кругов науки и политики. При исследовании этого недоразумения выяснилось, что цифра эта не явилась результатом разработки комитета. Более того, у него не оказалось методики подобных расчетов, он заимствовал эту цифру у неспециализированных интерпретаторов материалов Мирового банка. Подробный анализ этого вселенского заблуждения не входит в задачу данной статьи. Его результаты опубликованы [12]. Здесь достаточно очень краткой статистической ссылки. В предпандемийный 2019 г., в государственной собственности по официальным данным было всего 15% основных фондов [6, 314]. Если на 15% основных фондов государству удастся создавать 70% ВВП, то это может свидетельствовать только об очень высокой эффективности госсектора со всеми вытекающими отсюда выводами относительно реструктуриза-

ции собственности при создании новой модели экономики.

Пренебрежение достоверными источниками и предпочтение необоснованно завышенных данных о доли государства в экономике потребовалось для двух целей. Во-первых: обвинить «непомерно раздутый» госсектор в стагнации и технологическом отставании; во-вторых: для обоснования претворения в жизнь идеи «второй волны приватизации». Целью является образование «второй волны» олигархической элиты.

Создание независимой судебной системы. Здесь проблема перевернута с ног на голову. Избыточная свобода и независимость судей является главной причиной многоуровневой коррупции в этой системе. На самом деле, необходим контроль за деятельностью судей, но не государственный, а общественный. Шагом вперед, по сравнению с нынешней системой, было бы использование советского опыта: выборность судей, периодическая отчетность перед избирателями, институт народных заседателей. Не недостаток, а избыточная независимость судей является главной проблемой этой ветви власти. У подобных предложений есть и другой контекст. Усложненная и дорогостоящая судебная процедура требует больших затрат на адвокатов, экспертизу. А если учесть и коррупционный рынок судебных услуг, то очевиден исход судебных споров в пользу наиболее состоятельной стороны. В этом суть разговоров о независимости судей за завесой риторики о демократизации и либерализации.

Второй подход не содержит потенциала изменения системы. Наоборот, предложения по «долиберализации» российской экономики только усугубит ее неэффективность. Все предлагаемые институты были созданы: частная соб-

ственность, антимонопольный комитет, независимый суд. Вместо того, чтобы исследовать их неэффективность и даже провальность, предлагается развивать эту систему. Если модель неэффективна, то она не даст желаемого результата. Сколько ни заливай в жернова неэффективной модели потоки денег под разными названиями (инновационное развитие, институты развития, приоритетные проекты, национальные проекты) существующая экономическая модель не содержит персонифицированных стимулов прорывного развития. Если субъектом прорывного развития выступает государство, его денежные потоки должны быть направлены на создание конкретных объектов и комплексов, которые явятся локомотивами развития новых технологий. Этому должна предшествовать плановая работа, вытекающая из Указа Президента РФ от 8 ноября 2021 г. № 633, и функций воспроизводственной

экономической политики.

Необходим переход к новой модели роста, основанной на большей роли внутреннего спроса и восстановлении воспроизводственного контура российской экономики, что позволит минимизировать зависимость от внешнеэкономической конъюнктуры и обеспечить производство основных видов промышленной продукции. Для этого потребуются активная государственная политика экономического роста, ликвидация разбухшего финансово-посреднического сектора, повышение вклада «ядра» реального сектора в прирост ВВП на основе технологического прогресса, использующего цифровые технологии и высококвалифицированную рабочую силу. Кроме того, требуются преобразования системного характера рассмотренные выше и требующие дальнейших разработок и обсуждений на позитивной и научной основе.

Литература

1. Всемирный банк отвел России 100 лет на развитие человеческого капитала. URL: <https://www.rbc.ru/economics/04/12/2019/5de76fa19a79476a1ebb8bec> (дата обращения: 22.05.2021).
2. *Белянин А.В.* Ричард Талер и поведенческая экономика: от лабораторных экспериментов к практике подталкивания (Нобелевская премия по экономике 2017 года) / А.В. Белянин // Вопросы экономики. – 2018, – №1.
3. *Кульков В.М.* Экономика России как система / В.М. Кульков // Экономическая наука современной России. – 2018. – № 4, С. 165–169.
4. О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года.
5. Распоряжение Правительства РФ от 17 ноября 2008 г. № 1.662-р
6. Российский статистический ежегодник. М.: Росстат, 2020.
7. Счетная палата российской федерации Государственный научно-исследовательский институт системного анализа Счетной палаты Российской Федерации. Анализ процессов приватизации государственной собственности в российской федерации за период 1993-2003 гг. (экспертно-аналитическое мероприятие). – М.: Олита, 2004.
8. *Теняков И.М.* Оценка потерь экономического роста в странах, перешедших к рынку / И.М. Теняков // Экономическое возрождение России. 2017. – № 1. – С. 119–131.

9. Указ Президента РФ «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года». URL: <http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&nd=102468157> (дата обращения: 22.05.2021). 10. Указ Президента РФ от 8 ноября 2021 г. № 633 «Об утверждении Основ государственной политики в сфере стратегического планирования в Российской Федерации». URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/47244> (дата обращения: 22.05.2021).

11. Хубиев К.А. Системный подход к потенциалу развития и факторам торможения российской экономики / К.А. Хубиев // Экономическое возрождение России. – 2015. – Т. 43. – № 1. – С. 23–30.

12. Хубиев К.А. Актуальная роль государства в экономическом развитии / К.А. Хубиев // Научные исследования экономического факультета. Электронный журнал экономического факультета МГУ имени М.В.Ломоносова. – 2016. – Т. 8. – № 4.

13. Human Development Reports. URL: <http://hdr.undp.org/en/indicators/186106> (дата обращения: 26.06.2021).

14. Гайдаровский форум 2022. Сессия «30 лет российскому рынку» 13.01.2022. URL: <https://gaidarforum.ru/ru/programme-2022/2500/> (дата обращения: 27.03.2022). А. Кудрин назвал уровень жизни в России на 20% выше, чем при СССР. URL: <https://news.mail.ru/economics/49583086/> (дата обращения: 14.01.2022).

УДК 338.2

S. N. Blinov,
Macroeconomist,
creator of the telegram channel «M2»
(@m2econ)

С. Н. Блинов,
Макроэкономист,
автор телеграм-канала «М2»
(@m2econ)

ПОТЕНЦИАЛ ЭКОНОМИЧЕСКОГО РОСТА РОССИИ В УСЛОВИЯХ МОБИЛИЗАЦИОННОЙ ЭКОНОМИКИ

***Аннотация:** в статье дан анализ текущей ситуации функционирования финансовой системы России в условиях санкций и мобилизационной экономики. Показана роль золотовалютных резервов и наличных денег в экономике. Выявлены особенности проявления «правила Фридмана» о наращивании денежной массы постоянными темпами в 4–5% в разных экономических условиях. Рассмотрены сценарии экономического развития России.*

***Ключевые слова:** экономический рост, санкции, «правило Фридмана», инфляция, золотовалютные резервы, денежная масса, мобилизационная экономика.*

Разворачивающийся на Западе кризис в существенных чертах повторяет картину экономических неурядиц Соединённых Штатов полувековой давности [1]. Успешно справившись со своими проблемами к середине восьмидесятых годов, США неожиданно легко повергли в прах экономику конкурирующей с ними за мировое лидерство второй сверхдержавы – Советского Союза.

Вместе с тем выход американской экономики из череды кризисов 1970-х гг. не был следствием осознанной экономической политики, но в определённой степени стал результатом счастливого стечения обстоятельств. Совсем не факт, что коллективный Запад сможет сегодня повторить успех Америки эпохи Рональда Рейгана. Нынешние нелады в глобальной мировой экономике дают России реальный шанс взять реванш за экономическую битву, бездарно проигранную СССР. Но используют ли рос-

сийские политические элиты и экономические власти этот шанс – тоже далеко не факт. Пока они к этому не готовы.

Чтобы благоприятный для России геополитический реванш реализовался, существенны два базовых условия:

– власти США должны продолжать дублировать свои ошибки 1970-х гг. (и пока что Федеральный резерв уверенно ведёт американскую экономику по проторённому тогда тернистому пути);

– власти же России, наоборот, должны сделать свою «работу над ошибками» и вырвать экономику из 14-летней трясины стагнации.

Для начала ответим на весьма важный вопрос: почему (к приятному удивлению одних и неприятному других) экономика России оказалась значительно более устойчива к санкционному давлению, чем ожидалось?

В начале специальной военной операции (СВО) большинство экспертных

центров в России и за границей прогнозировали, что спад российской экономики из-за санкций будет измеряться двузначными цифрами. К примеру, апрельский прогноз ЦБ допускал падение валового внутреннего продукта (ВВП) по итогам 2022 г. на 8–10%, а в четвёртом квартале года – на 12–16% [2]. Майский прогноз Еврокомиссии предполагал, что российский ВВП в 2022 г. сократится на 10,4% [3], а ОЭСР предсказывала падение на 10% [4].

Однако затем прогнозы стали смягчаться и выглядели уже не столь катастрофичными. Так, в августе вице-премьер Андрей Белоусов заявил, что экономический спад по итогам 2022 г. вряд ли превысит 3%, но всё может оказаться и ещё лучше. В сентябре Министерство экономического развития обнародовало новый прогноз: -2,9%, что с заявлениями Белоусова полностью совпадает. В унисон им авторитетный западный инвестиционный банк JPMorgan Chase & Co. пересмотрел первоначальный прогноз (-7%) и ожидает падение лишь на -3,5% [5]. 12 октября МВФ объявил новый прогноз, по которому падение составит лишь -3,4% [6].

Прогнозные оценки российских и западных аналитических служб, заверим читателя, будут улучшаться и дальше. Скажем больше: в 2022 г. российская экономика, вероятно, не только не упадёт, а даже слегка, на 1,0–1,2%, вырастет. Могла бы, о чём ниже, под прессом санкций вырасти и ещё существенней, но огрехи денежно-кредитной политики российских властей пока быстрого роста экономики не допускают.

Почему же экономический блицкриг коллективного Запада не задался? Краткий ответ: в 2022 г. стали невозможны губительные для экономики валютные интервенции Центрального бан-

ка. Ведь детонатором (или спусковым крючком) всех без исключения постсоветских кризисов российской экономики становились именно они. Так было и в 1998, и в 2008, и в 2013–2014 гг., когда российский ЦБ ради защиты падающего рубля активно продавал доллары и евро на валютном рынке. В 1998 г. в топку интервенций пошли не только имевшиеся скудные резервы, но и специальные займы МВФ. В 2008 г. за пять месяцев глава ЦБ Сергей Игнатьев «спалил», по образному выражению Владимира Путина, резервов на 200 млрд долларов (на сумму 5,6 трлн рублей – более трети (!) всей рублёвой денежной массы на начало кризиса). В 2013–2014 гг. Эльвира Набиуллина использовала немногим меньше – 177 млрд долларов (эквивалент 4,4 трлн рублей).

Бесплезная (ни Сергею Дубинину, ни Сергею Игнатьеву, ни Эльвире Набиуллиной уберечь рубль от резкой девальвации не удалось) растрата международных резервов – не самая большая беда такой политики. Гораздо хуже, что в ходе интервенций ЦБ взамен проданной на внутреннем рынке валюты получал рубли – и навсегда изымал их из экономики.

Последнее обстоятельство особенно важно подчеркнуть: ведь не только политики, но и многие профессиональные экономисты и в России, и на Западе не понимают, что, проводя валютные интервенции (продал валюту, получив за неё рубли), ЦБ тем самым «стерилизовал» рубли, или, говоря по-русски, уничтожал. Стерилизация рублёвой денежной массы валютными интервенциями, то есть масштабное изъятие рублей из экономики (= резкое сжатие совокупного платёжеспособного спроса) и становилось шоком, который запускал все перечисленные выше кризисы [7].

Отправился было по этому пути ЦБ и на этот раз. «Для стабилизации ситуации на финансовом рынке Банк России принял решение начать интервенции на валютном рынке», – известила Неглинная, 12, в первый же день СВО, 24 февраля. Только за один этот день интервенции составили около 1 млрд долларов (из экономики было изъято 84 млрд рублей). С такой же скоростью резервы сгорали осенью 2008 г., что буквально загнало экономику России в глубочайший кризис (Россия упала тогда больше всех в «Большой двадцатке»).

Казалось, и в этот раз ничто уже не остановит набирающий обороты маховик интервенций. Но... Страстно желая причинить как можно больший ущерб российской экономике, США и Евросоюз молниеносно, 27 февраля, прямо в выходной день, заморозили все международные резервы России в долларах и евро (около 300 млрд долларов), а также лишили ЦБ возможности совершать операции с этими валютами. «Я думаю, российские финансовые институты и другие участники рынка понимают, что без возможности России защитить свою валюту та сорвется в свободное падение», – самонадеянно заявил уже 27 февраля высокопоставленный представитель Белого дома [8]. Валютные интервенции ЦБ, таким образом, стали технически невозможны. И тем самым коллективный Запад объективно лишил Банк России единственной имевшейся у него возможности быстро вогнать российскую экономику в глубокий кризис.

Повторим ещё раз: экономический блицкриг против России не сработал только потому, что, запретив Банку России операции с долларами и евро, Запад сделал повторение разрушительных для экономики масштабных валютных интервенций прежних лет невозможным. А значит, стало невозможно повторить

кризисы по сценарию 1998, 2008, 2013–2014 годов.

Отметим, что вред валютных (или золотовалютных) интервенций – это не уникальная особенность нашей страны, а общее экономическое правило, действовавшее ещё в эпоху «золотого стандарта». Например, во времена Великой депрессии в такую ловушку попали Франция и Бельгия [9].

Итак, экономике вредно, когда ЦБ продаёт валюту (проводит валютные интервенции) на внутреннем рынке. Но если ЦБ валюту, наоборот, покупает (т.е. пополняет золотовалютные резервы или расплачивается валютой по внешним долгам), на экономике это сказывается благотворно. И дело не в росте международных резервов Центрального банка, а опять-таки в рублях. Если ЦБ покупает на внутреннем рынке иностранную валюту на «свежеотпечатанные» рубли, то обеспеченных скупленной валютой рублей в экономике становится больше. Такой приток полновесных рублей (= рост платёжеспособного совокупного спроса) и был главной причиной быстрого экономического роста в России в 1999–2008 годах. Денежная масса её экономики за этот период увеличилась более чем в 23 раза, с 0,6 до 14 трлн рублей.

Это важно отметить особо: не приток нефтедолларов, как ошибочно считают и в России, и на Западе, а масштабное добавление Банком России новых, обеспеченных нефтедолларами рублей в экономику сыграло решающую роль.

Напомним, что постдефолтному правительству Евгения Примакова (сентябрь 1998 май 1999) предстояло срочно выплатить по внешним обязательствам более 7 млрд долларов. Но контролируемый американцами МВФ перекредитовать «коммунистическое», как они считали, правительство Примакова наотрез отказался.

В результате главе ЦБ Виктору Геращенко и премьер-министру Евгению Примакову пришлось пойти на вынужденный шаг: ЦБ стал скупать на открытом рынке валюту за «свежеотпечатанные» рубли, а правительство отправляло её на погашение внешнего долга. Специально насыщать постдефолтную экономику рублями ни Геращенко, ни Примаков не собирались. Но благодаря быстрому росту рублёвой денежной массы (к августу 1999 г. темпы её роста достигли 73% годовых) экономика всех приятно удивила. Достаточно напомнить, что эксперты правительства прогнозировали в 1999 г. спад на 3%, а прогнозы ЦМАКП, которым тогда руководил нынешний первый вице-премьер Андрей Белоусов, предрекали ещё более глубокое падение – на 4–6%. Экономика же в 1999 г. выросла, причём на весомые 6,4%.

Плоды именно этой, вынужденно суверенной, кредитно-денежной политики пожинал затем пришедший на пост премьер-министра в августе 1999 г. Владимир Путин: в III и IV кварталах 1999 г. рост ВВП превышал 11% (!) годовых. Всего же за четыре года (1999–2002) внешний госдолг России сократился со 139 до 97 млрд долларов. Денежная масса благодаря этому выросла более чем в три раза, с 0,6 до 2 трлн рублей.

С 2003 г. к необходимости платить по внешним долгам добавился ещё один повод интенсивно «чеканить» новые рубли: рубль надолго (на 5,5 лет) перешёл к укреплению. Министр финансов Алексей Кудрин, справедливо опасаясь «голландской болезни», вовремя инициировал борьбу с его укреплением. Механизм борьбы был всё тот же: Центральный банк в гигантских количествах скупал на открытом рынке валюту в резер-

вы, тем самым вливая в экономику так нужные ей для роста новые рубли. ЗВР за эти 5,5 лет (с января 2003 по июль 2008) выросли более чем на полтриллиона долларов (с 47 до 597 млрд). Но для экономики было гораздо важнее, что денежная масса за это же время увеличилась в семь раз, с 2 до 14 трлн рублей. Результат – экономический рост стабильно выше шести, а в 2006 и 2007 гг. и восьми процентов в год – говорит сам за себя.

В нулевые экономика могла бы расти ещё быстрее, если бы Банк России в итоге не позволил всё-таки рублю укрепиться: курс с января 2003 г. по июль 2008 г. вырос с 32 до 23 рублей за доллар. Правильнее было бы удержать курс стабильным, то есть купить ещё больше валюты в резервы и добавить ещё больше «обеспеченных нефтедолларами» рублей в экономику. Ещё правильнее было бы покупать в обеспечение эмитируемых рублей не только валюту, но и другие активы, включая золото, облигации, акции российских «голубых фишек». Такое «количественное смягчение» могло бы обеспечить рост экономики не на 7–8%, а на 10–12% в год.

Помешало этому одно: ни в первом (1999–2002), ни во втором (2003–2008) эпизоде экономические власти реального механизма роста экономики не понимали. Ни Евгений Примаков, ни Алексей Кудрин, инициировавшие благодатное добавление рублей в экономику, перед собой такую цель не ставили. Первого заботило, чем платить внешние долги, второго – как не допустить чрезмерного укрепления рубля. И не случайно Примаков буквально до последних дней на посту главы правительства уговаривал главу МВФ Мишеля Камdessus всё-таки дать России кредит. А Алексей Кудрин непрестанно сетовал (и продолжает это

делать), что добавлять в экономику рубли – это и значит разгонять инфляцию. Но на то они и законы экономики, что работают, даже если конкретные их исполнители ставят совсем другие цели.

Нетрудно предсказать, что аналогичный нулевым годам манёвр – масштабную скупку активов (важно помнить, что иностранная валюта – это не деньги, это тоже актив!) на внутреннем рынке в обеспечение эмитируемых новых рублей – придётся повторить и сейчас. Иного способа обеспечить стремительно растущие финансовые запросы армии, оборонной промышленности и новых территорий полновесными, не «порченными» инфляцией деньгами у российских властей нет. Ни практически, ни теоретически. Очевидно также, что ни экспортных доходов, ни валютных сбережений населения на качественное обеспечение новых рублей не хватит. Под давлением обстоятельств Центральный банк будет вынужден обратиться к стандартной практике американских коллег и во всё возрастающих объёмах, напрямую или через агентов, скупать на внутреннем рынке ценные бумаги государства, других российских эмитентов.

Вполне возможно, что Банк России отважится пойти даже дальше американцев и начнёт, в обеспечение эмитируемых новых рублей, приобретать на внутреннем рынке не только ценные бумаги, но и ценные материальные активы: редкоземельные и цветные металлы, например, или, что было бы эффективнее, всю номенклатуру дефицитных на мировом рынке товаров российского экспорта. Для решения главной задачи – обеспечить фронт и тыл добротным финансовым ресурсом в необходимых объёмах – конкретный вид обеспечения рубля на самом деле не важен. Главное, чтобы обеспечение было качественным.

Бросающаяся в глаза заикленность российских властей исключительно на иностранной валюте при практически полном игнорировании других, не столь ограниченных извне активов понятна. Вплоть до 24 февраля 2022 г. валюта была самым ликвидным из доступных на внутреннем рынке активов. Сегодня, в рамках многочисленных санкционных режимов, это уже не так.

Однако в нулевые годы свою полезную функцию – насыщать экономику полновесными рублями и стимулировать тем самым её рост – масштабная скупка валюты для выплаты внешних долгов и пополнения международных резервов успешно выполняла. Кстати сказать, экономический рост на фоне наращивания ЗВР – далеко не только российская особенность. «Упрямый и до сих пор мало исследованный экономистами факт состоит в том, что [развивающиеся] страны, ускоренно накапливающие золотовалютные резервы, растут быстрее других. Существует явная зависимость между темпами экономического роста и темпами накопления валютных резервов, независимо от того, как мерить резервы – по отношению к ВВП или по отношению к импорту. Статистический анализ показывает, что эта связь очень устойчива и сохраняется даже тогда, когда принимаются в расчёт и другие традиционные факторы экономического роста: доля инвестиций в ВВП, исходный уровень хозяйственного развития (ВВП на душу населения), темпы роста населения» – отмечали академик Виктор Полтерович и доктор экономических наук Владимир Попов [10].

То, что для авторов статьи оставалось своеобразной загадкой («мало исследованный экономистами факт»), хорошо объясняется тем, что при наращивании ЗВР в национальную экономику добавляются национальные деньги. А

насколько велика роль денег в экономике, известно давно. Ещё меркантилисты XV–XVII веков отмечали, что чем больше в стране золота и серебра (это и были деньги того времени), тем больше процветают торговля и ремёсла (говоря современным языком, процветает экономика). Но простая мысль, что и сокращение объёма денег в стране (причём не только монет из драгоценных металлов, но и бумажных, и безналичных) автоматически приводит к кризису, никому в голову не приходила.

Чсть этого важнейшего открытия принадлежит Милтону Фридману (1912–2006), основоположнику монетаристской макроэкономической теории, лауреату Нобелевской премии по экономике (1976). В их с Анной Шварц фундаментальной «Монетарной истории Соединённых Штатов 1867–1960 годов» убедительно показано, что основной причиной экономических кризисов в почти столетний период американской истории были сокращения денежной массы (наличных и безналичных денег людей и предприятий).

Причиной Великой депрессии (1929–1933) тоже стала резкая нехватка денег. Фридман однозначно указал и на виновника постигшей Америку катастрофы – ФРС США, американский центрбанк. Именно Федеральный резерв, действуя из самых благих намерений, ужал денежную массу американской экономики на целую треть – и вверг страну в самый жестокий в её истории экономический кризис (рис. 1).

«ВВП есть функция денежной массы», – так можно было бы сформулировать основной постулат теории Фридмана. Прямым следствием этого постулата стало известное «правило Фридмана»: чтобы экономика устойчиво росла, он рекомендовал наращивать денежную массу постоянными темпами 4–5%. Прагматичные американцы уроки Фридмана выучили, и с тех пор сокращений денежной массы и, соответственно, новых изданий Великой депрессии не допускали. В том числе благодаря новоиспечённому нобелевскому лауреату Бену Бернанке (см. «Деньги, золото и Великая депрессия» на сайте ФРС) [11].

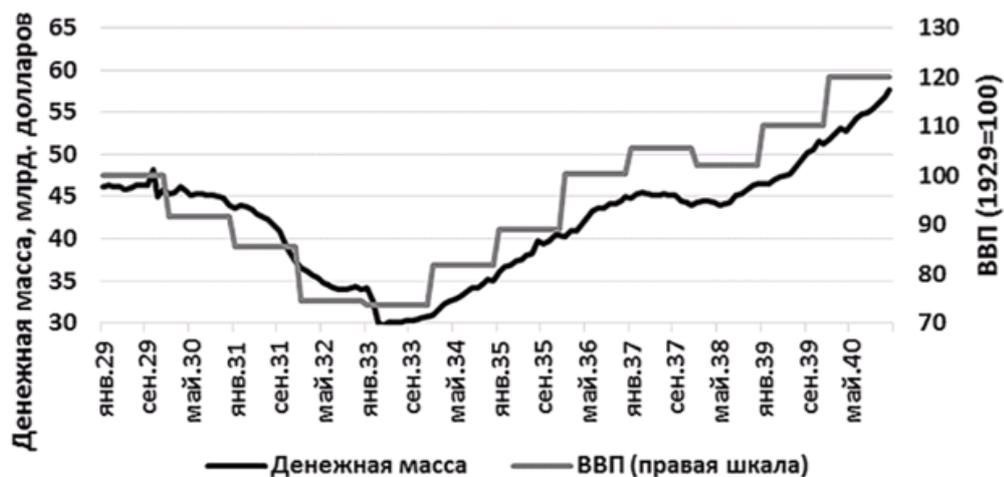

Рис. 1. ВВП и денежная масса во время Великой депрессии

Вместе с тем столь же прагматичные попытки американских властей в конце 1960-х гг. действовать от обратного, то есть простимулировать рост экономики денежной накачкой, сработали не так, как ожидалось. Вместо роста экономики на выходе получили рост безработицы и всплеск инфляции, а экономика затормозила. Тот период затяжной стагнации на фоне высокой инфляции стали называть «стагфляцией» (смесь стагнации и инфляции). А любые попытки добиться экономического роста денежной накачкой тогда же заклеямили как априори вредные.

Соответственно, в умах экономического истеблишмента сначала в Соединённых Штатах, а по мере успехов глобализации и повсеместно, укрепилась противоположная концепции Фридмана

мысль. А именно: что не деньги правят миром. Наоборот, правильно устроенная рыночная экономика сама создаёт себе столько денег, сколько ей требуется. Этой господствующей в мире экономической концепции вот уже 30 лет искренне привержены и российские экономические и денежные власти.

Тем не менее списывать Милтона Фридмана с корабля современности экономический истеблишмент поторопился. Оказалось, что теория его по-прежнему верна [12], а ошибки в конкретных выводах и рекомендациях были обусловлены предметом его многолетних исследований – экономической историей США. Характерная особенность которой – более чем полтора века (1800–1960) низкой инфляции (рис. 2).

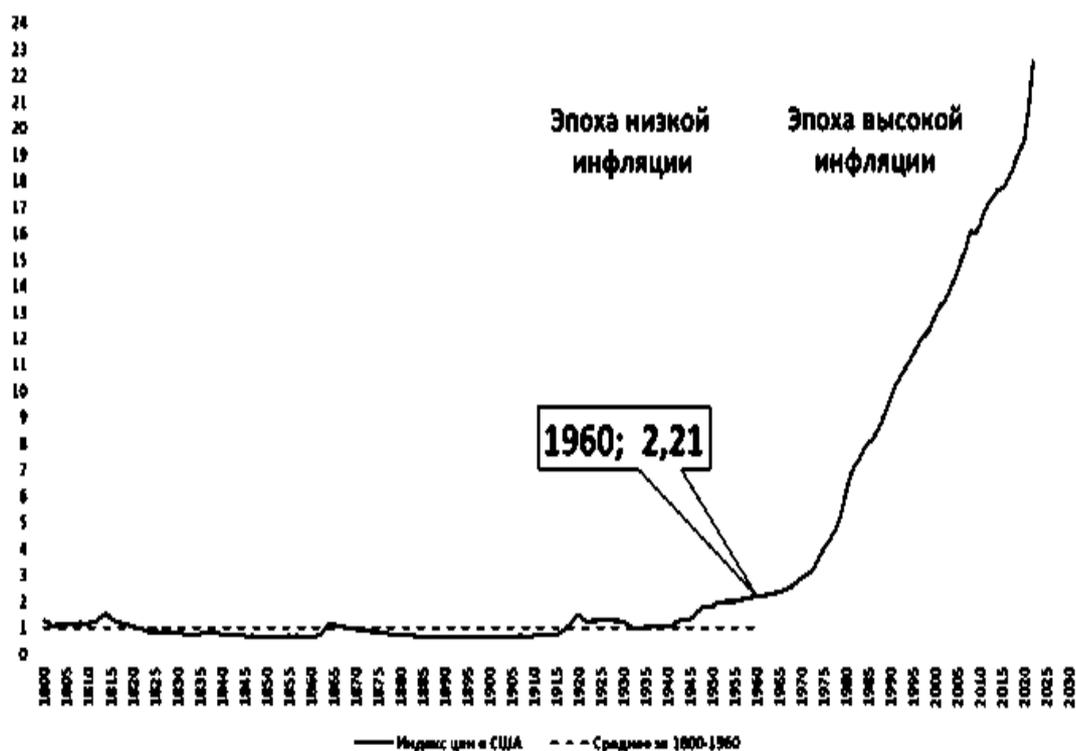

Рис. 2. Индекс цен в США в 1800-2021 гг. (среднее за 1800-1960 = 1)

Привычная во времена Фридмана низкая инфляция означала, что в расчётах ею можно пренебречь. Номинальный рост – что денежной массы, что валового внутреннего продукта – был примерно равен росту реальному. И Фридман естественным образом не принимал инфляцию в расчёт. Когда же американская экономика попала в зону высокой инфляции, рекомендации Фридмана оказались неадекватны.

Стоит же поправку на инфляцию учесть, как всё становится на свои места. «Реальный ВВП есть функция реальной денежной массы, РДМ» – такая модифицированная формулировка основного постулата Фридмана на удивление хорошо объясняет экономическую динамику любой страны вне зависимости от того, низкая там инфляция или высокая [13].

Ничего сложного в применении этой формулы нет:

– растёт денежная масса в стране быстрее, чем растут цены (что и означает, что денежная масса растёт в реальном выражении), – растёт и ВВП страны;

– растёт денежная масса медленнее цен (то есть сокращается в реальном выражении) – ВВП страны падает. И теперь понятно, почему оригинальное «правило Фридмана» (наращивать денежную массу постоянными темпами в 4–5%) не оправдывало себя в эпоху высокой инфляции: например, при росте цен на 10% в год следовать правилу Фридмана – значит сокращать реальную денежную массу и погружать экономику в рецессию.

В модифицированном виде «правило Фридмана» можно представить как «главное правило экономического роста»: чтобы экономика росла, денежная масса в стране должна расти быстрее

цен. В приведённом выше примере (при инфляции в 10%) обеспечить экономический рост можно только одним способом – наращивать денежную массу быстрее, чем на 10%.

Яркий тому пример – Турция. С января 2020 по сентябрь 2022 г. цены там выросли в 2,3 раза (на 130%). Но Центральный банк Турции главному правилу экономического роста следовал исправно: денежная масса выросла ещё больше, в 2,9 раза (на 190%). Именно поэтому, несмотря на галопирующую инфляцию и ослабление лиры, экономика Турции на зависть быстро растёт. Росла даже в ковидный 2020-й (из «Большой двадцатки», кроме Турции, это удалось только Китаю). И в первом полугодии 2022 г. уверенно продолжила расти: прирост ВВП превысил 7%.

Вот и череду американских рецессий 1970-х гг. проще всего объяснить тем, что ФРС раз за разом нарушала главное правило экономического роста – и денежная масса начинала расти медленнее цен, что с определённым лагом по времени приводило к рецессиям (рис 3).

Другими словами, для кризиса не обязательно, чтобы, как в Великую депрессию, денежная масса сжималась. Достаточно, чтобы она росла медленнее цен. (То есть на самом-то деле сжималась, только сжималась не номинально, а в реальном выражении.)

Так и происходило в США в те годы:

– в августе 1969 г. началось сжатие РДМ – в январе 1970 г. началась рецессия (лаг 5 месяцев);

– в октябре 1973 г. началось сжатие РДМ – в декабре 1973 г. началась рецессия (лаг 2 месяца);

– в октябре 1978 г. началось сжатие РДМ – в феврале 1980 г. началась двой-

ная рецессия 1980–1982 гг. (лаг 14 месяцев).

Выход из кризиса начался только тогда, когда возглавивший в августе 1979 г. Федеральный резерв Пол Волкер

решительно (значительно выше уровня инфляции) и надолго повысил ставку, но не стал препятствовать денежной массе расти быстрее, чем цены.

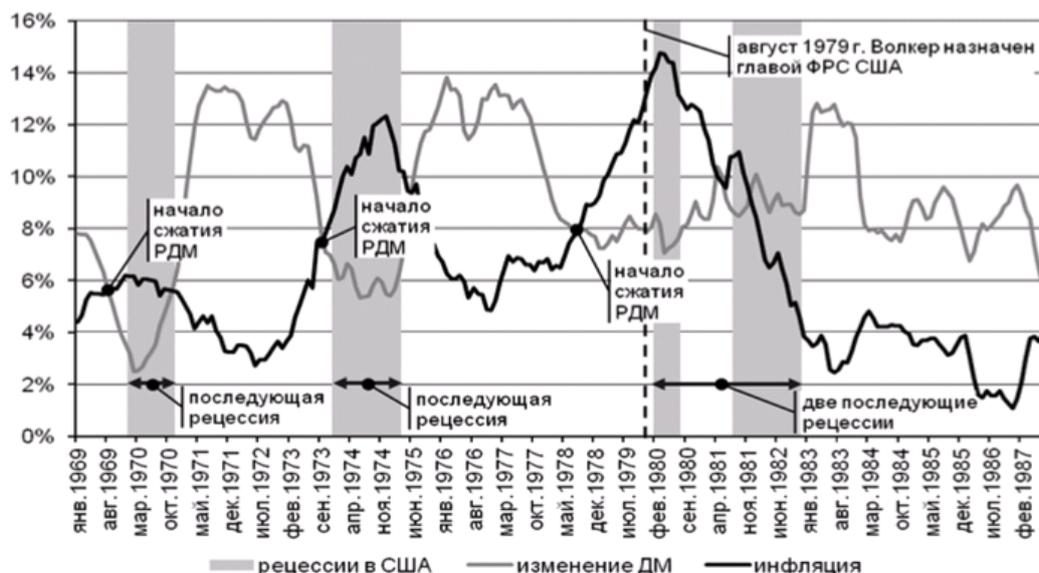

Рис. 3. Изменение денежной массы и инфляция в период рецессии в США

Опыт 1970-х гг. даёт нам ключ к пониманию глубины проблем сегодняшней Америки. С апреля 2022 г. в США вновь наблюдается сжатие РДМ, причём сильнейшее с 1980 года. По данным на 1 сентября, при инфляции в 8,3% денежная масса подросла всего на 4,1% — главное правило экономического роста не выполняется. Если ФРС продолжит свой нынешний курс (а пока смены курса не видно), то рецессия экономики — вопрос лишь времени [14]. Причём — ближайшего.

Российская экономика подчиняется тем же законам, что и американская. И главное правило экономического роста в России действует как часы. Как только денежная масса растёт медленнее цен, сразу наступает кризис. (При младореформаторах (1991–1998), например, де-

нежная масса увеличилась в 417 раз, но цены выросли в 2500 раз. Соответственно, покупательная способность денежной массы все эти годы непрерывно сокращалась, что и было причиной практически непрерывного падения российского ВВП.) Но, как и в Соединённых Штатах, если денежная масса растёт быстрее цен, экономика тут же начинает подъём (рис. 4).

Причём имеет значение, насколько рост денежной массы опережает рост цен. Или, говоря другими словами, важно, насколько быстро растёт реальная денежная масса (РДМ). Если опережает значительно, как в 1999–2008 гг. (РДМ росла быстро), то и ВВП растёт быстро. Если опережает слабо, как в 2016–2019 гг. (РДМ росла медленно), то и рост ВВП — слабый.

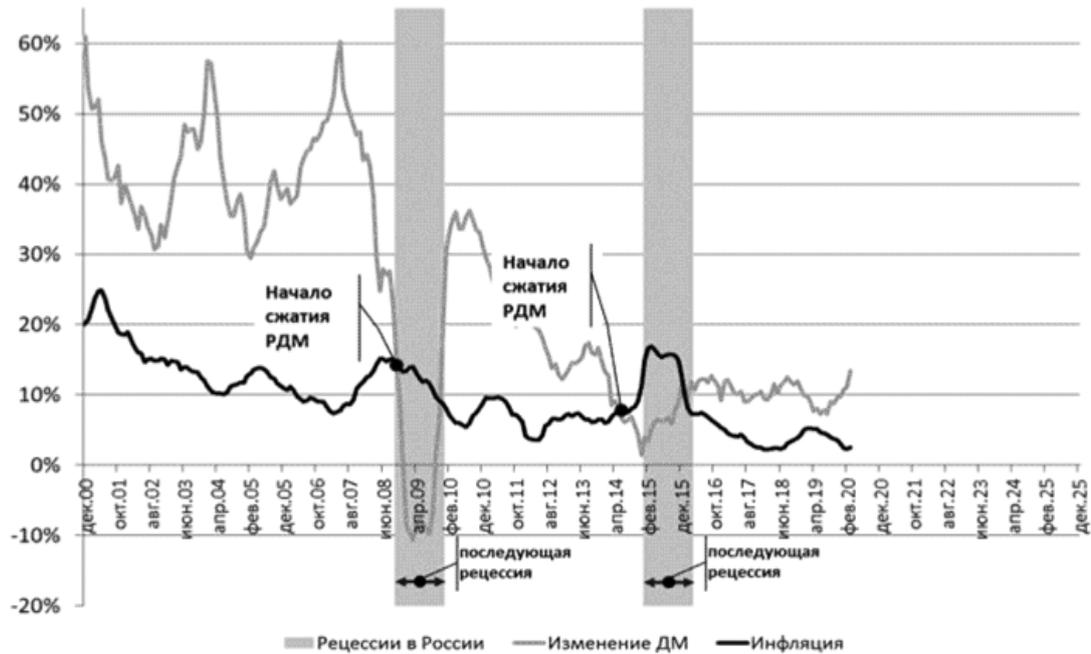

Рис. 4. Изменение денежной массы и инфляция в период рецессии в России

Главное правило роста российской экономики можно представить в очень удобном для практических целей формате – своеобразной «таблице умножения ВВП».

Воспользуемся таблицей 1 для прогноза возможных сценариев развития событий. Кризисный сценарий, предполагающий глубокое (-9% и более) сжатие реальной денежной массы, и, соответственно, резкий спад экономики, практически исключён. Как мы уже пояснили выше, коллективный Запад опрометчиво лишил российский Центробанк способности проводить масштабные валютные интервенции. А без таких интервенций ввести российскую экономику в кризисное состояние невозможно. (Хотя известная шутка гла-

сит, что нет таких ситуаций, из которых невозможно выйти с позором.)

Стагнационный сценарий представляется сейчас самым вероятным. Сложившиеся за три квартала 2022 г. тренды говорят, что реальная денежная масса по итогам года вырастет примерно на 4%. Это, в соответствии с таблицей умножения ВВП, приведёт к росту экономики на чуть более одного процента. Конечно, в условиях беспрецедентных санкций экономические власти и такой мизерный рост будут продавать населению и президенту как огромное достижение. Но по факту это будет означать всего лишь продолжение уже привычной 14-летней стагнации (среднегодовой рост экономики с 2009 г. не превышает 0,9%).

Таблица 1

Темп роста денежной массы* и соответствующий ему темп ВВП

РДМ	ВВП
-9%	-3%
-6%	-2%
-3%	-1%
0%	0%
3%	1%
7%	2%
10%	3%
14%	4%
18%	5%
22%	6%
26%	7%
30%	8%
34%	9%
38%	10%
42%	11%
46%	12%

* среднегодовая динамика

Отметим, что в директивах Банка России на 2023–2025 гг. именно эти макроэкономические параметры и заложены: рост реальной денежной массы согласно «Основным направлениям денежно-кредитной политики» составит менее 7% в год [15]. Ждать, что на таком скудном денежном пайке экономика вдруг станет расти быстрее 2%, не приходится.

Сценарий ускорения (до необходимых воюющей стране 10–12%) роста пока выглядит маловероятным. Не в си-

лу военных действий, западных санкций или каких-то иных объективных причин. Главный барьер экономического роста – ментальный: нынешнее руководство ЦБ искренне считает, что деньги в экономике появляются не благодаря Центробанку, а в силу кредитной активности финансового сектора, то есть доброй или злой воли коммерческих банков. И цели руководители ЦБ ставят соответствующие – ведущие к стагнационному сценарию (см. выше).

Причём, как свидетельствует опыт

во многих отношениях модельного для нынешней ситуации 1999 г., вывести экономику на такие темпы роста можно за три-шесть месяцев. И поддерживать высокие темпы роста (особенно учитывая низкую по сравнению с теми же США базу старта) практически неограниченно долго. Всё, что денежным властям нужно делать – сознательно следовать алгоритму, которому Банк России бессознательно следовал в 1999–2008 гг., при Викторе Геращенко и Сергее Игнатьеве [16]. Требуется лишь немного адаптировать апробированный алгоритм к нынешней обстановке.

Адаптировать его придётся в двух основных отношениях. Во-первых, стандартная для «славного десятилетия» скорость роста денежной массы в 50–60% годовых обеспечивалась, как показано выше, масштабной скупкой валюты (преимущественно долларов) на внутреннем рынке для погашения внешних долгов и пополнения международных резервов. Сегодня Центробанк может и должен масштабно закупать на внутреннем рынке другие, гораздо более надёжные активы:

– государственные облигации, золото, платину, палладий – ничто не мешает Центробанку покупать эти активы уже сейчас;

– корпоративные облигации, акции российских «голубых фишек» и иные фондовые активы – для этого, возможно, потребуется больше смелости от ЦБ. При этом осуществляться всё это может через покупку Центробанком облигаций институтов развития (ВЭБ, например) или других уполномоченных правительством организаций, а остальную «черновую» работу по выбору активов и их покупке могут осуществлять эти институты;

– цветные металлы и, шире, любую

другую номенклатуру российского экспорта. Такие покупки тоже возможны через приобретение облигаций государственных структур типа «Росрезерва».

Можно было бы, наверное, покупать на внутреннем рынке и валюты «дружественных» стран, но надёжность такого рода активов сомнительна. В нынешней геополитической ситуации переход стран из «дружественных» в «недружественные» и обратно будет скорее правилом, чем исключением.

Сразу оговоримся, что указанные выше виды активов для скупки приведены лишь для примера. Кто хочет – ищет возможности, кто не хочет – ищет причины. При желании специалисты ЦБ и сами могли бы найти и множество способов наращивать денежную массу, и подходящие для этого активы.

Во-вторых, нужно ещё жёстче и последовательнее, чем даже в нулевые, бороться с инфляцией. Чем ниже инфляция, тем легче денежным властям добавлять новые рубли в экономику, тем масштабнее может быть денежная накачка. Причём подавлять инфляцию нужно не сжатием денежной массы, как это предпочитают делать сейчас, а повышением ставки. Напомним, что в славные 1999–2008 гг. именно высокие (до 55%), существенно превышавшие инфляцию ставки позволяли ЦБ наращивать денежную массу высокими темпами. Инфляция при этом безо всякого таргетирования непрерывно снижалась – с 36% по итогам 1999 г. до 12% по итогам 2007 года.

Банк России пока что действует ровно наоборот: ключевая ставка сейчас почти в два раза ниже годовой инфляции – на уровне 7,50%. На языке прошлых веков это называлось «порчей монеты».

В стремлении к низким ставкам Эльвира Набиуллина не одинока. За-

блуждение, что снижение ставки (= дешёвые деньги) благо для экономики, с ней разделяют самые широкие круги бизнесменов и политиков, включая и президента Владимира Путина. Разделяют, несмотря на то, что это противоречит фактам как российской, так и зарубежной истории и практики.

Тот же Пол Волкер добился выхода американской экономики на траекторию устойчивого 25-летнего роста не снижением, а резким повышением учётной ставки. Экономика Японии при высоких ставках росла темпами 7% в год – знаменитое «экономическое чудо» 1955–1991 годов. И наоборот, при нулевых ставках все последние 30 лет растёт очень медленно, на 0,9% в среднем в год – три не менее знаменитых «потерянных десятилетия».

То же и в России. В 1999–2008 гг., когда экономика росла в среднем более чем на 7% в год, ставки ЦБ ни разу не опускались ниже 10%. И в среднем за десятилетие составили 21%. То есть в «славное путинское десятилетие» быстрому росту экономики высокие ставки никак не мешали. И наоборот, с 2009 г. ставки ЦБ редко превышают 10% (только эпизодически, в периоды турбулентности конца 2014 – начала 2015 г. и с марта по май нынешнего года). Среднее значение ставки – 8%. Но экономика всё это время растёт в среднем на 0,9% в год. Низкие ставки её ускорению никак не способствуют. Что экономике для роста нужны «дешёвые» деньги, не подтверждает и опыт Великой депрессии: ставки тогда были на исторических минимумах, но росту экономики это не помогло.

Вывод прост. Деньги не должны быть «дешёвыми» и теряющими свою ценность. Деньги должны быть «дорогими», свою ценность сохраняющими. Но таких – дорогих, полновесных – де-

нег в экономике должно быть много. Чем больше, тем лучше. Говоря образно: когда ваши карманы набиты деньгами, никакие кредиты вам не нужны.

«Сегодняшнее геополитическое положение России, прямо скажем, небывалое. Кто-то может его ругать, кто-то хвалить, я сознательно не хочу ставить плюсов или минусов, но думаю, что все согласятся с тем, что оно беспрецедентно. Откуда оно взялось? Ему было бы неоткуда взяться без фантастического российского экономического роста в период 1999–2006 годов. Удвоения ВВП не было, но тем не менее был мощный 8–9-процентный рост. Небольшое количество стран в мире может такими результатами похвастаться. Без этой базы не было бы российского оружия в Сирии и многого другого», – справедливо говорил на гайдаровском форуме либеральный, как он сам себя называет, империалист Анатолий Чубайс в довоенном и доковидном 2018 году [17].

И тогда же прозорливо предупредил, что низкие, 1–2% в год, темпы роста ставят на геополитических амбициях страны жирный крест: «Два процента роста через какое-то время поставят не просто вопрос про Сирию, а про место России в мире. Я уж не говорю о том, что они поставят вопрос о военно-промышленном комплексе РФ, про автаркию, санкции, инновационное развитие, технологические приоритеты и т.д. Россия не может рассчитывать в долгой перспективе на сохранение существующего места в мире – при существующей экономической политике в России. Не сходится!» [17].

Серьёзное препятствие для быстрого роста только одно: головы денежных властей страны повернуты в другую сторону. Но нужда, гласит народная мудрость, – лучший учитель. Восстановление новых территорий, необходимость

обеспечения армии и тыла – все эти жизненно важные для России потребности может обеспечить только быстро-растущая экономика, что без адекватных действий ЦБ невозможно. Уже скоро высшему политическому руководству

страны придётся либо добиться от Банка России быстрого роста экономики, либо сменить его руководство. И тогда кажущийся фантастическим сегодня сценарий ускорения российской экономики до 10% роста в год станет реальностью.

Литература

1. *Блинов С.* Восьмое криптопослание Госдуме / С. Блинов // Эксперт. 23.11.2020. – URL: <https://expert.ru/expert/2020/48/vosmoe-kriptoposlanie-gosdume/> (дата обращения: 23.09.2022).
2. Среднесрочный прогноз Банка России по итогам заседания Совета директоров по ключевой ставке 29 апреля 2022 года // Банк России. 29.04.2022. – URL: http://www.cbr.ru/collection/collection/file/40964/forecast_220429.pdf (дата обращения: 23.09.2022).
3. European Economic Forecast // European Commission. Institutional Paper No. 173. Luxembourg, May 2022. 204 p. – URL: https://ec.europa.eu/info/system/files/economy-finance/ip173_en.pdf (дата обращения: 23.09.2022).
4. OECD Economic Outlook. 2022. Vol. 2022. No. 1. 231 p. – URL: https://www.oecd-ilibrary.org/economics/oecd-economic-outlook/volume-2022/issue-1_62d0ca31-en (дата обращения: 23.09.2022).
5. *Сапожников А.* Bloomberg: Россия избежала худшего сценария рецессии / А. Сапожников // Коммерсантъ. 6.07.2022. – URL: <https://www.kommersant.ru/doc/5447762> (дата обращения: 23.09.2022).
6. Countering the Cost-of-Living Crisis // World Economic Outlook. IMF. Report October 2022. Washington, DC, 2022. 186 p. – URL: <https://www.imf.org/en/Publications/WEO/Issues/2022/10/11/world-economic-outlook-october-2022> (дата обращения: 23.09.2022).
7. *Блинов С.* Россия-2024: взгляд из 2020 года / С. Блинов // Московский центр Карнеги. 14.02.2020. – URL: <https://carnegie.ru/2020/02/14/ru-pub-81072> (дата обращения: 23.09.2022).
8. США заявили, что рубль «сорвется в свободное падение» // РИА «Новости». 27.02.2022. – URL: <https://ria.ru/20220227/ssha-1775319836.html> (дата обращения: 23.09.2022).
9. *Блинов С.* Медвежья услуга больших резервов / С. Блинов // Дзен. 5.01.2020. – URL: <https://dzen.ru/media/m2econ/medvejia-usluga-bolshih-rezervov-5e122ea1c49f2900b11326b5> (дата обращения: 23.09.2022).
10. *Полтерович В.* Последняя надежда / В. Полтерович, В. Попов // «Эксперт» № 48 (354), 2002.
11. *Bernanke B.* Money, Gold and Great Depression / B. Bernanke // The Federal Reserve Board. 2.03.2004. – URL: <https://www.federalreserve.gov/boardDocs/speeches/2004/200403022/default.htm> (дата обращения: 23.09.2022).
12. *Блинов С.* Реальные деньги и экономический рост / С. Блинов // Munich Personal RePEc Archive. 16.10.2015. URL: <https://mpra.ub.uni-muenchen.de/67256/1/> (да-

та обращения: 23.09.2022).

13. *Блинов С.* Инфляция и экономический рост / С. Блинов // Munich Personal RePEc Archive. 2.04.2017. URL: <https://mpra.ub.uni-muenchen.de/78087/1/> (дата обращения: 23.09.2022).

14. *Блинов С.* Инфляция в США и её последствия / С. Блинов // Дзен. 17.05.2021. – URL: <https://dzen.ru/media/m2econ/infliaciia-v-ssha-i-ee-posledstviia-dlia-rossii-609fdfef106dc30e5401627d> (дата обращения: 23.09.2021).

15. Основные направления единой государственной денежно-кредитной политики на 2023 год и период 2024 и 2025 годов. Проект от 27 сентября 2022 года. – М.: Банк России, 2022. 159 с. – URL: [http://www.cbr.ru/content/document/file/139691/on_project_2023\(2024-2025\).pdf](http://www.cbr.ru/content/document/file/139691/on_project_2023(2024-2025).pdf) (дата обращения: 23.09.2022).

16. *Блинов С.* О росте ВВП на 5% / С. Блинов // Эксперт. 29.07.2019. – URL: <https://expert.ru/2019/07/29/gost/> (дата обращения: 23.09.2022)

17. *Чубайс А.* Выступление на гайдаровском форуме 2018 года / А. Чубайс. // Видео по теме (с отметки 1:38:38) <https://youtu.be/cdf0g9hnxDk?t=5919> (дата обращения: 08.11.2022).

МОБИЛИЗАЦИОННАЯ ЭКОНОМИКА И ВОПРОСЫ ИНТЕГРАЦИИ НОВЫХ РЕГИОНОВ РОССИИ

УДК 330.323.4

I.A. Blagikh,
Dr. of Science (Economics), Professor,
Professor Department of Economics Science
Faculty of Economics,
Saint Petersburg State University,
Saint Petersburg

И.А. Благих,
доктор экономических наук, профессор,
профессор кафедры экономической теории
экономического факультета
Санкт-Петербургского государственного
университета, ivan-blagikh@yandex.ru

A.Y. Protasov,
Candidate of Economic Sciences,
Associate Professor, Head of the Department of
Economic Theory and History of Economic
Thought, St. Petersburg State University,
baikal.spb@mail.ru

А.Ю. Протасов,
кандидат экономических наук, доцент
заведующий кафедры экономической теории
и истории экономической мысли Санкт-
Петербургского государственного универси-
тета, baikal.spb@mail.ru

МОБИЛИЗАЦИОННАЯ И ВОЕННАЯ ЭКОНОМИКА: ОБЩЕЕ И ОСОБЕННОЕ

Аннотация: в статье рассматривается новая реальность российской экономики, заключающаяся в ведущейся объединенным Западом гибридной войне против современной России. Адекватным ответом на нее является перевод экономики России на рельсы мобилизационного хозяйства. Исследуя структуру и инструментарий мобилизационной экономики, автор обращает внимание, что в общем виде мобилизационное хозяйство представляет собой национальную экономику, ресурсы которой сосредоточены и используются для противодействия угрозам существования страны и этноса как целостной системы. При этом, в отличие от военной экономики, в которой все хозяйственное функционирование подчинено требованиям войны, мобилизационная экономика – это экономика хозяйства, в котором военным задачам подчинена лишь его значительная часть. В конкретно исторических условиях данное определение может уточняться в зависимости от степени угрозы, военно-экономических и политических возможностей, готовности народа пойти на определенные жертвы ради организации отпора враждебным силам. В процессе проведенного анализа автор предлагает меры и инструментарий соответствующие мобилизационной и частично военной экономике.

Ключевые слова: экономическая война, гибридная война, мобилизационная экономика, военная экономика, мобилизационные реформы.

Россия проводит частичную мобилизацию. Следующий шаг за коллективным Западом. Спираль вооруженного противостояния раскручивается по своим законам. За срыв оборонзаказа грозит уголовная ответственность. С учетом, что на выпуск конечной военной продукции работают сотни различных предприятий, в том числе и не оборонных, государственное регулирование будет все более и более вытеснять коммерческий интерес из сферы народного хозяйства [1].

Процессы на свертывание рыночных отношений затрагивают не только российскую, но и западную экономику. Так называемые санкции, введенные Западом, ударили по ней бумерангом, привели к государственному регулированию цен на энергоносители, продовольствие, удобрения, государственным дотациям предприятиям и продовольственному рынку. Уже можно с уверенностью сказать, что в перспективе глобализация, ВТО, ООН и другие международные процессы и институты канут в лету мировой истории. Политологи и правительственные круги Запада не только говорят о третьей мировой войне, но и обсуждают ее возможные сценарии...

Новая реальность требует определенных интеллектуальных усилий со стороны отечественных экономистов для выработки рекомендаций управленческим структурам в связи с военно-экономической мобилизацией.

Сложность состоит в том, что еще с «лихих 90-х» с началом ры-

ночных реформ российская экономика стала строиться по лекалам экономических теорий стран Запада, которые исконно практикуют применение санкций для других экономик, но сами не испытывают их действия. Отсутствие исторических примеров и практических рекомендаций ставит под сомнение практическую значимость указанных теорий для современной российской экономики [2].

В настоящее время в связи со специальной военной операцией, проводимой по защите населения Донбасса, демилитаризации и денацификации Украины, введением экономической блокады России со стороны объединенного Запада, в сети Интернет появилось значительное количество публикаций о мобилизационной экономике. В основном в них рассматриваются возникшие и предстоящие кризисные явления в российской экономике при принятии 6-го, 7-го, 8-го и т.д. «пакетов» санкций, налагаемых на Россию и рекомендаций по их преодолению [3]. Априори предполагается, что по окончании военных действий, российская экономика вернется в лоно рыночного хозяйства. От чтения подобного рода публикаций, имеющих, кстати, массовый характер, складывается впечатление, что экономическая наука современной России осталась единственной сферой, где не только не произошло импортозамещения, но даже не наметилось какого-либо стремления к его осуществлению.

Между тем в отечественной экономической мысли имеются теорети-

ческие и практические наработки, чтобы можно было анализировать сложившуюся ситуацию и предложить вполне определенные рекомендации. Термин «мобилизация» (фр. mobiliser как производное от лат. mobilis – «мобильный, маневренный») применительно к хозяйственной жизни ясно указывает как на ближайший аналог этого типа организации – военную сферу, так и на сходство условий и обстоятельств, при которых такая организация становится необходимой и единственно рациональной. Это сходство военной и мобилизационной сфер хозяйства распространяется также на характерный метод, которым и та, и другая приводятся в движение, – государственное воздействие вплоть до принуждения, применяемое во всех возможных видах институционального устройства [4].

При этом следует подчеркнуть, что в существующих в отечественной литературе определениях мобилизационной экономики указывается в основном на использование ресурсов. Они сосредоточены государством и используются для противодействия всему тому, что угрожает существованию страны как целостной системе. Данное определение не указывает напрямую на военную угрозу. Оно носит достаточно общий характер и многовекторный подход. Речь еще не идет о военной мобилизации экономики, но это определение в принципе его не исключает [5].

Теоретические проблемы военной экономики, как известно, связаны не только с теми или иными эко-

номическими взглядами, но и с учениями о государстве, войне и политике, социальными и антропологическими теориями. Экономическая подготовка к войне ведется в соответствии с политическими и геополитическими доктринами, принятыми на вооружение политическими классами, господствующими в обществе. Победы или поражения в войне изменяют экономическое состояние государства, замедляют или ускоряют рост национальной экономики.

До начала XIX столетия под военной экономикой экономистами-теоретиками понималась экономика государства, ведущего непосредственные боевые действия на своей территории или территории соседнего государства. Мирной экономикой называлось состояние государства перед войной. Послевоенной – после войны. В XIX столетии «мирная экономика» могла быть у европейского государства, ведущего войны в заокеанских владениях соседнего континентального государства, осуществляющего экономическую блокаду, морское пиратство на транзитных морских путях и каперство в отношении торговых кораблей экономических конкурентов. Агрессивными намерениями считалось лишь резкое увеличение численности регулярной континентальной армии и заключение союзов и коалиций, непосредственно направленных против соседних европейских стран» [6].

Технический прогресс потребовал включения в понятие военная экономика состояние промышленного развития той или иной страны.

После Венского (1815 г.) конгресса появился новый термин, определяющий способность страны вести на европейском континенте крупномасштабную и длительную войну только лишь за счет собственных промышленных, военно-технических и людских ресурсов – «великая держава». К таким были отнесены: Великобритания, Россия, Пруссия (Германия), Австро-Венгрия и Франция. Через сто лет именно они ввергли весь остальной мир в состояние мировой войны. Актом агрессии по-прежнему рассматривалось объявление мобилизации людских резервов, находящихся «в запасе», но ему предшествовал длительный период военно-промышленного развития, накопление военной техники, боеприпасов, продовольствия и развитие транспортных коммуникаций в районах, непосредственно прилегающих к будущему театру войны.

Теории и идеи в экономической сфере бесплодны, пока их не взяло на вооружение и не реализовало в своей политике государство. Либеральная экономическая теория отрицает позитивное участие государства в экономике, отводя ему роль «ночного сторожа» и, соответственно, исключает его из «гармоничного экономического мира» рыночного хозяйства. «Всякий, кто помнит о существовании государств, отделенных друг от друга и устроенных различным образом, никогда не разрешит ни одного вопроса политической экономии», – это завещание Тюрго можно поставить эпиграфом к любому учебнику, вышедшему из-под пера либерально-экономиста-теоретика. Однако в

настоящее время, когда либерализм переживает полосу своего триумфа и достиг вершин мирового господства, особенно наглядно видно расхождение между либеральными теориями и либеральной практикой. «Либерализм – не что иное как маска, скрывающаяся под которой, представители господствующих экономических интересов пользуются государственной политической властью и используют ее в собственных эгоистических целях» Ярким примером этому являются США, которые будучи лидером либерального мира, обогатили в двух мировых войнах международную олигархию. Именно она является теперь по сути дела «мировым правительством» [7].

Либеральный капитализм всегда находил поддержку в армии, на флоте и в дипломатии европейских, азиатских «модернизированных» государств, в марионеточных режимах Африки и Латинской Америки. Известно, что во Франции с начала XIX столетия развитие торговли и промышленности поощрялось и даже инициировалось государством. Со второй половины XIX века английское государство активно подключилось к решению проблем своих торгово-промышленных компаний, образовавших за океанские колониальные владения. Известно также, что германская экспансия шла после 1870 года по наущению и с помощью государства. «Государственный социализм» строили Наполеон III и Бисмарк. С конца XIX столетия «патерналистский социализм» начала строить Япония, распространив свою «отеческую заботу» на все желтоко-

жее население Юго-Восточной Азии и Океании, угнетаемое белыми колонизаторами. С теми или иными оговорками либеральный капитализм всегда соглашался с национальными видами «социализма», если при нем исправно выплачивались проценты по предоставленным займам. В этом, как представляется, состоит разгадка того вопроса, который активно обсуждался в западной литературе в ходе и долгое время спустя после Нюрнбергского процесса: «кто допустил национал-социализм в Германии и его распространение в странах Европы и даже Америки?» [8].

Мобилизационный тип экономики, связанный с наращиванием военного потенциала, закономерно предполагает, с одной стороны, предрасположенность к военной экспансии, с другой – обращение к политике экономической автаркии (т.е. опоры на собственные силы), поскольку только в этом случае все необходимые для военных приготовлений ресурсы становятся полностью подконтрольными дирекционной власти государства как конечной инстанции распоряжения ими. Ограничителем действия этого механизма эскалации становится лишь достижение относительного равновесия между пределами военной экспансии и автаркической замкнутостью военного хозяйства.

Известная работа У. Мак-Нила в полной мере раскрывает роль военной экономики как решающего импульса экономической модернизации в период Нового времени. Начиная с середины XVIII в., именно передо-

вые методы ведения войны и военного обучения, знаменовавшие переход к массовым армиям, дали мощный толчок внедрению в производство (особенно в военное, связанное с изготовлением вооружения и амуниции) первых массовых – заводских – технологий и бюрократических методов управления. В тех случаях, когда крупные армии объективно вставали перед необходимостью организации собственного снабжения, это сращивание войны и экономики принимало законченные симбиотические формы. Это, в частности, показал опыт войн Швеции, Пруссии, России и других стран европейской «периферии», когда их стремление не отстать в сфере передовых военных технологий сообщало сильнейший толчок развитию самых современных форм производства, которые затем распространяли свое влияние на другие смежные отрасли, вовлеченные в оснащение и снабжение вооруженных сил. Так, большинство крупных предприятий, созданных в России в период петровских реформ (первая четверть XVIII в.), производили продукцию, так или иначе связанную с военными потребностями государства (железо, вооружение, порох, парусина, сукно и т. п.) [9].

Мобилизационная экономика способна в короткие сроки достигать максимального результата в каком-либо избранном направлении, добиваться предельной концентрации ресурсов и факторов производства в точке стратегического «прорыва». Это, конечно, достигается, прежде всего, за счет возможности насиль-

ственным образом разорвать процессуальную связь между производством и распределением произведенного общественного продукта, которая в условиях капитализма основывается на свободном ценообразовании, а, следовательно, на рыночном обмене – отношениях покупки или найма.

Война – со всеми ее бедствиями и лишениями, необходимостью отвлечения громадных общественных ресурсов на нужды военной борьбы и дефицитом элементарных средств жизни – представляет собой классическую ситуацию, в которой чрезвычайные, волевые методы управления экономикой доказывают свое превосходство в эффективности обеспечения военных усилий над рыночными отношениями и теми «мягкими» практиками государственного регулирования, которые они допускают. Форсированная модернизация на базе чрезвычайной политики накоплений и проведения ускоренной индустриализации – другой, менее распространенный, но имеющий более далекий горизонт последствий случай стратегического превосходства мобилизационной системы экономики. Этот курс политики также связан с запланированным «нарушением» равновесия как между производством и накоплением, так и между отдельными секторами экономики.

Военная экономика – отрасль экономической деятельности государства, связанная с производством и распределением военной техники, подготовкой военнослужащих рядового и офицерского составов, нара-

щиванием обороноспособности страны. В военной экономике на любой стадии ее развития принимает участие государство, частные лица также могут принимать участие в том или ином экономическом цикле, заказчиком при выполнении определенного вида работ может выступать Правительство или Министерство обороны.

Милитаризм и либеральные экономические теории существовали параллельно, не замечая существования друг друга. Государство и военная экономика мирного времени вмешивались в теоретически существующий рыночный либерализм в широких масштабах и в многообразных формах и в частности:

а) устанавливало экономические «правила игры», определяя процедуры хозяйственного и коммерческого права, устанавливая продолжительность рабочего времени на заводах и фабриках, издавая распоряжения и постановления относительно экономических объединений (трестов, картелей, синдикатов и т.д.);

б) косвенно воздействовало на уровень экономической активности посредством налогообложения и государственных расходов, контролировало денежную эмиссию и распределение кредитов;

в) координировало и в значительной степени финансировало капиталовложения;

г) создавало государственный сектор производства в экономике (государственные предприятия), участвовало своими капиталами в «смешанных» акционерных обществах, выступало гарантом в погаше-

нии займов, производимых «национальным» капиталом;

д) косвенным образом контролировало цены на энергоресурсы, черные и цветные металлы, устанавливало таможенные пошлины и обменные курсы валют;

е) обеспечивало перераспределение национального дохода;

ж) стремилось к поддержанию полной занятости, определенным образом трудоустроивало «лишних людей» и несло ответственность за промышленное развитие и экономический рост [10].

Все вышеперечисленные меры осуществлялись государством в мирное время, где защита интересов национального капитала происходила без прямого применения средств насилия, но с учетом военного фактора. Однако более всего государство влияло на экономику самим фактом ведения войны, мобилизуя в армию миллионы мужчин и тем самым предоставляя резервной армии труда рабочие места, загружая промышленное производство военными заказами, аграрный сектор экономики – продовольственными поставками на пополнение стратегических и тыловых резервов и запасов, интенсивно используя средства сообщения для военных нужд, реквизируя торговые резервы продуктов питания и товаров первой необходимости, лошадей, моторизированные транспортные средства, речные и морские суда, а также посредством физического разрушения конкурентной экономики противника на театре боевых действий.

Если же обратиться к опыту национального хозяйства, то можно сказать, что в советский период российская экономика неоднократно находилась в мобилизационном состоянии. Но ее архитектура была совершенно другой: управление, кредитно-финансовая, налоговая, тарифная и другие сектора народного хозяйства не были целенаправлены на извлечение сиюминутной коммерческой выгоды. Стратегия экономического развития исходила из интересов всего общества и корректировалась плановым механизмом. Социалистический хозяйственный механизм был адекватен теории и практике капиталистического окружения, он был сформирован в условиях экономической блокады капиталистических стран. Это делало отечественную экономику автономной от санкционных инструментов недружественных стран [11].

Однако в современных условиях невозможно воспроизвести то, что было в СССР. Во-первых, инновации не воспроизводятся на примерах из прошлого. Во-вторых, в 1930-х годах население страны понесло такие жертвы, на которые современные россияне пойти не способны [12].

Это позволит понять, что в современных условиях мобилизационной экономики, следует реорганизовать, прежде всего, систему управления производством. Одному ВПК не справиться с требованиями роста объемов производства. Следует часть предприятий гражданского сектора перепрофилировать на решение стратегических задач. В качестве основ-

ного показателя хозяйственной деятельности следует внедрить снижение себестоимости, вместо показателя прибыли. От прибыли полностью отказались капиталисты в России в период Первой мировой войны. Следует больше кредитных ресурсов направить в реальный сектор экономики и ограничить, если не прекратить совсем кредитование спекулятивных структур [13].

Первоочередные меры по формированию системы мобилизационной экономики, включают в себя:

- повышение роли государства в проведении самостоятельной научно-технической политике путем частичной национализации, увеличения доли государственных предприятий, особенно в сфере НТП и производства средств производства;

- восстановление системы воспроизводства кадрового резерва, создание системы государственного контроля как важнейшего условия укрепления исполнительской дисциплины на всех уровнях;

- развитие отечественных технологий, концентрация материальных и финансовых ресурсов на приоритетных отраслях отечественной экономики;

- формирование национальной независимой финансовой системы и перекрытие каналов вывоза капиталов из страны;

- планомерное формирование экономики нового типа на основе среднесрочного и долгосрочного планирования с помощью современных автоматизированных систем управления, основанных на цифровых технологиях;

- формирование бюджета развития, значительное увеличение нормы накопления, объема инвестиций в наращивание основного капитала (реального отечественного производства);

- возрождение отечественной экономической науки и на ее основе обеспечение максимальной защиты от внешних факторов;

- реальной деофшоризация экономики, усиление диверсификации экспортных рынков путем продвижения российских товаров и услуг на рынки Латинской Америки, в страны Африки и Ближнего Востока [14].

Формирование мобилизационной экономики следует начать с реформы управления реальным сектором производства. Мобилизация – правильный шаг, отвечающий вызовам времени, правда, не нынешнего, а где-то полугодовой давности. Мобилизацию надо было проводить еще тогда. И речь идет в первую очередь о мобилизации общества, мобилизации экономики, когда все государство слаженно работает на нужды фронта. Без этого нам не победить. Пока что власть идет по самому простому пути, ведь расширение военных действий предполагает отказ от всех нынешних духовных скреп правления: экономического либерализма, индивидуализма и потребительства. Следует избавиться от распыления инвестиционных ресурсов и средств бюджетного финансирования. С этой целью надо определиться с основной производственной единицей, предоставить ей возможности внутрипромышленного накопления и наделить ее правами среднесрочного планиро-

вания производства, прежде всего, по госзаказу. Надо избавить экономику от посредников и спекулянтов, которые под лозунгом рыночной экономики и под видом государственно-частного партнерства плодят разнообразные коррупционные схемы. Именно они, как правило, выигрывают тендеры и конкурсы на подрядные работы, не имея для выполнения этих целей ни производственных мощностей, ни соответствующего персонала и лишь разворовывают бюджетные средства. Необходимо упорядочить управление производством, установить «единоначалие», которое избавило бы руководителей предприятий от диктата номинального собственника, телефонного права, поднимало бы авторитет и расширяло права директора и бухгалтера в сфере производства и контрагентских связей [15].

Выделение предприятия в качестве основного звена управления позволило бы выявить результативность работы каждого производственного коллектива. Следует вновь внедрить в оценку деятельности предприятий не прибыль, а снижение себестоимости. Система планирования и стимулирования должна включать в себя контроль и сокращение текущих затрат.

Изменение системы управления предприятием неизбежно потребует изменения и в системе банковского кредитования и налогов [16]. Следует расширить деятельность Банка России в сфере краткосрочного кредитования, ликвидировать банки, не кредитующие реальный сектор эконо-

мики, не имеющие отделений по территории страны, занимающиеся лишь взаимным коммерческим кредитованием и различными видами «обналички». Необходимы специальные банки долгосрочного кредитования процессов производственного накопления, сельского хозяйства, капитального строительства и т.д. [17].

Изменение системы кредитования, ориентация ее не на торговлю и ростовщичество, а на производство, неизбежно потребует ликвидации налога на добавленную стоимость и замену его налогом с оборота. Современная налоговая система неэффективна. Зачастую тот или иной вид собираемого налога не окупает расходов по содержанию персонала, его собирающего. Можно столкнуться с курьезной ситуацией, когда гражданину приходит по почте письменное требование уплатить недоимку в размере 10-12 копеек. Только пересылка такого письма по почте требует десятки, а с учетом доставки – сотни рублей...

Упрощение налоговых изъятий значительно облегчит проведение политики ценообразования, регулирование деятельности предприятий с учетом их народнохозяйственной значимости, позволит точнее определить степень эффективности работы каждого трудового коллектива и стимулировать ее повышение в целях увеличения средств, направляемых на нужды внутрипромышленного накопления и рост заработной платы [18].

Практикуемая под влиянием постулатов рыночного фундаментализ-

ма и требований западных инвесторов низкая заработная плата, не оправдывала себя ростом производства. Начиная с «лихих 90-х» она сужала внутренний рынок, служила препятствием развития отечественной экономики. В современных условиях санкционной политики Запада, в том числе в сфере займов и подтоварного кредита, фактической экономической блокады России она является нонсенсом. Эта практика была выгодна лишь так называемым западным партнерам и их креатурам в российской экономике.

Следует возродить принципы материальной заинтересованности и распределения по труду. Ликвидация тарифно-квалификационной сетки, которой так рьяно добивался менеджмент, привела к парадоксальным результатам. Руководитель Почты России – самого убыточного и плохо работающего предприятия выписывал себе заработную плату, премии и т.д. на десятки миллионов рублей, в то время, как рядовые сотрудники получали мизер. А в среднем, по статистике, в отрасли все было благополучно, как в случае со средней температурой по больнице. Описанный выше случай не является единичным. Это массово практикуемая порочная практика. Шахтеры, металлурги, аграрии, строители, то есть работники, создающие реальный продукт, а не офисные работники – весь этот мифический менеджмент, должны получать достойную заработную плату [19].

Создавая прибавочный продукт в сфере производства, а не распределения и перераспределения, у госу-

дарства будет возможность повысить пенсии неоднократно ограбленным пенсионерам. Современные пенсии в России просто неприличны даже с точки зрения развивающихся государств, не говоря уж о развитых.

Реализация качественных составляющих мобилизационной экономики позволит российской экономике не только снизить санкционные составляющие коллективного Запада и США, но и обойти их, реализуя подлинную независимость, обеспечить высокую эффективность производства, как промышленности и сельского хозяйства, так в российском ВПК в целом.

Мобилизационная экономика первым шагом предполагает радикальную смену значительной части правящего сословия, так называемых «эффективных менеджеров» Следует провести настоящую кадровую революцию – реальную борьбу на ликвидацию коррупции, воровства государственных средств и взяточничества своеобразных как институтов воспроизводства олигархата, порожденных в «лихие 90-е».

Самое сложное в проблеме кадровой составляющей то, что специалистов-профессионалов, которые понимают, какая может быть устроена альтернативная модель нынешнему социально-экономическому курсу, к сожалению, осталось очень мало. Их надо собирать по крупицам. И это сегодня главная задача президента В. В. Путина, если он действительно хочет добиться эффективности мобилизационной экономики [20].

Таким образом, главными условиями снижения напора коллектив-

ного Запада и США на национальную безопасность России является скорейшее формирование мобилизационной модели экономического развития страны на планово-

рыночной основе с упором на государственное регулирование народно-хозяйственного комплекса и особенно стратегических отраслей промышленности.

Литература

1. Федеральный закон от 14 июля 2022 г. N 336-ФЗ "О внесении изменений в Федеральный закон «О мобилизационной подготовке и мобилизации в Российской Федерации» и статью 51 Федерального закона «О воинской обязанности и военной службе» // <https://rg.ru/documents/2022/07/22/document-armiya.html>

2. *Благих И.А.* Экономическая история России. В 2-х чч. Часть 2. XX – Начало XXI века: учебник / И.А. Благих, Г.Г. Богомазов, 2-е изд. перераб. – М., Сер. Высшее образование, 2020.

3. Мобилизационная экономика: путь к процветанию или развалу России? // <http://www.glazev.ru/> (дата обращения: 3.09.2022).

4. *Heisler M.O.* The political currency of the past: History, Memory, and Identity / M.O. Heisler // The Annals of the American Academy of Political and Social Science. – 2021. Vol. 617, N 1. P. 14–24.

5. Мобилизационная модель экономики: исторический опыт России XX века: сб. материалов всероссийской научной конференции (Челябинск, 28–29 ноября 2009 г.) / под ред. Г. А. Гончарова, С. А. Баканова. – Челябинск: ООО «Энциклопедия», 2009. – 571 с.

6. *Smith K. E.* Mythmaking in the New Russia: Politics and Memory during the Yeltsin Era; Müller J.-W. Introduction: the power of memory, the memory of power and the power over memory / К.Е. Smith // Memory and Power in Post-War Europe. Studies in the Presence of the Past / ed. by J.-W. Müller. 2nd ed. Cambridge: Cambridge University Press, 2014. P. 1–35.

7. *Благих И.А.* Всемирно-историческое значение победы советского народа в Великой отечественной войне (1941-1945 гг.) / И.А. Благих, Ф.Г. Газизуллин, Н.Ф. Газизуллин // Проблемы современной экономики. – 2020. – № 1 (73). – С. 6–11.

8. *Хайкин М.М.* Экономические основы великой победы СССР во второй мировой войне / М.М. Хайкин, И.А. Благих, С.Н. Рудник и др. // Проблемы современной экономики. – 2020. – № 2 (74). – С. 6–11.

9. *Благих И.А.* Экономические реформы в России в XX в.: Институциональный анализ / И.А. Благих, Е.Б. Сошнева // Институты и экономическое развитие: отечественный и зарубежный опыт. – М., 2013. – С. 245–290.

10. *Аверьянова О.В.* Развитие представлений о военном хозяйстве: экономический и исторический анализ / О.В. Аверьянова, А.А. [и др.] // Пробле-

мы современной экономики. 2021. – №3 (79).– С. 209 – 217.

11. *Газизуллин Н.Ф.* Долгосрочное планирование – основа модернизации экономики (к 100-летию плана ГОЭЛРО и Госплана СССР) / Н.Ф. Газизуллин, И.А. Благих // Проблемы современной экономики. 2021. № 1 (77). – С. 6–13.

12. *Благих И.А.* Экономические реформы 1929-1933 годов и возможности использования их опыта в современности / И.А. Благих // В сборнике: Экономический базис развития науки и технологий в России. Сборник трудов Международной научной конференции. 2018. – С. 103–104.

13. *Протасов А.Ю.* Инфляция как следствие нарушения принципов справедливости в социальном рыночном хозяйстве / А.Ю. Протасов // Экономика, христианство и социальные институты. Материалы Международной научно-практической конференции. 2017. – С. 19–20.

14. Стратегия экономической политики современной России: проблемы самоидентификации. В книге: Социум и христианство. Материалы III международной научно-практической конференции / ред.кол.: иерей Константин Голубев, архимандрит Сергей (Акимов), Дубянский А.Н., Лемещенко П. С., Лукин С. В., Мартынова Л. А., Рязанов В.Т., 2019. – С. 10–11.

15. *Благих И.А.* Модель социального государства : теория и практика для современной России / И.А. Благих // Устойчивое развитие: общество и экономика. материалы VI Международной научно-практической конференции. – 2019. – С. 75–78.

16. *Благих И. А.* Гуманизация социальной политики в современной России – веление времени / И. А. Благих, О.В. Аверьянова // Региональный экономический журнал. – 2019. № 1–2 (25–26). –С. 54–60.

17. *Протасов А.Ю.* Цикличность экономики и возможность демпфирования социально-экономической напряженности в процессе российских реформ / А.Ю. Протасов // Научно-технический сборник. Военно-Инженерный университет (филиал, г.Санкт-Петербург): СПб., 2000. – С. 133–137.

18. *Благих И.А.* Россия в поиске модели социального государства: вопросы теории и практики / И.А. Благих, О.В. Аверьянова // Проблемы современной экономики. – 2019. – № 1 (69). – С. 162–165.

19. *Благих И.А.* Политическая экономия Евразийского Союза как теоретическая основа континентально-регионального развития / И.А. Благих И.А. // Вестник ТИСБИ. – 2015. – № 3. – С. 47–55.

20. *Благих И.А.* Мобилизационные вызовы для российской экономики: существует ли универсальный инструментарий адекватного реагирования? / И.А. Благих, Н.Ф. Газизуллин, А.Ю. Протасов // Проблемы современной экономики. – 2022. – № 2 (82).– С. 21–24.

УДК 338.24: 330.34: 338.45:
336.2: 330.4: 331.103

Yu.N. Polshkov,
Doctor of Economics, Associate Professor,
Head of the Department of Mathematics and
Mathematical Methods in Economics, Donetsk
National University

Ю.Н. Поликов,
доктор экономических наук, доцент, заведу-
ющий кафедрой математики и математиче-
ских методов в экономике Донецкого нацио-
нального университета

РИСКИ ФОРМИРОВАНИЯ РЕГИОНАЛЬНЫХ СТРАТЕГИЙ ИНТЕГРАЦИИ ХОЗЯЙСТВЕННОГО КОМПЛЕКСА РУССКОГО ДОНБАССА В ЭКОНОМИКУ РОССИИ: ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ И ПРИКЛАДНЫЕ АСПЕКТЫ

Аннотация: статья посвящена обоснованию рисков формирования региональных стратегий интеграции на постсоветском пространстве. Риски обусловлены возможной опасностью материальных и иных потерь при вхождении хозяйственного комплекса региона в экономику страны-партнёра. В условиях военного положения на территории Русского Донбасса рекомендовано использовать экономико-математическую модель оптимального управления запасами материальных ресурсов стратегического назначения. Определено, что интеграционные стратегии будут действенными, если факторы экономического и других рисков будут нивелироваться инструментами диверсификации, страхования, проверки бизнес-партнёров, юридического сопровождения контрактов, адаптивного прогнозирования, стратегического планирования, информационной поддержки, кадрового менеджмента, обеспечения экономической безопасности. Предложена методика оценки риска возникновения дополнительных материальных затрат при реализации интеграционной экономической стратегии национального и регионального уровней. Методика адаптирована к системе управления интеграционными процессами Русского Донбасса в составе Российской Федерации, которая увязывает риски, возникающие при формировании стратегий интеграции на постсоветском пространстве, с возможностями стратегического планирования портфельного, делового, функционального, оперативного типов.

Ключевые слова: риск, стратегия, интеграция, регион, экономика, модель, оценка, планирование, прогноз, методика, управление, оптимизация, ресурс, затраты.

Введение. Формирование региональной стратегии интеграции предполагает разработку системы упорядоченных решений и плана соответствующих действий по адаптации экономических, политических, социальных и иных отношений, направленных на гармоничное встраивание хозяйственного комплекса региона в экономику страны-партнёра. Обеспечение эффективной реализации

интеграционных процессов сопровождается наделением каждого из субъектов конкретными функциями по оценке результатов и принятию программ экономического взаимодействия.

Актуальность выбранной тематики исследования обусловлена тем, что интеграция хозяйственного комплекса Русского Донбасса в экономику России требует администрирования по вертикали и

горизонтали власти, принятия рациональных решений, действий на долгосрочную перспективу. Современные достижения стратегического планирования не отменяют возможность возникновения природно-естественных, экологических, политических, транспортных и экономических рисков формирования региональных стратегий интеграции на постсоветском пространстве, которые определяются опасностью материальных и др. потерь.

Анализ последних публикаций показал, что разработкой экономических стратегий регионального и национального уровней, а также риск-менеджментом стратегического планирования и примыкающими проблемами занимались Г.П. Беляков, С.А. Беляков, А.С. Шпак [1], И.М. Голова, А.Ф. Суховой [2], М.С. Гусев [3], С.М. Заверский, Е.С. Киселева, В.Ю. Кононова, Д.А. Плеханов, Н.М. Чуркина [4], А.В. Половян, К.И. Сеницына [5], А.Г. Шеломенцев, С.В. Дорошенко, Е.А. Трушкова, А.П. Шихвердиев [6], Р.Н. Лепа, Н.В. Шемякина [7], И. Келман, Дж. Лое, Е.В. Рове, Е. Вилсон [8], К. Марчезе, Ф. Привилегги [9], М. Тищенкоук, Л.А. Хенри, М. Ламерс, Дж. ван Татенхове [10] и др.

Обратим внимание на коллективный труд донецких учёных [11], посвящённый не только экономическим, но и духовным, историческим, интеллектуальным основам развития Русского Донбасса.

Следует отметить широкий спектр вопросов современной экономической теории, затронутых при исследовании глобальных и региональных трендов и нашедших своё отражение в работах А.Н. Макарова [12], К.А. Хубиева, А.Х. Текеевой [13]. Ряд направлений экономико-математического моделирования применительно к рискам развития ин-

теллектуальной экономики систематизированы в статье Г.Б. Клейнера [14]. Проблемы региональной кластеризации в условиях неопределённости изучены Э.Ф. Назмиевым [15]. Имитационные модели и нейронные сети в производственных процессах регионального уровня задействованы А.Л. Бикмуллин [16].

К нерешённым проблемам приводит констатация того факта, что внимание учёных и практиков к тематике работы не привело к единой точке зрения касательно рисков экономических стратегий интеграционного характера. Математическое обеспечение риск-анализа процессов интеграции экономик регионов оставляет широкое поле деятельности для современных исследователей.

В качестве цели научной статьи выступает обоснование рисков формирования региональных стратегий интеграции на постсоветском пространстве с применением аппарата экономико-математического моделирования.

Методология и методика исследования. Комплексный подход к анализу рисков формирования региональных стратегий интеграции на постсоветском пространстве объединяет общенаучные управленческие подходы (системный, процессный, ситуационный), опирающиеся на теоретическую основу, состоящую из принципов адаптированности, государственно-частного партнёрства, иерархичности, мобилизованности, множественности, сбалансированности, структурированности и целостности, составляя базис методологии исследования.

Абстрактно-логический метод позволяет всесторонне осмыслить терминологическую сущность и категориальный аппарат в сфере риск-менеджмента интеграционных стратегий регионального уровня. При этом системно-структурный

метод применяется для разработки концептуальных основ стратегического интегрирования хозяйственного комплекса региона в экономику страны-партнёра.

Метод анализа и синтеза процессов интеграции служит формированию антикризисных стратегий регионального развития. Портфельная, деловая, функциональная и оперативная стратегии

пребывают в состоянии коммуникативности, взаимосвязанности и согласованности инструментария планирования.

И наконец, прикладные экономико-математические методы позволяют исследовать операции риск-менеджмента в контексте формирования региональных стратегий интеграции на постсоветском пространстве (рис. 1).

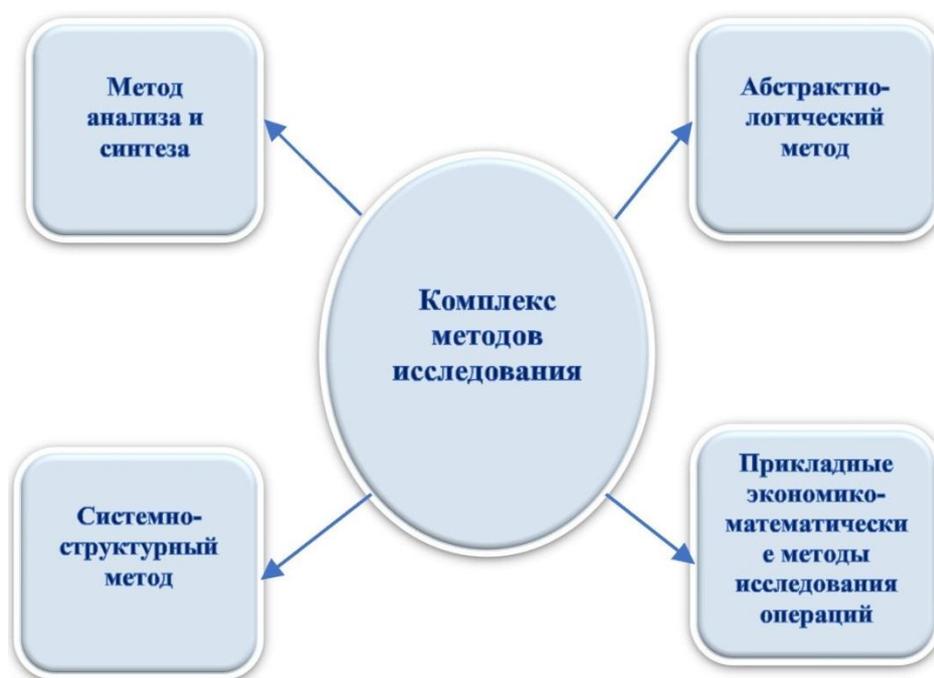

Рис. 1. Методы исследования рисков формирования региональных стратегий интеграции на постсоветском пространстве

Результаты исследования. Интеграционное стратегирование сопровождается природно-естественным, экологическим, политическим, транспортным и экономическим рисками. Таким образом, риски формирования стратегий интеграции на постсоветском пространстве обусловлены возможной опасностью материальных и др. потерь.

Природно-естественный риск связан

со стихией природы. Последствия наличия риска проявляется в виде землетрясения, наводнения, извержения вулкана, бури, пожара, эпидемии и пр.

Для Донбасса характерен жёсткий континентальный климат. Нет продолжительных переходных периодов между временами года. Температурный режим таков, что закончившаяся зима довольно быстро сменяется летней погодой.

Отсутствие крупных рек и больших пресных водоёмов создаёт естественные риски земледелию. Аграрный бизнес в донецкой степи вести затруднительно в силу засушливых климатических условий.

Природно-естественные риски близки к экологическим. Пагубное воздействие человека на природу обуславливает возникновение экологического риска при формировании региональных стратегий интеграции на постсоветском пространстве.

Экологический риск может быть следствием чрезвычайной ситуации природно-естественного свойства. Суховей донецкой степи губят насаждения деревьев и травяной покров, что приводит к эрозии почвы и меняет экологическую ситуацию к худшему.

На наличие экологических рисков оказывают воздействие:

– антропогенный фактор (влияние человеческой деятельности на природные явления);

– техногенный фактор (влияние развитой индустрии, аграрного сектора, коммунальных проблем и пр.).

Для полноценного социально-экономического развития Русского Донбасса государственные органы власти вынуждены создавать стратегические запасы продовольствия, питьевой воды, лекарств, топлива и т.п. Это является актуальным для всех территорий, освобождённых от украинского националистического режима.

Частичная или полная блокада угрожает возникновением экологических рисков особенно для регионов, вовлечённых в военные конфликты. В этом случае кроме запасов гражданского назначения, государство вынуждено создавать стратегические запасы оборонного характера.

По состоянию на весну 2023 года в

ходе боевых действий на территориях Русского Донбасса разрушено несколько тысяч социальных объектов, десятки тысяч многоквартирных домов и частных домостроений.

С учётом разрушенных памятников, храмов, объектов исторического и культурного наследия масштабы потерь сопоставимы с уничтожением нескольких десятков крупных европейских городов. В Русском Донбассе уничтожены десятки тысяч километров дорог, мостов, систем коммуникаций, заминированы пахотные земли, разрушены объекты промышленности и коммунальной сферы [7].

Полноценному восстановлению инфраструктуры препятствуют сотни тысяч единиц взрывоопасных предметов, которые надо обезвредить и уничтожить. После очищения территорий, прилегающих к водопроводным, газопроводным и электрическим линиям, необходимо проводить безотлагательные работы, т.к. речь идёт об объектах жизнеобеспечения, которые находятся под угрозой экологических рисков при формировании стратегий интеграции на постсоветском пространстве.

Преступный украинский режим стремится обезводить или наоборот затопить целые области. «Грязные» атомные бомбы, которые могут взорвать укронацисты, обернутся экологическими рисками огромного масштаба. Поэтому стратегические запасы топлива, строительных и других расходных материалов, рабочей одежды и т.п. нуждаются в оптимальном управлении с помощью методов, базирующихся на экономико-математическом моделировании.

Систематизируем данные о поставках конкретного продукта стратегического назначения (далее – просто продукт) на склад, спросе на данный продукт, издержках и условиях его хранения. В качестве единицы измерения

времени выберем сутки.

Предположим, что к концу $(t-1)$ -х суток на складе имеется запас продукта в количестве x_{t-1} единиц. Согласно спросу сделана заявка на пополнение запаса продукта объёмом h_t ед.

Потребители в регионе нуждаются в S_t ед. стратегического продукта. Издержки склада $\varphi(x_{t-1}, h_t, S_t)$ являются случайной функцией, математическое ожидание которой согласно модели должно быть минимизировано:

$$M\varphi(x_{t-1}, h_t, S_t) \rightarrow \min. \quad (1)$$

Выражение (1) описывает экономико-математическую модель оптимального управления запасами материальных ресурсов стратегического назначения. Минимизация проводится прикладными математическими методами исследования операций.

С большими трудностями Донецкая Народная Республика обеспечивала себя водой в течение всего военного конфликта с Украиной. В 2022 г. украинцы фактически уничтожили водоканал, выходящий из Северского Донца.

Многие населённые пункты Русского Донбасса перешли на водообеспечение из внутренних резервов. Для тушения пожаров, заполнения систем водоотопления и др. нужд используется вода из местных прудов.

Для снижения экологических рисков крайне важно уменьшать уровень загрязнения водохранилищ, прудов, рек, ручьёв и т.п., расположенных на территориях, которые подконтрольны Донецкой Народной Республике. Несмотря на трудности военного времени, необходимо наладить действенный контроль того, как соблюдаются предприятиями, организациями и частными лицами нормы потребления воды и водоотведения.

Не допустить аварийные ситуации помогут меры по соблюдению эксплуатационных условий применительно к водоохраным сооружениям. Введение замкнутых циклов использования воды предотвратит сброс грязных стоков предприятий в водные объекты общественного пользования.

Источником экологическим рисков на территориях Русского Донбасса являются многочисленные полигоны твёрдых бытовых отходов. Формирование региональных стратегий интеграции не должно обойтись без преодоления проблем разрастания мусорных свалок [5].

Продление сроков эксплуатации данных полигонов возможно при условии проведения топографических и геодезических работ для определения фактических объёмов размещённых отходов. Если уж и вводить в хозяйственный оборот ещё одну свалку, то только в подходящем месте, которому уже нанесён непоправимый экологический ущерб.

Полигоны твёрдых бытовых отходов необходимо оснастить техникой по обработке мусора. Должна работать система учёта отходов, поступающих на полигоны.

Не обойтись без противопожарных мероприятий, т.к. самовозгорание свалок – частое явление. Экологическую ситуацию улучшат систематические санитарные расчистки, проводимые на территориях населённых пунктов.

При формировании региональных стратегий интеграции на постсоветском пространстве возникают транспортные риски. Традиционно эти риски имеют место при неопределённости с перевозками пассажиров и грузов автомобильным, железнодорожным, воздушным, морским и др. видами транспорта.

Начиная с 2014 г. республики Русского Донбасса оказались в ситуации,

когда из всех видов транспорта продолжал функционировать практически только автомобильный. Непрерывные железнодорожные маршруты не выходили за территории Донецкой и Луганской Народных Республик, а объёмы доставки людей и грузов по железным дорогам оставались незначительными в сравнении с автомобильным транспортом.

После освобождения от украинских боевиков города-порта Мариуполя в 2022 г. начали возрождаться морские перевозки. Одним из первых возобновилось паромное сообщение с г. Ейском в Краснодарском крае.

Транспортные риски при формировании региональных стратегий интеграции на постсоветском пространстве оборачиваются неэффективностью использования транспорта и его низкой фондоотдачей. Интенсификация применения транспортных средств возможна посредством:

- сокращения простоев;
- оптимизации загрузки;
- своевременного технического обеспечения и ремонта транспорта, выходящего на маршруты.

Кроме того, транспортные риски обусловлены высоким уровнем износа транспорта (особенно трамвайного и троллейбусного парка). Для закупки новых машин необходим прирост прибыли, соответствующие амортизационные отчисления [7] и пр.

Не последнюю роль в транспортных рисках играет транспортная инфраструктура. Как показывает опыт экономически развитых регионов России, её модернизация (в комплексе с коммунальной и социальной инфраструктурами) должна реализовываться инструментами государственно-частного партнёрства.

Транспортные риски взаимосвязаны

с экологическими рисками, т.к. концентрация вредных элементов в воздухе растёт от выбросов автотранспорта. Купирование рисков обоих видов (или хотя бы установление паритета между ними) возможно при условии увеличения числа единиц муниципального электротранспорта, роста площадей зелёных насаждений вдоль автомобильных дорог, внедрения автоматизированных систем управления («умных» светофоров) движением транспорта, строительства дополнительных пешеходных переходов.

Экономические риски при формировании стратегий интеграции на постсоветском пространстве предполагают материальные потери в процессе финансово-хозяйственной деятельности. Структурно экономические риски объединяют имущественный, производственный, торговый, страховой и финансовый риски.

Интеграция экономик новых регионов в составе России существенно зависит от политических рисков. Речь идёт о возможных экономических потерях в связи с изменениями в политической системе, расстановке политических сил в социуме, а также политической нестабильности при формировании стратегий интеграции на постсоветском пространстве [11].

Военные действия значительно усугубляют негативное влияние политического риска. Возникает т.н. имущественный риск, который связан с возможными потерями имущества граждан и предприятий по причине войны, порождающей диверсии, террористические акты, мародёрство, кражи, халатность и т.п.

При формировании региональных стратегий интеграции на постсоветском пространстве следует учитывать производственный риск, который связан с убытками от полной остановки или про-

стоя производства. Возможно уничтожение или повреждение основных производственных фондов (здания предприятий, производственные сооружения, передаточные устройства, машины, оборудование, транспортные средства, инструменты, технический и хозяйственный инвентарь). Производственный риск обусловлен также разрывом хозяйственных связей, блокадой и др. трудностями, с которыми экономика Русского Донбасса сталкивалась в течение восьми лет.

Присоединение освобождённых территорий выстраивает рамки международных торговых отношений уже от имени Российской Федерации. Торговый риск связан с убытками по причинам задержек платежа, отказа от платежей при транспортировке товаров, недопоставки товаров и т.п.

Формирование региональных стратегий интеграции на постсоветском пространстве не освобождает объединяемые экономики от финансового риска, связанного с возможностью финансовых потерь.

Риск покупательной способности денег привязан к государственной валюте. Инфляционные или дефляционные процессы изменяют возможности рублёвой массы по приобретению товаров и услуг, обуславливая изменение объёмов финансовых активов.

Риск вложения капитала (инвестиционный риск) является наиболее распространённым при формировании региональных стратегий интеграции на постсоветском пространстве. Субъекты хозяйственной деятельности объединяющихся экономик подвергаются:

- рискам упущенных возможностей;
- рискам изменения доходностей инвестиционных активов;
- рискам прямого финансового убытка.

Хозяйственный комплекс Русского Донбасса интегрируется в состав экономики России, которая располагает развитой системой инвестиционных отношений и страховой деятельности. Соответствующие институты помогут преодолеть риски субъектов и объектов управления с помощью страхования.

Учёт рисков в сфере интеграционного стратегирования регионального и национального уровней требует адаптивных подходов, которые носят, как детерминированный, так и стохастический характер. Причём последние обычно преобладают при распространённой нестабильности современных социально-экономических сред.

По нашему мнению, интеграционные стратегии будут действенными, если факторы экономического и др. рисков будут нивелироваться инструментами:

- диверсификации;
- передачи риска;
- страхования;
- проверки бизнес-партнёров;
- юридического сопровождения контрактов;
- адаптивного прогнозирования;
- стратегического планирования;
- информационной поддержки;
- кадрового менеджмента;
- обеспечения экономической безопасности региона.

Исходя из вышеизложенного, оценка уровня риска при стратегическом планировании интеграционных процессов может быть выполнена статистическими методами, методом экспертной оценки, построением дерева решений, аналогий или др. комбинированными методами. Выбор методов оценивания уровня рисков зависит от частоты возникновения потерь, их характера проявления и возможностей адаптивного прогнозирования.

Развивая идеи более ранних работ автора данной статьи, предлагается методика оценки риска возникновения дополнительных материальных затрат при реализации интеграционной экономической стратегии национального и регионального уровней.

Коэффициент риска K_z стратегического планирования показателя Z – величины дополнительных материальных затрат, равен отношению ожидаемых величин (условных математических ожиданий) отрицательных и неотрицательных отклонений показателей от запланированного уровня, взятого со знаком минус:

$$K_z = -\frac{M^-}{M^+} = -\frac{M(x-z|x < z)}{M(x-z|x \geq z)} = -\frac{M(x|x < z) - z}{M(x|x \geq z) - z}. \quad (2)$$

При наличии N статистических данных, в которых фактическое значение дополнительных затрат x принимало n раз значение, меньшее запланированного Z , получим:

$$K_z = -\frac{\frac{\sum x_i(x_i < z)}{n} - z}{\frac{\sum x_i(x_i \geq z)}{N-n} - z} \quad (0 \leq K_z < \infty). \quad (3)$$

Формула (3) является прикладным статистическим аналогом теоретического подхода (2).

В зависимости от величины K_z классифицируем поведение субъекта управления интеграционными процессами по отношению к риску:

$0 \leq K_z \leq 0,2$ – пессимистическое;

$0,2 < K_z < 0,4$ – осторожное;

$0,4 \leq K_z \leq 0,6$ – средне рискованное;

$0,6 < K_z < 0,8$ – рискованное;

$0,8 \leq K_z \leq 1$ – высокой степени риска;

$K_z > 1$ – азартное.

Заметим, что последнюю ситуацию можно не принимать во внимание. Азартное отношение к риску не совместимо с формированием региональных стратегий интеграции на постсоветском пространстве, что было учтено при составлении таблицы 1.

Таблица 1

Оценка риска возникновения дополнительных материальных затрат при формировании региональных стратегий интеграции Русского Донбасса в составе Российской Федерации

Значение коэффициента риска	Классификация риска	Характер принятия решения
1	2	3
[0; 0,2]	Минимальный	Планомерное формирование интеграционной экономической стратегии национального и регионального уровней
(0,2; 0,4)	Допустимый	Осторожное решение, предполагающее частичную коррекцию интеграционной стратегии в контексте оперативного планирования
[0,4; 0,6]	Повышенный	Рискованное решение, подразумевающую переработку функциональной части интеграционной стратегии

Окончание табл. 1

1	2	3
(0,6; 0,8)	Критический	Высокорискованное решение о коренной перестройке портфельно-деловых планов интеграционной стратегии
[0,8; 1]	Недопустимый	Отказ от формирования запланированной интеграционной стратегии и разработка новой инвестиционно-инновационной стратегии вхождения в экономическое пространство страны-партнёра

Описанная методика является общей. Методика была адаптирована к системе управления интеграционными процессами Русского Донбасса в составе Российской Федерации [7; 11; 17]. Поэтому в отношении риска возникновения дополнительных материальных затрат при реализации интеграционной экономической стратегии национального и регионального уровней характер принятия решения определяется значением коэффициента риска, подкрепляясь вербально соответствующей классификацией.

Выводы и рекомендации. Научно-методические положения, получившие дальнейшее развитие в данной статье,

увязывают риски, возникающие при формировании региональных стратегий интеграции на постсоветском пространстве, с концептуальными воззрениями стратегического планирования портфельного, делового, функционального и оперативного типов. Предлагаемые мероприятия рекомендуется дополнять интеграционной стратегией осуществления инвестиционной деятельности и инновационной политики региона при вхождении в экономическое пространство страны-партнёра, что, безусловно, является практически значимым после присоединения территорий Русского Донбасса к России.

Литература

1. *Беляков Г.П.* Опыт КНР по реформированию системы стратегического планирования и управления научно-технологическим развитием [Текст] / Г.П. Беляков, С.А. Беляков, А.С. Шпак // Экономические отношения. – 2019. – Том 9. – № 3. – С. 1575–1586.
2. *Голова И.М.* Дифференциация стратегий инновационного развития с учётом специфики российских регионов [Текст] / И.М. Голова, А.Ф. Суховой // Экономика региона. – 2019. – Т. 15, вып. 4. – С. 1294–1308.
3. *Гусев М.С.* Импортзамещение как стратегия экономического развития [Текст] / М.С. Гусев // Проблемы прогнозирования. – 2016. – №2. – С. 30–43.
4. *Заверский С.М.* Стратегическое планирование развития экономики: мировой опыт и выводы для России [Текст] / С.М. Заверский, Е.С. Киселева, В.Ю. Кононова, и др. // Вестник Института экономики Российской академии наук. – 2016. – № 2. – С. 22–40.
5. *Половян А.В.* Экономическая сложность как инструмент определения стратегических направлений развития экономики [Текст] / А.В. Половян, К.И. Синицына //

Сборник научных трудов «Новое в экономической кибернетике». – 2020. – № 1. – С. 123–140.

6. *Шеломенцев А.Г.* Стратегии-2030: подходы к разработке в регионах России [Текст] / А.Г. Шеломенцев, С.В. Дорошенко, Е.А. Трушкова и др. // *Arg Administrandi* (Искусство управления). – 2017. – Т. 9. – № 4. – С. 570-592.

7. Экономика Донецкой Народной Республики: состояние, проблемы, пути решения: научный доклад / коллектив авторов ГУ «Институт экономических исследований»; под науч. ред. А.В. Половяна, Р.Н. Лепы, Н.В. Шемякиной; ГУ «Институт экономических исследований». – Донецк, 2020. – 260 с.

8. *Kelman I.* Local Perceptions of Corporate Social Responsibility for Arctic Petroleum in the Barents Region [Text] / I. Kelman, J. Loe, E.W. Rowe, E. Wilson, N. Poussenkova, E. Nikitina, D.B. Fjærtøft // *Arctic Review on Law and Politics*. – 2016. – Vol. 7. – № 2. – Pp. 152-178.

9. *Marchese C.* Endogenous economic growth with disembodied knowledge [Text] / C. Marchese, F. Privileggi // *Journal of Public Economic Theory*. – 2018. – Vol. 20 (3). – Pp. 437–449.

10. **Tysiachniouk M.** Oil Extraction and Benefit Sharing in an Illiberal Context: The Nenets and Komi-Izhemtsi Indigenous Peoples in the Russian Arctic [Text] / M. Tysiachniouk, L.A. Henry, M. Lamers, J. van Tatenhove // *Society & Natural Resources*. – 2018. – Vol. 31. – № 5. – Pp. 556–579.

11. Русский Донбасс: исторические, духовно-интеллектуальные и экономические основы [Текст]: коллективная монография / [С.В. Беспалова, А.С. Бобровский, А.В. Колесник и др.]; научный редактор проф. С.В. Беспалова. – Донецк: ДонНУ, 2021. – 288 с.

12. *Макаров А.Н.* О рефлексии концептуальных особенностей, эволюции институциональных основ и вызовов цифровой экономики в контексте глобальных трендов и источников экономического роста [Текст] / А.Н. Макаров // *Региональный экономический журнал*, 2019. – № 1–2 (25–26). – С. 5–28.

13. *Хубиев К.А.* Субституциональные и комплементарные перспективы школ экономической теории в исследовании новых тенденций современности [Текст] / К.А. Хубиев, А.Х. Текеева // *Региональный экономический журнал*, 2019. – № 1–2 (25–26). – С. 29–25.

14. *Клейнер Г.Б.* Интеллектуальная экономика цифрового века [Электронный ресурс] / Г.Б. Клейнер // *Экономика и математические методы*. – 2020. – Том 56. – № 1. – С. 18–33. – Режим доступа: <https://kleiner.ru/pubs/intellektualnaya-ekonomika-cifrovogo-veka> (дата обращения: 20.11.2022).

15. *Назмиев Э.Ф.* Ресурсообеспеченность городов VS технологичность – проверка пандемией [Текст] / Э.Ф. Назмиев // *Региональный экономический журнал*, 2020. – № 1 (28). – С. 84–94.

16. *Бикмуллин А.Л.* Использование имитационного моделирования и нейронных сетей в производственных процессах на региональном уровне [Текст] / А.Л. Бикмуллин // *Региональный экономический журнал*, 2020. – № 1 (28). – С. 58–66.

17. Регионы России. Социально-экономические показатели [Электронный ресурс] // Федеральная служба государственной статистики. – Режим доступа: <https://rosstat.gov.ru/folder/210/document/13204> (дата обращения: 20.11.2022). *SaaSreshenij-v-Rossii-operezha.html*.

УПРАВЛЕНИЕ РЕГИОНАЛЬНЫМ РАЗВИТИЕМ

УДК 331.5

E. V. Maksyutina

Candidate of economic sciences, associate professor of economic theory and economic policy, Naberezhnye Chelny Campus of Kazan Federal University

Е.В. Максютинa,

кандидат экономических наук, доцент кафедры экономической теории и экономической политики Набережночелнинского института Казанского (Приволжского) федерального университета, г. Набережные Челны

**ОБЕСПЕЧЕНИЕ КАДРОВОЙ БЕЗОПАСНОСТИ РЕГИОНА
(НА ПРИМЕРЕ РЕСПУБЛИКИ ТАТАРСТАН)**

Аннотация: в работе приводится анализ сущности кадровой безопасности регионов как элемента их экономической безопасности. Рассмотрены и охарактеризованы различные виды угроз кадровой безопасности с точки зрения причины их возникновения. Особое внимание уделено концепции кадрового суверенитета, который предполагает обеспечение ключевых отраслей экономики страны и ее регионов собственными кадрами. Представлен опыт регионов Российской Федерации по реализации на практике идеи кадровой мобилизации.

Разработана система индикаторов кадровой безопасности для организации мониторинга субъектов Российской Федерации. В нее вошли 6 проекций, включающих 24 индикатора, которые характеризуют различные аспекты кадровой безопасности регионов.

Проведен мониторинг кадровой безопасности одного из регионов Приволжского федерального округа – Республики Татарстан. На основе проведенного анализа демографических и социально-экономических угроз кадровой безопасности дана оценка кадровой безопасности Республики Татарстан.

Отмечен вклад передовых инженерных школ, создаваемых в различных регионах страны, в кадровое и научно-технологическое обеспечение суверенитета страны и ее кадровую безопасность.

Ключевые слова: кадровая безопасность региона, кадровые угрозы, кадровый суверенитет, кадровая мобилизация, мониторинг кадровой безопасности, Республика Татарстан, передовые инженерные школы.

Введение

В условиях возрастания внешних и внутренних угроз национальным и экономическим интересам России важнейшей задачей является обеспечение национальной и экономической безопасности страны в целом и ее регионов. Одним из основных структурных элементов безопасности является кадровая безопас-

ность. Изменившаяся геополитическая и макроэкономическая ситуация в России в условиях санкционного давления западных стран предопределяет необходимость изучения кадровой безопасности с точки зрения обеспечения национальной безопасности государства. Следует отметить, что Стратегия национальной безопасности Российской Феде-

рации, утвержденная Указом Президента РФ от 02.07.2021 г. №400 [10] не рассматривает вопросы обеспечения кадровой безопасности, что обуславливает необходимость конкретизации и законодательного закрепления понятия «кадровая безопасность» как отдельной подсистемы национальной безопасности государства.

Россия взяла курс на достижение технологического суверенитета. Между тем такой амбициозной цели невозможно достичь без эффективной системы кадрового обеспечения. Поэтому укрепление кадрового суверенитета Российской Федерации в целом и ее регионов является гарантией ее устойчивого развития и конкурентоспособности в современных условиях.

Цель нашей работы состоит в развитии концепции кадровой безопасности и разработке системы индикаторов для ее мониторинга на региональном уровне.

Понятие «кадровая безопасность» относительно новое для современной науки и практики и рассматривается в основном в рамках кадрового менеджмента организации. Среди исследователей, которые внесли значимый вклад в теорию и методологию кадровой безопасности организации, следует отметить А.Р. Алавердова [1], А.Я. Кибанова [5], Н.В. Кузнецову [6,7], А.А. Соколовского [16] и других авторов [3,14,17].

Между тем вопросам кадровой безопасности субъектов Российской Федерации и государства в целом в научной литературе уделено недостаточно внимания. Практически отсутствуют механизмы регулирования и мониторинга кадровой безопасности, что приводит к целому ряду проблем в экономике. Среди них можно выделить недостаточное развитие инновационных производств и современных индустриальных технологий, демографический кризис, отток из

государства и ее регионов конкурентоспособной рабочей силы, в том числе молодежи, дефицит квалифицированных специалистов, низкие темпы роста производительности труда и другие.

С начала военной операции на Украине наблюдался усиленный отток специалистов за рубеж, связанный с прекращением деятельности крупных иностранных компаний на территории России, а также неопределенностью ситуации. Уезжали в основном молодые перспективные специалисты из разных отраслей экономики, прежде всего из сферы IT-технологий. Вместе с тем, по данным Министерства цифрового развития Российской Федерации на февраль 2021 года в стране не хватало от 500 тысяч до 1 миллиона специалистов в различных сферах информационных технологий [8]. В этих условиях необходимы чрезвычайные меры, чтобы удержать высококвалифицированные кадры, без которых невозможно решать задачи импортозамещения и обеспечения технологического суверенитета страны. В связи с этим вопросы обеспечения кадровой безопасности страны и ее регионов чрезвычайно актуальны.

Методология исследования

Вопросы кадровой политики рассматриваются в научной литературе преимущественно в рамках теории управления персоналом, и не исследуются в контексте угроз национальной безопасности и обеспечения кадрового суверенитета. Концептуальность, новизна, важность и значимость обеспечения кадровой безопасности, как на уровне Российской Федерации в целом, так и ее регионов требуют формирования четкого представления о ее сущности.

Можно выделить несколько подходов к пониманию сущности кадровой безопасности на региональном уровне: целевой, процессный, структурный и

функциональный (рис.1).

Рис. 1. Современные подходы к определению сущности категории «кадровая безопасность»

Обобщая указанные выше подходы применительно к региональному уровню, можно сделать вывод, что *кадровая безопасность региона* представляет собой процесс предотвращения возможных вызовов и угроз экономической безопасности, связанных с человеческими ресурсами региона, его кадровым потенциалом и трудовыми отношениями.

В стратегической перспективе целью управления кадровой безопасностью выступает формирование кадрового потенциала региона как важнейшего интеллектуального и профессионального ресурса, обеспечивающего его эффективное социально-экономическое развитие и конкурентоспособность.

При рассмотрении кадровой безопасности региона необходимо заострить внимание на кадровых рисках и угрозах. Мы понимаем угрозы кадровой безопасности региона как совокупность условий и факторов, создающих возможность нанесения ущерба интересам участников социально-трудовых отношений и препятствующих развитию ре-

гиональных человеческих ресурсов. Угрозы кадровой безопасности могут быть прогнозируемыми и не прогнозируемыми. Они имеют различную степень последствий от их реализации (от низкой до катастрофической).

Угрозы кадровой безопасности на уровне субъектов Российской Федерации могут иметь различную природу их возникновения. В современных условиях особую актуальность для многих регионов Российской Федерации представляют следующие виды угроз:

- *Демографические угрозы* – убыль населения региона; отток высококвалифицированных специалистов, в том числе молодежи; старение населения; большое количество иностранной рабочей силы; ухудшение здоровья населения; широкое распространение социальных болезней.

- *Инновационно-технологические угрозы* – неэффективная инновационная политика региона, низкий уровень развития современных промышленных технологий, низкое качество профессио-

нального образования, дефицит высококвалифицированных кадров на рынке труда, низкие темпы роста производительности труда.

- *Социально-экономические угрозы* – низкий уровень и качество жизни населения региона, чрезмерный уровень дифференциации доходов населения, высокий уровень бедности, развитие теневой экономики, ограниченность средств на развитие социальной сферы, низкая социальная ответственность работодателей региона.

- *Политико-правовые угрозы* – неэффективная кадровая политика в отношении государственных и муниципальных служащих, политические разногласия между федеральными и региональными органами власти, несовершенство действующего законодательства, неэффективный инфорсмент трудового законодательства, высокий уровень коррупции, криминализация экономики.

- *Управленческие угрозы* – недостаточно эффективная система государственного и регионального управления человеческими ресурсами, отсутствие программ и проектов в области развития человеческого капитала, неэффективная кадровая политика в отношении государственных и муниципальных служащих.

- *Общекультурные угрозы* – кризис трудовых ценностей, ослабление трудовой мотивации работников, утрата моральных ценностей, безнравственность, падение уровня этнической и конфессиональной комплементарности [6].

С концепцией кадровой безопасности неразрывно связано понятие кадрового суверенитета. Кадровый суверенитет мы определяем как обеспечение кадровой независимости страны и ее регионов, а также способность государства обеспечить приоритетные направления своего развития собственными кадрами.

Концепция кадрового суверенитета предполагает, что страна самостоятельно обеспечивает себя необходимыми человеческими ресурсами в ключевых отраслях экономики и умеет мотивировать людей находить работу у себя в стране, городе и регионе. Поэтому важно и готовить кадры, и мотивировать их оставаться в своей стране.

В условиях реализации концепции кадрового и технологического суверенитета должна быть проведена кадровая мобилизация населения, которая предусматривает быстрое кадровое обеспечение промышленности и других отраслей экономики необходимыми специалистами. Ряд регионов Российской Федерации уже сейчас готовы начать трудовую мобилизацию студентов, в соответствии с которой студенты последних курсов вузов и техникумов будут работать вместо сотрудников, призванных для участия в СВО. Первым регионом, в котором студенты стали замещать мобилизованных сотрудников, стала Кемеровская область. Власти Ленинградской, Курской и ряда других областей сообщили о готовности рассмотреть возможность подключения к трудовой мобилизации студентов. Работа добровольная, студенты активно откликаются на предложения – их привлекает заработная плата и возможность получить практику по своей специальности.

Важнейшим механизмом обеспечения экономической безопасности, в том числе в отношении ее кадровой составляющей, является *мониторинг*. Мониторинг представляет процесс непрерывного контроля индикаторов кадровой безопасности региона, включающего сбор информации, анализ динамики показателей, выявление тенденций дальнейшего развития и прогнозирование угроз [9].

Формирование системы индикаторов кадровой безопасности для проведе-

ния мониторинга на региональном уровне позволит количественно оценивать состояние и тенденции кадровой безопасности, диагностировать возможные кадровые угрозы, сравнивать уровень кадровой безопасности различных субъектов Российской Федерации. Результаты мониторинга кадровой безопасности позволят разрабатывать управленческие решения, принимаемые региональными органами власти в области обеспечения и эффективного использования человеческих ресурсов для формирования благоприятной экономической и политической среды региона.

Индикаторы кадровой безопасности должны быть с одной стороны независимыми друг от друга, с другой – адекватно отражать основные направления и

возможные угрозы кадровой безопасности. С точки зрения анализа индикаторов они должны иметь преимущественно относительный характер, быть сопоставимыми за анализируемый период времени и доступными для исследователя. При этом количество показателей не должно быть больше 30-35, а число индикаторов в одной проекции должно составлять от 3 до 7.

В соответствии с указанными выше принципами автором была разработана система индикаторов кадровой безопасности региона, которая приведена в таблице 1. В нее вошли 6 проекций, включающих 24 индикатора, которые характеризуют различные аспекты кадровой безопасности регионов.

Таблица 1

Система индикаторов кадровой безопасности регионов (разработано автором)

№ п/п	Название индикатора
Проекция «Демографическое развитие»	
1	Прирост численности населения региона, % к предыдущему году
2	Численность родившихся на 1000 чел. населения региона
3	Миграционный прирост (убыль) населения, чел. на 1000 жителей региона
4	Удельный вес населения трудоспособного возраста в общей численности населения региона, в %
5	Удельный вес молодежи в общей численности населения трудоспособного возраста, в %
Проекция «Состояние рынка труда»	
1	Уровень занятости населения по методологии МОТ, %
2	Уровень безработицы по методологии МОТ, %
3	Коэффициент напряженности на рынке труда, чел/вакансии
4	Среднемесячная начисленная заработная плата работников организаций в регионе, руб.
5	Рост производительности труда, % к предыдущему году
Проекция «Социальное расслоение и оценка бедности»	
1	Среднедушевые доходы населения региона, руб.
2	Отношение среднедушевых доходов к прожиточному минимуму
3	Доля населения с доходами ниже величины прожиточного минимума, % от общей численности населения
4	Коэффициент дифференциации доходов

Окончание табл.1

Проекция «Образование и подготовка кадров»	
1	Выпущено специалистов с высшим образованием на 1000 жителей региона, чел.
2	Выпущено специалистов со средним профессиональным образованием на 1000 жителей региона, чел.
3	Выпущено специалистов с начальным профессиональным образованием на 1000 жителей региона, чел.
Проекция «Состояние здоровья населения»	
1	Ожидаемая продолжительность жизни при рождении, лет
2	Численность умерших на 1000 населения региона
3	Коэффициент заболеваемости населения
Проекция «Инновационное развитие и цифровая среда»	
1	Число лиц, занятых НИР на 10000 занятого населения региона
2	Внутренние затраты на научные исследования и разработки, % к ВРП
3	Внутренние затраты на развитие цифровой экономики за счет всех источников, % к ВРП
4	Доля домохозяйств региона, имеющих широкополосный доступ к сети интернет, %

Результаты и обсуждение

Рассмотрим индикаторы кадровой безопасности одного из регионов Приволжского Федерального округа – Республики Татарстан.

Республика Татарстан по основным макроэкономическим показателям сохраняет за собой лидирующие позиции среди регионов Российской Федерации. По объему валового регионального продукта республика занимает VII место среди субъектов Российской Федерации, по промышленному производству и строительству – V место, инвестициям в основной капитал и вводу жилья – VI место, сельскому хозяйству и обороту розничной торговли – VII место. В 2021 году по многим экономическим показателям Республика Татарстан вышла на допандемийный уровень. Так, объем валового регионального продукта по оценке 2021 года составил 3 354,9 млрд. рублей, или 103,8% в сопоставимых ценах к уровню 2020 года. Индекс промышленного производства в 2021 году равнялся 108,5% к уровню 2020 года. В 2021 году объем инвестиций в основной капитал,

привлеченных в экономику и социальную сферу республики, составил 683,3 млрд. рублей или 105,5% в сопоставимых ценах к уровню 2020 года [15].

Основными факторами экономического роста стали ввод новых мощностей промышленного производства, увеличение загрузки системообразующих организаций, рост выпуска нефтепродуктов, химической продукции и продукции машиностроения, а также поэтапное увеличение объемов добычи нефти.

В структуре экономики республики наибольший удельный вес традиционно занимает промышленность – 49,4% (в том числе, добыча полезных ископаемых – 28,9%, обрабатывающие производства – 18,4%, обеспечение электрической энергией, газом, паром; кондиционирование воздуха – 1,6%, водоснабжение; водоотведение, организация сбора и утилизации отходов, деятельность по ликвидации загрязнений – 0,5%), сельское хозяйство – 4,2%, строительство – 5,7%, оптовая и розничная торговля – 9,5%, транспортировка и хра-

нение – 5,7%.

Среднегодовая численность постоянного населения в Республике Татарстан в 2021 году составила 3890,257 тыс. человек. Для демографической ситуации, сложившейся в Республике Татарстан, характерны следующие тенденции, которые могут представлять демографические угрозы кадровой безопасности региона (см. таблицу 2):

1) сокращение численности населения региона за счет естественной убыли населения;

2) снижение численности родившихся на 1000 человек населения, что отрицательно в дальнейшем может воздействовать на уровень естественного

прироста и величину трудовых ресурсов региона;

3) наличие продолжающегося процесса старения населения и уменьшение удельного веса молодежи в общей численности населения,

В 2020 году под влиянием пандемии COVID-19 Республика Татарстан впервые столкнулась с убылью населения, которая составила 8768 человек. В 2021 году убыль населения продолжилась, численность населения республики сократилась еще на 7725 человек. Убыль населения в эти годы была вызвана естественной убылью, миграционный прирост населения был положительный.

Таблица 2

Показатели, характеризующие демографические угрозы кадровой безопасности Республики Татарстан

Показатели	Показатель Российской Федерации, 2021 г.	Показатель Республики Татарстан, 2021 г.
Изменение численности населения региона, в % к предыдущему году	-0,4	-0,2
Численность родившихся на 1000 чел. населения региона	9,6	10,5
Численность умерших на 1000 населения региона	16,7	15,5
Ожидаемая продолжительность жизни, лет	70	71

По итогам 2021 года в республике родились 40 936 человек, коэффициент рождаемости составил 10,5 случаев на 1 000 человек населения (в целом по России – 9,6 случая). Показатель смертности населения за 2021 год составил 15,5 случаев на 1 000 человек населения (в России – 16,7 случая на 1 000 человек населения) [11,13].

Ожидаемая продолжительность жизни при рождении по итогам 2021 года составила в Республике Татарстан 71,28 года. По данному показателю Та-

тарстан занимает 14-е место среди субъектов Российской Федерации и 1-е место среди субъектов Приволжского федерального округа.

Демографические показатели напрямую связаны с социально-экономическими характеристиками развития региона (см. таблицу 3). Одной из главных целей социальной политики Республики Татарстан является создание условий, обеспечивающих повышение доходов и качества жизни населения.

Таблица 3

**Показатели, характеризующие социально-экономические угрозы
кадровой безопасности Республики Татарстан**

Показатели	Показатель Российской Федерации, 2021 г.	Показатель Республики Татарстан, 2021 г.
Среднемесячная заработная плата работников организаций, руб.	56545	45800
Уровень занятости населения, в %	59	62
Уровень регистрируемой безработицы, %	1,8	0,6
Коэффициент напряженности на рынке труда, чел/вакансию	0,3	0,2
Доля населения с доходами ниже величины прожиточного минимума, %	13	6

Среднемесячная начисленная заработная плата работающих на предприятиях и в организациях республики, включая субъекты малого предпринимательства, за 2021 год составила 45 800,3 рублей. Несмотря на увеличение по сравнению с 2020 годом на 15,2%, она существенно отстает от средней по России (на 19%). Реальная заработная плата, рассчитанная с учетом индекса потребительских цен на товары и услуги, составила в 2021 году 107,7%. По размеру среднемесячной заработной платы Татарстан за 2021 год в рейтинге среди регионов Приволжского федерального округа занимает 2-е место (1-е место – Пермский край).

Высокий уровень заработной платы в республике в 2021 году наблюдался в следующих видах экономической деятельности: добыча полезных ископаемых – 71,4 тыс. рублей, деятельность в области информации и связи – 67,4 тыс. рублей, финансовая и страховая деятельность – 65,2 тыс. рублей, профессиональная, научная и техническая деятельность – 63,3 тыс. рублей, обеспечение электрической энергией, газом и паром, кондиционирование воздуха – 57,9

тыс. рублей, обрабатывающие производства – 51,3 тыс. рублей. Среднемесячная заработная плата работников в бюджетной сфере по данным за 2021 год была ниже среднереспубликанского уровня: в сфере образования она составила 36,4 тыс. рублей, в области здравоохранения и социальных услуг – 43,1 тыс. рублей, в области культуры, спорта, организации досуга и развлечений – 49,5 тыс. рублей [11].

Благодаря принятым в Российской Федерации и Республике Татарстан мерам поддержки населения и бизнеса в 2021 году удалось нивелировать последствия ограничений и не допустить массового сокращения работников и снижения занятости. Уровень занятости населения по методологии Международной организации труда за 2021 год по Республике Татарстан составил 62,3 %. Это выше чем в Приволжском федеральном округе, а также в среднем по России. В России этот показатель составил 59%, в Приволжском федеральном округе примерно 58%.

На 01.01.2022 г. на учете в центрах занятости населения было зарегистрировано в качестве безработных 11,4 тыс. человек. Уровень регистрируемой без-

работицы составил 0,56% численности рабочей силы республики (на 01.01.2021 – 1,9%). Заявленное работодателями число вакансий на 1 января 2022 года составило 56,3 тыс. единиц (на 1 января 2021 года – 46,8 тыс. единиц). Коэффициент напряженности на рынке труда на 1 января 2022 года составил 0,2 чел./вакансию (на 1 января 2021 года – 0,83 чел./вакансию).

Уровень безработицы в республике по данным за первое полугодие 2022 г. фиксирует исторический минимум, что свидетельствует о дефиците трудовых ресурсов. На 10,5 тыс. безработных приходится 75 тыс. вакансий. Таким образом, каждому соискателю служба занятости может предложить до 7 вакансий.

Граница бедности в Республике Татарстан по итогам 2021 года составила (все население) 10112 рублей, для трудоспособного населения 10776 рублей, пенсионеров 8134 рубля. Уровень бедности населения в республике по итогам 2021 года составил 6,2% при общероссийском показателе в 13%. По этому показателю республика занимает V место среди субъектов Российской Федерации. Пороговый уровень бедности установлен на уровне 6%.

Снизить угрозы кадровой безопасности региона и внести весомый вклад в обеспечение его технологического и кадрового суверенитета позволит реализация крупномасштабного федерального проекта по созданию передовых инженерных школ в различных регионах страны. В Республике Татарстан на базе крупных вузов КФУ, Университета Иннополис и КНИТУ-КГТУ будут созданы три передовые инженерные школы. Набережночелнинский институт Казанского федерального университета успешно прошел конкурсный отбор на создание и развитие передовой инже-

нерной школы «Кибер Авто Тех» совместно с индустриальным партнером ПАО «КАМАЗ». Данный проект даст новый импульс к сотрудничеству института и крупного отечественного автопроизводителя и позволит обеспечить отрасль и регион необходимыми кадрами.

Заключение

1. В ходе исследования автором раскрыта сущность кадровой безопасности региона, которая представляет собой процесс предотвращения возможных вызовов и угроз экономической безопасности, связанных с человеческими ресурсами региона, его кадровым потенциалом и трудовыми отношениями.

2. Представлена классификация региональных кадровых угроз в зависимости от характера их возникновения и выделены угрозы кадровой безопасности, актуальные для большинства субъектов Российской Федерации в настоящее время.

3. В условиях возрастания внешних и внутренних угроз национальным и экономическим интересам России отмечена необходимость укрепления кадрового суверенитета страны за счет обеспечения ключевых отраслей экономики собственными кадрами.

4. Разработана система индикаторов экономической безопасности региона, которая включает в себя шесть проекций, характеризующих различные аспекты кадровой безопасности, присущие большинству субъектов российской Федерации.

5. Проанализированы показатели, характеризующие демографические и социально-экономические угрозы кадровой безопасности Республики Татарстан. Выделены основные тенденции демографического и социально-

экономического развития данного региона.

6. Отмечен вклад передовых инженерных школ, создаваемых в различных регионах страны, в обеспечение кадрового и технологического суверенитета.

Направление дальнейших исследований автор видит в разработке стратегии управления кадровой безопасностью

на региональном уровне, апробации системы индикаторов для проведения мониторинга кадровой безопасности для различных субъектов Российской Федерации, совершенствовании методики оценки кадровых угроз, развитию концепции кадрового и технологического суверенитета.

Литература

1. *Алавердов А.Р.* Управление кадровой безопасностью организации / А.Р. Алавердов. – М.: Издательский дом университета «Синергия», 2020. – 460 с.
2. *Андруник П.* Кадровая безопасность: инновационные технологии управления персоналом / П. Андруник, М.Н. Руденко, А.Е. Суглобов. – М.: Дашков и К, 2021.– 508 с.
3. *Астахова Е.А.* Анализ современного состояния научных исследований в сфере кадровой безопасности / Е.А. Астахова, Н.А. Ларионова, Л.Н. Панькова и др., // Вестник Северо-Кавказского федерального университета, 2018. – № 5 (68).– 31– 40.
4. *Боровских Н.В.* Кадровая безопасность как элемент экономической безопасности региона / Н.В. Боровских, Е.А. Кипервар // Омский научный вестник. Сер. Общество. История. Современность. 2018. – №2. – С.122–127.
5. *Кибанов А. Я.* Кадровая безопасность в системе безопасности организации / А.Я. Кибанов // Кадровик. Кадровый менеджмент. – 2010. – №10. – С. 30–35.
6. *Кузнецова Н.В.* Угрозы кадровой безопасности организации: монография / Н.В. Кузнецова. – М.:Инфра-М, – 2021.–262 с.
7. *Кузнецова Н.В.* Факторы, влияющие на выбор стратегии обеспечения кадровой безопасности организации / Н.В. Кузнецова // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 3. Экономика. – 2015.– С.71–78.
8. *Ленчук Е.Б.* Научно-технологическое развитие России в условиях санкционного давления / Е.Б. Ленчук // Экономическое возрождение России. – 2022.– №3(73).– С. 52–60.
9. *Митяков Е.С.* Развитие методологии и инструментов мониторинга экономической безопасности регионов России: автореф. дис. ... д-ра. экон. наук: 08.00.05. / Е.С. Митяков.– Нижний Новгород, 2018. – 26 с.
10. О стратегии национальной безопасности Российской Федерации: Указ Президента РФ от 02 июля 2021 г. № 400. Режим доступа: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/47046>.
11. Отчет о деятельности исполнительных органов государственной власти Республики Татарстан за 2021 год. Режим доступа: https://prav.tatarstan.ru/file/pub/pub_3219966.pdf.
12. Регионы России. Социально-экономические показатели 2021. Режим доступа: <https://rosstat.gov.ru/folder/210/document/13204>.
13. Российский статистический ежегодник 2021. Режим доступа: <https://rosstat.gov.ru/folder/210/document/12994>.

14. *Сальников И.И.* Кадровая безопасность как элемент экономической безопасности организации / И.И. Сальников // Вестник Белгородского университета кооперации, экономики и права, 2018. – №2. – С.186–197.

15. Сводный доклад Республики Татарста О результатах мониторинга эффективности деятельности органов местного самоуправления городских округов и муниципальных районов Республики Татарстан по итогам 2021 года. Режим доступа: https://prav.tatarstan.ru/file/pub/pub_3330856.pdf

16. *Соколовский А.А.* Кадровая безопасность как основа обеспечения экономической безопасности / А.А. Соколовский // Обеспечение национальной экономической безопасности: новые вызовы и приоритеты: сборник тезисов докладов международной научной конференции / под ред. А. А. Пороховского, С. В. Кайманакова. – М.: Экономический факультет МГУ имени М. В. Ломоносова, 2020. – С.88–93.

УДК 332.02

E.F. Nazmiev,
Candidate of economic sciences,
Deputy editor-in-chief of
the Regional economic journal

Э.Ф. Назмиев,
кандидат экономических наук,
Регионального экономического журнала

МЕХАНИЗМЫ АКТИВИЗАЦИИ МЕСТНОГО АРТ-РЫНКА

Аннотация: одной из проблем отечественного государственного и муниципального управления стала недостаточная эффективность программ развития, в частности национальной программы в сфере культуры. В статье предпринята попытка вскрыть причины недостаточной вовлеченности художественного рынка в экономический оборот города, выявлены институты этого рынка. В заключительной части работы предложены мероприятия, направленные на активизацию местного арт-рынка.

Ключевые слова: искусство, культура, экономика города, местный арт-рынок, мериторные блага, маркетинг, институты, государственные и муниципальные программы.

«Национальная программа в сфере культуры должна получить сильное региональное измерение, стимулировать повышение качества и разнообразие культурной жизни в малых городах и посёлках страны»

Владимир Путин,
Заседание Совета по культуре и искусству, 15 декабря 2018 года

Методика исследования

При построении данного исследования необходимо было обозначить некоторые его границы, характеризующие субъективную сторону исследуемых явлений. В частности, если мы говорим о местном арт-рынке, то необходимо понимать, что он включен в состав экономики города. Соответственно спрос на этом рынке прежде всего зависит от уровня доходов жителей населенного пункта, а регулирующие этот рынок институты имеют не только муниципальные, но и государственные истоки. Поэтому, говоря о недостаточном развитии местных арт-рынков необходимо под-

вергнуть анализу регулирующие эту сферу положения не только муниципального, но и регионального и федерального уровня. В противном случае, мы можем получить ограниченное представление о рынке, которое попадает под описание его неразвитости в силу недостаточной платежеспособности населения (спроса) и отсутствия интереса населения к изобразительному искусству. В определенном смысле так и есть, но это не значит, что эта позиция вскрывает всю суть проблемы и якобы покоится на непреодолимых фундаментальных рыночных принципах.

В силу рыночной среды исследова-

тель изначально локализован в парадигме рынка, спроса и предложения, представляя их базовыми условиями как для теоретического анализа, так и в практической реализации. Соответственно, изначально наблюдая за структурой местного рынка приходится констатировать отсутствие в нём арт-рынка, в частности показателей купли-продажи объектов изобразительного искусства. Однако в некотором виде существуют институты спроса и предложения на этом рынке. Таким образом, придерживаясь теории рынка, следует тщательно рассмотреть характеристики спроса и предложения на этом рынке. Сохраняя эту парадигму, в данном исследовании проводится уточнение границ отдельных терминов, которые необходимо обозначить, чтобы сохранить её концентрацию в рамках заявленной темы. В этой связи материал изложен в той последовательности, которая позволяет сохранить дискурс исследования на уровне города, но и вовлекать в него региональные, федеральные и международные институты.

В процессе исследования учитывается, что сфера культуры и искусства относится к мериторным благам, и принимается допущение о том, что в значительной степени спрос на культурные блага зависит и от уровня культуры потребителя, то есть чем более развит художественный вкус, чем дифференцированнее культурная потребность, тем динамичнее спрос потребителя [1, с. 121].

Этапы исследования представлены характеристиками города, как социально-экономического института и места культуры в его экономике. Рассмотрены

институты местного арт-рынка и его ограничения. Далее эти два явления (город и изобразительное искусство) синтезируются в единую среду через программный подход, позволяющий построить концепцию управления ими для построения местного арт-рынка. Кроме того, в этом разделе рассматривается возможный инструментарий, предлагаемый для активизации формирования местных арт-рынков.

Город и экономика культуры

Основным местом экономического и социального развития стали города. Большие и малые города, поселки городского типа, весьма разнообразны по своим характеристикам и порой несопоставимы в масштабах и интенсивности любой социальной активности. Поэтому в данном исследовании рассматриваются любые города и территории, кроме городов федерального значения Москвы и Санкт-Петербурга, как раз именно по причине своей несопоставимости в социальной и экономической активности с другими, даже крупнейшими городами России.

Обозначенная тема исследования предопределяет рассмотрение в первую очередь экономических аспектов городского развития. Экономика города достаточно широкое понятие, охватывающее публичный и частный сектор. Рассматривая экономику города, исследователи обращают внимание на сферу материального производства и оказание услуг.

Рис. 1. Укрупненный состав городской экономики [2, с. 20]

Очевидно, что сфера культуры будет входить в комплекс потребительского рынка в части приобретения объектов искусства. Кроме того, сфера культуры может быть включена и в другие сегменты городской экономики в части создания объектов искусства, например, для оформления зданий, пополнения фондов учреждениями культуры и пр.

Экономика города уже долгие годы изучается различными исследователями. В частности в работах А. Фишера и К. Кларка предлагается рассмотрение структуры городской экономики в разрезе секторов. В исходной модели рассматривались три сектора экономики города:

- первичный сектор (добыча полезных ископаемых);
- вторичный сектор (промышленное производство);

– третичный сектор (сфера услуг).

Впоследствии другими исследователями были сделаны уточнения для каждого из секторов. Прежде всего это касалось вторичного и третичного секторов. Вторичный сектор, включающий в себя индустриальную сферу, в процессе научно-технического прогресса оказался под влиянием новых условий, необходимых в систематизации. Индустриальный сектор стал более наукоемкий, его неотъемлемой частью стали научно-исследовательские и опытно-конструкторские разработки, которые в чистом виде учитывались в третичном секторе. Сфера услуг (третичный сектор) также стала глубже проникать в индустриальную среду, в условиях нарастания скорости обмена информацией, расширения географии производства. То есть влияние объективного развития ры-

ночной системы потребовало внести уточнения в ранее устойчивую секторальную группировку. В результате возникли группы четвертичного и даже пятеричного секторов городской экономики.

Для большинства городов основную роль играют первые два сектора, которые могут выступать в качестве бюджетобразующих и специализирующих отраслей городской экономики. Третичный сектор в российском городе, как правило, представлен услугами жилищно-коммунального хозяйства, образования, здравоохранения, торговли и других отраслей, формирующих, градообслуживающую сферу и в большей мере относится к муниципальной экономике. Большая часть исследователей экономики города посвящена именно этим вопросам.

Сложность объективной оценки экономики культуры в экономике города и городском развитии как таковом, в дифференциации подотраслей – искусства и культуры: первая обеспечивает производство художественных продуктов, вторая – доведение их до потребителей (включая исполнительское искусство) и формирование у них художественных вкусов в целях обеспечения спроса на созданные художественные продукты. Определение сферы художественной деятельности в качестве объекта управления, в основе которого лежат организационно-экономические процессы отраслевого развития и на этом основании ее идентификация в отраслевой системе является основой функционирования культуры как отрасли современной экономики. Речь идет о развитии культуры и искусства в качестве экономической системы, оптимально обеспечивающей отраслевую целостность (совокупность) субъектов художественной

деятельности, занятых в государственном и частном секторах экономики формированием, сохранением и воспроизводством культурного потенциала в области самодельного и профессионального искусства [1, с. 30-31].

Отмечается важность влияния учреждений культуры как части институциональной среды на устойчивое социально-экономическое развитие городского пространства [3, с. 10-15], а сфера культуры рассматривается как элемент нематериального капитала, обеспечивающего формирование «туристического капитала», [4, с. 23] визуальной привлекательности [5, с. 382], архитектурной среды [5, с. 382], находящегося под влиянием неэкономических факторов [6, с. 40].

В таком подходе есть доля справедливости, ведь культурная сфера делает города более привлекательными. Но анализ с точки зрения экономического вклада сферы искусств, в частности изобразительного, в городской продукт не проводится по очевидным причинам слабого развития этой активности как экономического фактора. Это отражает действительное положение дел, что дает основание не заглядывать в глубинные причины сложившейся ситуации и ограничиться лишь констатацией факта. Культуру с позиции экономики рассматривают как отрасль экономики, включающую в себя деятельность местных бюджетных и частных учреждений культуры. Соответственно в экономический оборот с разной степенью вовлечены театры, кинозалы, галереи и другие учреждения культуры.

Существует более расширенный взгляд на роль культуры и искусства в экономике города, который включает их в сферу креативной экономики в основе которой лежит интенсивное использование творческих и интеллектуальных ре-

сурсов. Несмотря на непростую идентификацию термина «креативная экономика», отнесем к этому явлению, как к части общей экономической теории, дополняющую наше представление о современном мире. Как и в теории экономики города, теория креативной экономики не раскрывает экономический механизм реализации творческого потенциала в измеримый продукт. Например, указывается, что культура входит в состав креативной экономики, в частности, вносит свой вклад в индустрию событий [7, с. 118-119].

При этом упускается важное обстоятельство, связанное с тем, что сферу культуры в экономической теории традиционно относят к общественным благам. Более глубокое исследование структуры общественных благ позволяет выявить так называемые мериторные блага. Мериторными называются блага, спрос на которые со стороны частных лиц отстает от «желаемого обществом» и стимулируется государством, а демериторными являются товары и услуги, потребление которых государство стремится сократить. Таким образом, само понятие мериторики связано с интересами сообщества людей в целом, которые не выявляются обычным рыночным путем и не проявляются в индивидуальных предпочтениях. Слабое развитие местного арт рынка, в том числе и в малых городах позволяют нам принять идею мериторики для его активизации. Городское сообщество осознает необходимость более развитой культуры не только восприятия художественных произведений, но и культуры общения, вежливости и т.п. в ежедневных коммуникациях горожан друг с другом. Отсюда и главное направление мериторного вмешательства в случае неосведомленности индивидуума – принудительное информирование населения [8, 109-113].

Это замечание не учитывается многими отечественными исследователями, например, в территориальном маркетинге рассматриваются качественные и количественные показатели, определяющие структуру и содержание территориальной экономической системы, а именно показатели:

– политико-правовые (нормативно-правовые акты, правила и процедуры принятия решений органами исполнительной власти, политика государства в области экономических отношений);

– экономические (финансовая, бюджетная, налоговая политика, темп инфляции, изменение конъюнктуры спроса и предложения по видам продукции и услуг);

– социокультурные (культура национальных отношений, культурные традиции, менталитет, обычаи, уровень жизни и образования) [9, с.20].

В рамках маркетинговых стратегий сфера культуры и искусства относится к объектам исследования так называемой «объектной стратегии», которая фокусируется вокруг отдельных городских объектов – музеев, исторических зданий, памятников и других достопримечательностей [10, с. 29].

Экономика города, как и маркетинг города, учитывают в рамках своего исследовательского поля содержание и уровень развития культуры и искусства⁵.

⁵ Основные теоретические положения маркетинга в сфере культуры в дальнейшем были развиты в работах Бурдые, Мак-Кракена, Хиршмана, Лари, Редди, Димэджио, Колбера и другими. *Бурдые П.* Рынок символической продукции // Вопросы социологии. – 1994. – № 5. – С. 50–62; *Колбер Ф.* Маркетинг культуры и искусств / Пер. с англ. – СПб.: Артпресс, 2004; *DiMaggio P.* Culture and Economy // The Handbook of Economic Sociology. Princeton: Princeton University Press, 1994. P. 25–57; *Hirschman A.* Exit, Voice and Loyalty: Responses to Decline in Firms, Organizations, and States. Cambridge (MA): Harv. U. Press, 1997; *Lury C.* Consumer culture. Cambridge:

Однако используемые инструменты анализа не достаточно полно раскрывают непосредственное воздействие культуры и искусства на экономику города, не учитываются мериторные особенности сферы культуры и искусства, не исследуют их потенциальные возможности в социально-экономическом развитии как города, так и региона.

С другой стороны любой обмен между покупателем и продавцом можно называть рынком. В отечественной практике государственного и муниципального управления для активизации рынков используется программирование, как один из инструментов государственного регулирования экономики. При этом государственные и муниципальные структуры (публичная власть) должны понимать, что их бюджет, различные гранты – это инструменты по созданию спроса на объекты культуры. То есть это своего рода государственные инвестиции в формирование спроса на продукцию художников и архитекторов.

Институты и ограничения

Для формирования и функционирования любого рынка необходима соответствующая институциональная среда, обеспечивающая эти процессы. Эти институты могут иметь материальное и нематериальное воплощение. Базовыми условиями функционирования рынка выступают носители спроса и предложения. Для арт-рынка, или рынка искусств, носителями спроса могут выступать физические и юридические лица, общественные, муниципальные, государственные организации и т.п. Предложение может быть представлено произве-

дениями искусства, народного творчества и другими результатами творческой деятельности.

Это вполне очевидные вещи, наличие которых говорит, что как таковой арт-рынок функционирует, но в силу своего слабого развития находится в некоторой «серой зоне». То есть рыночный обмен предметами художественного творчества, как правило, в наличной форме, без оплаты соответствующих налогов. Подобные приобретения могут осуществляться на профессиональной, регулярной основе, узким кругом лиц – ценителей искусства, либо случайным образом.

Непосредственно на территории практически любого города можно встретить художественный салон или торговую точку на рынке, где будут выставлены произведения местных художников. Торговый оборот в этих институтах рынка может осуществляться через кассовые аппараты или другим способом. При этом художник либо торговец – посредник, могут быть зарегистрированы как предприниматели или само занятые, тем самым они участвуют в распределении финансовых средств по соответствующему кругообороту стоимости.

Итак, в лице художественных салонов и торговых точек, где торгуют произведениями искусств местных художников, мы можем говорить о первой группе рыночных институтов местного арт-рынка. Эта группа институтов имеет максимальную доступность для потребителя, носит как профессиональный, так и любительский характер представленных работ. Для этой группы характерен широкий охват как профессиональных, так непрофессиональных потребителей. Однако торговый оборот здесь сравнительно невысок.

Polity, 1996; *McCracken G.* Culture and Consumption. New Approaches to the Symbolic Character of Consumer Goods and Activities. Bloomington: Indiana.

К другой группе, рыночных институтов, не столь широкой по своему охвату, следует отнести систему государственных, муниципальных и других специализированных заказов на создание произведений искусств для оформления территории города или здания, создание архитектурных и монументальных произведений. Общим для этой группы будет условная прозрачность финансовых отношений, с отчислением необходимых налогов и платежей, по крайней мере, со стороны заказчика. Здесь следует отдельно выделить подгруппу государственных и муниципальных заказов, в том числе заказов государственных корпораций. И подгруппу заказов строительных организаций, которые для оформления фасадов зданий и интерьера могут приглашать местных художников и архитекторов. Подгруппа предпринимателей, владеющих развлекательными центрами, зданиями различного пользования. Они для оформления фасадов и интерьера могут приглашать представителей творческих профессий.

Следующая группа рыночных институтов представлена более профессиональным сообществом и включает в себя постоянно действующие или временные галереи, выставки, фестивали художественных искусств, народного творчества и тому подобные мероприятия.

Следующая группа состоит из узкого круга лиц, объединенных общими знакомствами, неформальными, дружескими отношениями. Эта общественная институция наиболее стабильна и профессиональна. Но для неё характерен неучтенный оборот денежных средств, не попадающий под распределительные финансовые отношения.

Отдельный институт местного арт-рынка может быть представлен сред-

ствами информационных сетей Интернет и социальных сообществ.

Указанные фактически действующие институты местного арт-рынка, с разной мерой стабильности функционируют на местном уровне. Но кроме них существуют институты, прямо не входящие в систему институтов арт-рынка, но обеспечивающих подготовку соответствующих специалистов и способствующие созданию объектов культуры. В эту обеспечивающую группу институтов можно отнести различные образовательные учреждения в области культуры и искусства, а также проводимые на местном и государственном уровне конкурсы, грантовую поддержку творческих инициатив и тому подобное. В эту же группу институтов можно отнести Национальный проект «Культура». Кроме того, к этой группе можно отнести специализированные средства массовой информации или рубрики, передачи об изобразительном искусстве на федеральном, региональном и местном уровне. Также к поддерживающим институтам можно отнести профессиональные сообщества художников, творческие объединения, различные союзы и ассоциации в этой сфере.

Кроме того, существует государственная система признания уровня профессионализма художника в виде включения его в специализированный совет или общество, предоставление к званиям «народного», «заслуженного» и т.п. При этом некоторые профессиональные, негосударственные организации могут иметь более значимый статус, чем государственный.

Итак, формально мы имеем довольно исчерпывающий набор институтов рынка искусств, включающий не только частные но и государственные структуры и регулирующие положения. Однако эти институты не позволяют в полной

мере раскрыть потенциал рынка. Более того, на этом рынке присутствует избыточное предложение, которое не востребовано спросом.

Одна из возможностей преодоления этого ограничения лежит в изменении маркетинговой среды и разработке комплекса маркетинга (набор поддающихся контролю переменных факторов маркетинга, совокупность которых фирма использует в стремлении вызвать желаемую ответную реакцию со стороны целевого рынка. В частности Ф. Котлер говорит об институтах рынка, проявленных в виде:

1) средств массового и избирательного воздействия, которые включают в себя средства печатной рекламы (газеты, журналы, отправление прямой почтовой рекламы), электронные средства рекламы (радио, телевидение, средства Интернет и социальные сети (добавлено автором)) и иллюстративно-изобразительные средства рекламы (щиты, вывески, плакаты);

2) специфической атмосферы – специально созданной среды, способствующей возникновению и укреплению предрасположенности покупателя к приобретению или использованию товара;

3) мероприятий событийного характера, рассчитанных на донесение до целевых аудитории каких-то конкретных обращений. Также одним из средств стимулирования сбыта он считал пропаганду, включающую в себя использование редакционного, а не платного места и/или времени во всех средствах распространения информации, доступных для чтения, просмотра или прослушивания существующими или потенциальными клиентами фирмы, для решения конкретной задачи – способствовать достижению поставленных целей [11, с 462, 499].

В определенной степени маркетин-

говый подход Ф. Котлера схож с институциональным подходом Д. Норта, в части воздействия на улучшения взаимодействия спроса и предложения. Эти сравнения справедливы, если рассматривать становление или формирование нового рынка, его расширение, которое исследуются в рамках нашей статьи. Д. Норт рассматривал институты прежде всего как набор правил, говоря о том, что 1) институциональная система определяет направление, по которому идет приобретение знаний и навыков; 2) это направление может быть решающим фактором долгосрочного развития общества. Очевидно, что всем участникам рынка необходимо сформировать условия для максимизации своего поведения в регулируемой институтами сфере. Систему этих регуляторов можно представить как функцию от выявленных Д. Нортом рычагов изменений: 1) результирующая спроса на инвестиции в знаниях всех видов; 2) постоянное взаимодействие между организованной экономической деятельностью, запасом знаний и институциональной системой; 3) периферийное изменение неформальных ограничений как побочный результат максимизирующей деятельности организаций [12, с. 103].

Вероятно, одним из важных ограничений, сдерживающим потенциал местного арт-рынка стал низкий уровень информационного обеспечения этой сферы в средствах массовой информации. Фактически отсутствует прямая реклама художественных произведений на фоне низкого информационного сопровождения местной сферы культуры и искусств.

Рекомендации и программирование

Для отечественных исследователей рекомендации по улучшению городской

среды связывают с различными аспектами её организации и участия жителей в этом процессе. При этом постоянно приводят пример стран Европы и США, указывая на вовлеченность людей в эти процессы. Однако упускается из виду уже созданные и вполне развитые социальные и рыночные институты, обеспечивающие эти взаимодействия между бизнесом, горожанами и властью. Однако большинством исследователей механизм, обеспечивающий эти взаимодействия, не анализируется либо сводится к активности гражданского общества или общественных организаций. В результате в России роль общественных организаций сводят к построению гражданского общества, противопоставляя его системе государственного и муниципального управления. Этот подход, в котором реализуется идея противопоставления гражданского общества власти, весьма разрушителен для обеспечения его целостности и представляет собой пробел в организации государственного и муниципального управления.

Любая общественная организация должна иметь ясное понимание своих целей, которые повышали бы эффективность государственного и муниципального управления, но не становились бы противовесом этих процессов. То есть создание подобных структур должно иметь определенный стандарт целеполагания и функционирования, обеспечивающий взаимный интерес публичной власти, общества и бизнеса. В этом смысле прямое действие Конституции может проявить свой потенциал.

На преодоление этого пробела направлены различные государственные и муниципальные программы. Безусловно, они с разной степенью успешностью реализуются и однозначно имеют право на дальнейшее использование в качестве одно из базовых инструментов государ-

ственного и муниципального управления. Однако, существенным элементом, способным повысить эффективность этих программ, может стать привлечение в процесс их реализации общественных институтов или создание таковых там где их еще не существует. То есть общественные институты должны иметь более узкое направление, будучи площадкой, объединением людей с определенными общими интересами. Например, различные ассоциации и общества. Для сферы культуры, которая относится к мериторальным благам, роль общественных организаций ещё более важна.

В этой связи следует указать на то, что действующий в Российской Федерации и Республики Татарстан национальный проект «Культура» не в полной мере позволяет реализовать потенциал рынка искусств на местном уровне. В этой связи рекомендуется разработать систему мероприятий (или муниципальной программы), направленную на повышение уровня культуры через пробуждение интереса горожан к изобразительному и другим видам искусства с целью формирования спроса на объекты искусства.

Действующий механизм реализации государственных и муниципальных программ основан на бюджетное финансирование с привлечением частных средств. Однако инструментарий реализации подобных программ в сфере культуры и искусства, в частности художественного искусства, может быть значительно расширен за счёт следующих направлений:

– взаимодействие публичной власти с местным сообществом. В силу отсутствия информации о местных художниках, об их работах и достижениях, у горожан не формируется эстетический вкус и понимание созданных местными авторами картин. Наличие информации,

формирование имиджа местных художников может позволить сместить вектор потребления от «ширпотреба» к высокохудожественным, индивидуальным, гармоничным объектам культуры, и что немаловажно – воплотившим в себе местный колорит, стиль и престиж. Взаимодействие публичной власти с местным сообществом представляет собой основу для организации и проведения системных мероприятий, связанных с популяризацией искусства с целью формирования спроса на произведения искусств. Это может быть реализовано через публикации, телевизионные программы средств массовой информации, находящихся на бюджетном финансировании, а также через систему поощрений для предпринимателей, принимающих участие в культурных мероприятиях и другими способами, в рамках действующего законодательства;

– раскрытие для жителей и администрации города потенциала местного рынка арт-искусств. Сейчас этот рынок представляет собой «серую» экономику, которая недостаточно вовлечена в прозрачный экономический оборот с официальной «белой» оплатой произведений искусств и соответствующих налогов. Механизм формирования и раскрытия финансового потенциала местного арт-рынка может быть представлен во взаимодействии горожан, предпринимателей с местным Союзом художников, используя при этом налоговые льготы, предусмотренные НК РФ.

Инструментарий предлагаемого механизма активизации потенциала местного рынка искусств может содержать два основных блока:

1. Взаимодействие с бизнес-сообществом.

1.1. При оформлении зданий, построенных за счет бюджетных средств,

предусмотреть заказы в Союз художников на оформительские работы с включением их в смету.

1.2. При разработке проектов фасадов, архитектурных решений, различного рода оформительских работ предусматривать привлечение членов местного Союза художников или других общественных объединений на договорной основе, предусмотрев в смете отдельную строку расходов на соответствующие работы.

1.3. Предусмотреть меры поощрения меценатам, участвующим в программе (например, в виде вручения дипломов от руководства города, ежегодного конкурса на звание «Меценат искусств», широко освещая материалы в СМИ).

1.4. Создание отдельного счёта или фонда для оплаты труда членов городского Союза художников, которые зарабатывают, проводят дополнительные общеобразовательные и культурно-познавательные программы в области искусств для дошкольного и школьного возраста, студентов, университетов третьего возраста и других категорий населения города.

2. Мероприятия в СМИ.

2.1. Разработка цикла телевизионных и радиопередач о деятельности местных творческих объединений и об их участниках.

2.2. Разработка цикла передач в области культуры, различных направлений изобразительного искусства и т.п.

2.3. Широкое освещение проводимых выставок с привлечением экспертов, а не только силами журналистов. Освещение публичных лекций и других общественных просветительских мероприятий, проводимых представителями различных творческих объединений.

2.4. Регулярные публикации специ-

алистов (например, один раз в 2 недели) в постоянной рубрике местной газеты, представляющей официальное издание муниципальных органов власти.

2.5. Публикация в местной прессе отзывов предпринимателей или частных лиц – благотворителей о том или ином приобретенном ими произведении искусства. Для предпринимателей – это один из вариантов рекламы.

Предлагаемые мероприятия могут преодолеть информационный дефицит потенциального потребителя, пробудить в нём интерес к местному профессиональному сообществу. По существу это элемент описанных выше маркетинговых стратегий и институциональных изменений для преодоления улучшения взаимодействия спроса и предложения.

В силу специфики своего развития Москва и Санкт-Петербург были и останутся главными центрами притяжения художников и любителей искусства. Однако это не означает, что качество изобразительного искусства падает в зависимости от удаления от центра. Скорее наоборот, мы можем видеть большую глубину и естественность в творчестве представителей сферы культуры из различных регионов Российской Федерации. Но вместе с тем, подготовка наиболее профессиональных и разнообразных кадров в сфере искусства представлена в центре, и, как следствие, там имеется сравнительно развитое сообщество искусствоведов, критиков и других специалистов, чья деятельность позволяет

представителям творческой среды критично смотреть на свой труд и повышать его качество. При этом, сосредоточение в центре представителей бизнеса, да и вообще, более высокий уровень жизни по сравнению с другими регионами, обеспечивает возможность реализации работ (как качественных, так и завышенных по стоимости) столичных художников.

Очевидно, что в малых городах, как впрочем, и больших, не достаточно высококлассных художественных критиков и специалистов. Использование современных технологий может позволить преодолеть этот разрыв, через создание специализированных сайтов и платформ общественных и государственных организаций. Подобные платформы могли бы стать своего рода экспертными советами для региональных художественных галерей и художественных критиков. Специалисты этих платформ могли бы оказывать методическую помощь для местных чиновников, журналистов, общественных активистов для определения качества художественных работ их рецензирования, подготовки статей, материалов по сопровождению художественных мероприятий, статей и т.п.

Развитие местного рынка искусств окажет положительное влияние на развитие сферы внутреннего туризма, а предлагаемые меры направлены на сохранение, пропаганду культурного и исторического наследия народов России и создание новых культурных объектов.

Литература

1. Экономика и менеджмент культуры: учеб. пособие / научн. ред.: Е.В. Галаева, И.В. Чарная. – 2-е изд.-е. перераб.– М.: МГУКИ, 2011. – 480 с.
2. Уфимцева Е.В. Экономика и управление городским хозяйством: учебное пособие / Е.В. Уфимцева. – Томск: Изд-во Том. гос. архит.-строит. ун-та, 2014. – 204 с.
3. Волчкова Е.Н. Муниципальный маркетинг как эффективный инструмент социально-экономического развития городского пространства / Е.Н. Волчкова, А.В. Кар-

пова, Э.Ф. Кочеваткина и др. // Вестник Алтайской академии экономики и права. – 2021. – № 3-1. – С. 5–12. Режим доступа: <https://vaael.ru/ru/article/view?id=1606> (дата обращения: 05.11.2022).

4. Теория экономики города / В.С. Занадворов, И.П. Ильина / Гос. ун-т Высш. шк. экономики. – М.: ГУ ВШЭ, 1999. – 175 с.

5. Экономическая урбанизация / Н.Б. Косарева, Т.Д. Полиди, А.С. Пузанов – М: Фонд «Институт экономики города», 2018. – 418 с.

6. *Занадворов В.С.* Экономика города: вводный курс: учеб. пособие / В.С. Занадворов, А.В. Занадворова. – М.: ИКЦ «Академкнига», 2003. – 272 с.

7. *Стуглев А.А.* Креативная экономика и индустрия событий. Значение для экономики города / А.А. Стуглев, С.Т. Ходько, А.М. Любенова // Креативная экономика. – 2021. – Том 15. – №1. – С. 117-136.

Режим доступа <https://creativeconomy.ru/lib/111544> (дата обращения: 05.11.2022).

8. *Рубинштейн А.Я.* Экономика культуры / А.Я. Рубинштейн. – Слово, 2005. – 436 с.

9. Маркетинг территории : [учеб. пособие] / О. Т. Ергунова ; М-во образования и науки Рос. Федерации, Урал. федер. ун-т. – Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2017. – 136 с.

10. *Визгалов Д.В.* Маркетинг города / Д.В. Визгалов. – М.: Фонд «Институт экономики города», 2008. – 110 с.

11. *Филип Котлер.* Основы маркетинга. Перевод с английского В. Б. Боброва. – М: Изд-во «Прогресс», 1991. – 651 с.

12. *Дуглас Норт.* Институты, институциональные изменения и функционирование экономики. Фонд экономической книги «НАЧАЛА» МОСКВА 1997, – 190 с.

13. Национальный проект «Культура» <https://culture.gov.ru/about/national-project/about-project/>, <https://mincult.tatarstan.ru/natsionalniy-proekt-kultura.htm>

УДК 339.56.055

V.V. Tabolskaya,

Candidate of Economic Sciences, Associate Professor of the Department of Constitutional, Administrative and International Law, Naberezhnye Chelny Institute, Kazan (Privodzhsky) Federal University

В.В. Табольская,

кандидат экономических наук, доцент кафедры конституционного, административного и международного права Набережночелнинского института Казанского (Приводжского) федерального университета

ОЦЕНКА ВНЕШНЕТОРГОВОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ РЕСПУБЛИКИ ТАТАРСТАН

Аннотация: данная статья посвящена проблемам внешнеторговой деятельности Республики Татарстан. В работе рассмотрены динамика и структура внешнеторговых показателей за ряд лет, а также предложено решение некоторых задач для повышения эффективности внешней торговли республики.

Ключевые слова: внешнеторговая деятельность, экспорт, импорт, внешнеторговый оборот, внешнеторговое сальдо, социально-экономическое развитие республики, санкции, кризис, эмбарго, внешняя торговля.

Внешнеторговая деятельность играет важную роль в экономике Республики Татарстан и является эффективным инструментом в реализации стратегии социально-экономического развития республики. Торговое, а также всестороннее сотрудничество со странами ближнего и дальнего зарубежья и поэтапная интеграция в мировое экономическое

сообщество должна содействовать становлению в республике социально-ориентированной модели экономики и повышению на этой основе уровня жизни населения республики.

Проанализируем динамику внешнеторговых показателей Республики Татарстан за период с 2017 по 2021 год (табл. 1).

Таблица 1

Внешнеторговые показатели Республики Татарстан за 2017-2021 годы [2]

Показатель	2017		2018		2019		2020		2021	
	млрд долл.	% к пр. году								
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11
Внешнеторговый оборот	17,0	141,7	19,4	114,1	15,8	81,4	12,5	77,7	17,5	140,7
Экспорт	13,1	140,9	15,5	118,3	12,6	81,3	8,8	68,6	12,1	136,8
Импорт	3,9	144,4	3,9	100,0	3,2	82,1	3,6	114,9	5,5	150,3
Торговое сальдо	9,2	139,4	11,6	126,1	9,4	81,0	5,2	53,5	6,6	127,3
Коэффициент покрытия импорта экспортом	3,4	–	4,0	–	3,9	–	1,7	–	2,4	–

Окончание табл. 1

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11
Внешнеторговый оборот со странами дальнего зарубежья	14,8	141,0	17,0	114,9	13,5	79,4	10,4	77,0	15,4	148,0
Экспорт	11,3	139,5	13,5	119,5	10,7	79,3	7,1	66,4	10,3	145,7
Импорт	3,5	145,8	3,5	100,0	2,8	80,0	3,4	121,4	5,1	152,8
Торговое сальдо	7,8	136,8	9,9	126,9	7,9	79,8	3,7	46,8	5,2	140,5
Внешнеторговый оборот со странами СНГ	2,2	146,7	2,4	109,1	2,2	91,7	2,04	95,5	2,1	103,7
Экспорт	1,8	150,0	2,0	111,1	1,9	95,0	1,75	94,7	1,77	101,0
Импорт	0,4	200,0	0,3	75,0	0,3	100,0	0,28	100,0	0,34	120,9
Торговое сальдо	1,4	140,0	1,7	121,4	1,6	94,1	1,47	93,8	1,43	97,3

По данным таблицы можно сказать о нестабильности изменений внешнеторговых показателей по годам. Достаточно очевидным является то, что на показатели оказывают влияние кризисные ситуации, такие как пандемия коронавируса, а также отголоски санкционного давления на Россию 2014-2015 годов. Показатели 2017 года демонстрируют значительный рост. Но надо помнить о том, что на фоне предыдущих санкций вся российская экономика, и, особенно, внешняя торговля показывала не лучшие результаты. Естественно, что показатели всех российских регионов, в том числе и Республики Татарстан, коррелируют с общероссийскими показателями. Поэтому здесь наблюдается некоторое увеличение показателей. Далее особое место занимает 2019 год, когда наблюдалась общемировая рецессия. Все показатели внешней торговли Республики Татарстан значительно снизились по сравнению с 2018 годом. Еще больший спад обнаружил 2020 год, все показатели внешней торговли уменьшились еще больше, за исключением импорта, который вырос на 14,9% в целом, а по странам дальнего зарубежья – на 21,4%. Ко-

нечно, на фоне таких провальных показателей 2021 год выглядит превосходно, наблюдается рост по всем позициям, кроме внешнеторгового сальдо со странами СНГ, которое сократилось на 2,7%. Надо сказать, что оборот по этой позиции незначительный. Но если сравнивать показатели 2021 года с показателями 2018 года, то можно увидеть, что динамика здесь отрицательная. Наблюдается падение по внешнеторговому обороту на 9,8%, по экспорту – на 22%, по внешнеторговому сальдо – на 43,2%. Что не позволяет говорить о достаточном уровне данных показателей.

На рисунке 1 представлена для большей наглядности динамика экспорта и импорта Республики Татарстан.

В целом можно сказать, что ситуация по анализируемым показателям практически одинаковая, за исключением 2020 года, когда снижение экспорта оказалось весьма значительным по сравнению с 2019 годом (– 31,4%), а вот прирост объемов импорта оказался положительным (+14,9%). Небольшая разница в приростах экспорта и импорта наблюдается и в 2021 году – импорт вырос значительно.

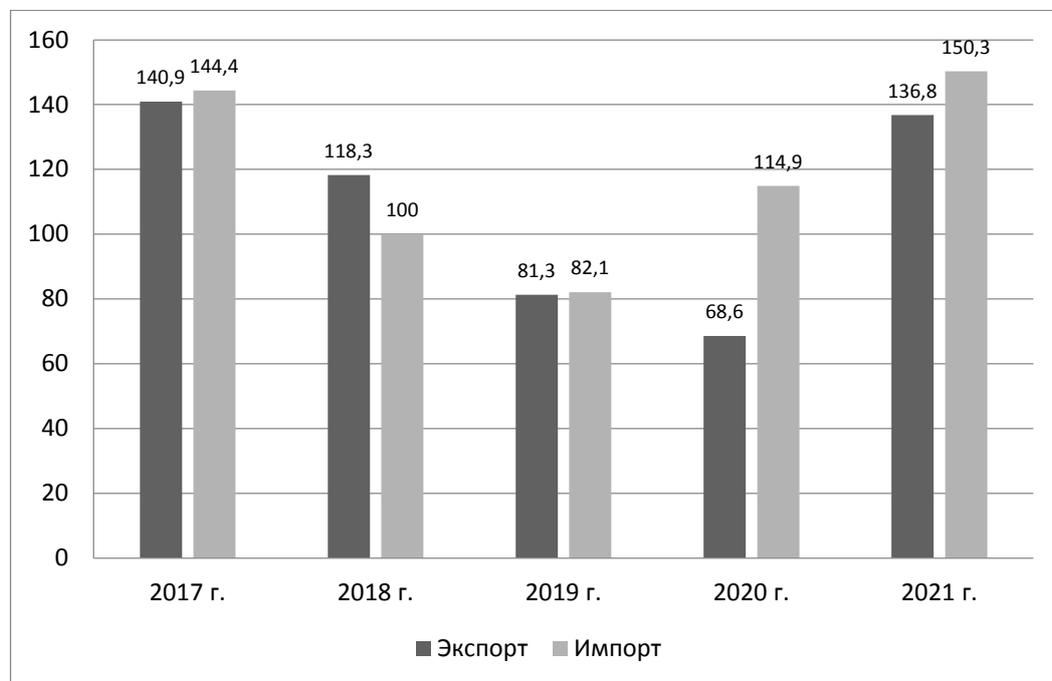

Рис. 1. Динамика экспорта и импорта РТ за 2017-2021 годы, % [2]

Затем проанализируем структуру экспорта, которая перекликается со структурой экспорта всей страны (табл. 2).

Таблица 2

Структура экспорта Республики Татарстан за 2017-2021 годы [1]

Показатель	2017 г.		2018 г.		2019 г.		2020 г.		2021 г.	
	млрд долл.	Уд. вес, %								
Экспорт всего, в т.ч.:	13,1	100	15,5	100	12,6	100	8,8	100	12,1	100
Нефть сырая	6,1	46,1	6,5	41,7	5,2	41,3	3,04	34,4	3,9	32,1
Нефтепродукты	3,6	27,7	5,6	36,2	4,2	33,1	3,0	34,1	4,3	35,4
Каучук синтет.	1,1	8,0	1,0	6,7	1,0	7,8	0,8	8,6	1,06	8,8
Шины	0,17	1,3	0,2	1,3	0,2	1,7	0,17	1,9	0,17	1,4
Автомобили груз.	0,1	0,8	0,08	0,5	0,09	0,8	0,11	1,2	0,08	0,7
Части и оборудование автомобилей	0,08	0,6	0,06	0,4	0,06	0,5	0,06	0,7	0,08	0,7
Другое	1,95	15,5	2,06	13,2	1,85	14,8	1,62	19,1	2,51	20,9

Конечно, преобладающими показателями, являются нефть сырая и нефтепродукты, которые традиционно в совокупности занимают наибольший удельный вес в экспорте республики. Однако

постепенно удельный вес этих позиций понемногу сокращается к 2021 году.

Далее рассмотрим показатели структуры импорта республики (табл. 3).

Таблица 3

Структура импорта Республики Татарстан за 2017-2021 годы [1]

Показатель	2017 г.		2018 г.		2019 г.		2020 г.		2021 г.	
	млрд долл.	Удвес, %	млрд долл.	Уд. вес, %						
Импорт всего, в т.ч.:	3,9	100	3,9	100	3,2	100	3,6	100	1,58	100
Пластмасса и изд. из нее	0,22	5,7	0,3	7,7	0,28	8,7	0,24	6,6	0,37	6,8
Части и оборудование автомобилей	0,63	16,1	0,72	18,7	0,54	17,2	0,63	17,3	1,1	20,1
Оборудование механическое	0,88	22,8	1,2	31,2	0,99	31,3	1,34	36,8	1,97	35,0
Оборудование электрическое	0,24	6,2	0,31	8,1	0,22	7,0	0,25	6,9	0,45	8,1
Другое	1,93	49,2	1,37	34,3	1,17	35,8	1,14	32,4	1,58	30,0

Традиционно в общих объемах импорта наибольший удельный вес занимают такие позиции, как оборудование. Это наблюдается по общероссийским показателям внешней торговли, и, конечно, характерно для Республики Татарстан. Причем наблюдается увеличение и объемов импорта, и удельного веса по статьям «Оборудование механическое», «Оборудование электрическое», а также по такой статье, как «Части и оборудование автомобилей».

Если рассматривать динамику основных показателей экспорта (рис. 2) и импорта (рис. 3), то можно наблюдать нестабильные результаты.

По данным динамики экспорта наблюдаются значительные скачки по позиции «Автомобили грузовые», что очевидно связано с нестабильной работой основного производителя большегрузов ПАО «КАМАЗ», располагающегося на территории Республики Татарстан.

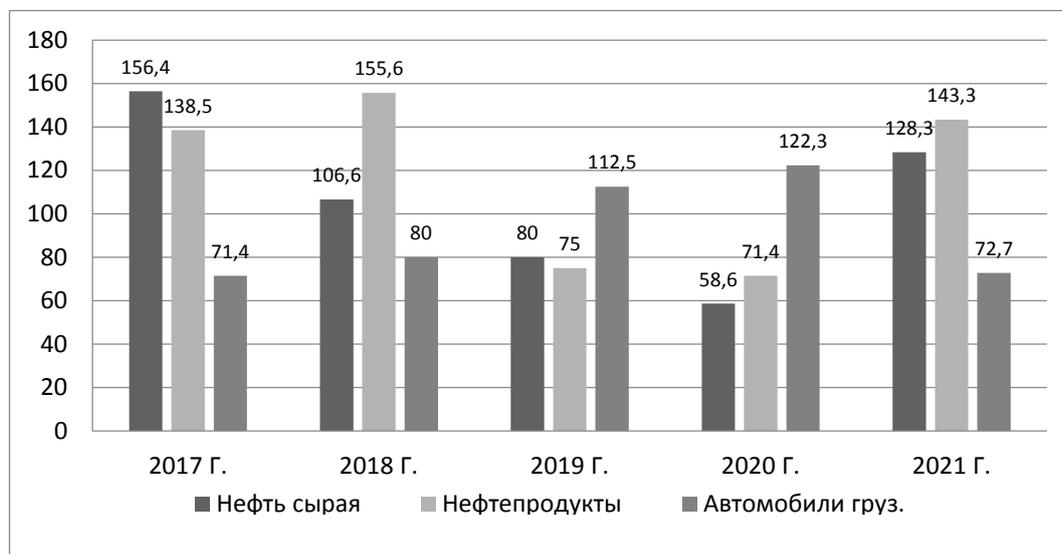

Рис. 2. Динамика экспорта РТ по основным позициям за 2017-2021 годы, % [1]

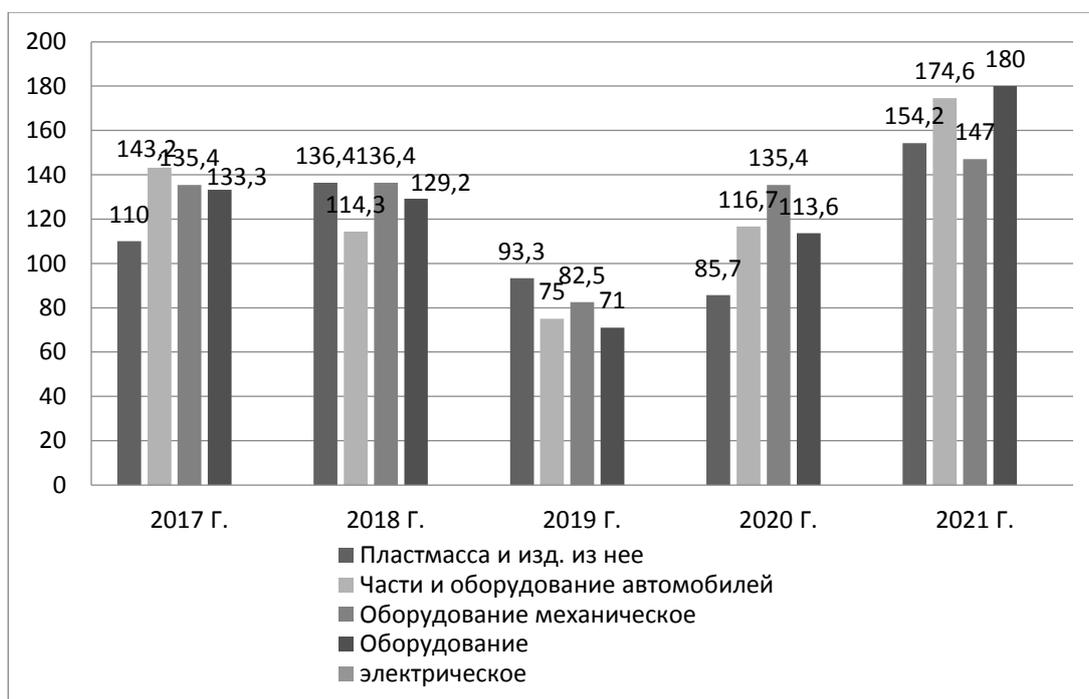

Рис. 3. Динамика импорта РТ по основным позициям за 2014-2021 годы, % [1]

Что касается динамики основных позиций импорта, то в целом можно сказать, что основные тенденции наблюда-

ются по всем позициям, и связаны с ситуацией на мировом рынке в целом.

В товарной структуре экспорта за

2021 год преобладали: нефть (32,1% от общего объема экспорта) и нефтепродукты (35,4%). Снижение экспорта в натуральных показателях по отношению к 2020 году произошло при реализации: нефти на 22,7% (с 10 685 тыс. тонн до 8 256,5 тыс. тонн), углеводородов циклических – на 15,9% (с 8,8 тыс. тонн до 7,4 тыс. тонн), нефтепродуктов – на 6,5% (с 8,5 млн тонн до 8,0 млн тонн), шин – на 22,1% (с 3,4 млн штук до 2,7 млн штук), пластмасс и изделий из них – на 15,7% (с 357,4 тыс. тонн до 301,4 тыс. тонн), автомобилей грузовых – на 29,8% (с 2898 шт. до 2034 шт.), удобрений минеральных – на 3,9% (с 620,5 тыс. тонн до 596,4 тыс. тонн). При этом вырос экспорт автомобилей легковых в 1,9 раза (с 88 шт. до 169 шт.), цветных металлов – в 1,9 раза (с 9,9 тыс. тонн до 18,6 тыс. тонн), каучука синтетического – на 9,5% (с 550,7 тыс. тонн до 602,8 тыс. тонн), древесины и угля – на 11,9% (с 252,4 тыс. тонн до 282,4 тыс. тонн) [3].

В товарной структуре импорта за 2021 год ведущее место занимали оборудование (механическое и электрическое) (43,1%). Наблюдался рост физических объемов импорта автомобилей грузовых – в 1,8 раза (с 52 шт. до 96 шт.), топлива минерального – в 1,7 раза (с 59,2 тыс. тонн до 98,3 тыс. тонн), каучука натурального – на 16,4% (с 28,6 тыс. тонн до 33,3 тыс. тонн), цветных металлов – на 4,3% (с 4,7 тыс. тонн до 4,9 тыс. тонн), органических химических соединений – на 4,8% (с 51,6 тыс. тонн до 54,1 тыс. тонн), пластмасс и изделий из них – на 4,8% (с 133,7 тыс. тонн до 140,1 тыс. тонн). При этом снизились физические объемы импорта автомобилей легковых – в 2,1 раза (с 19 шт. до 9 шт.) [3].

Обобщая результаты анализа, необходимо выделить некоторые основные аспекты и соответственно, проблемы

внешнеторговой деятельности Республики Татарстан:

- в экспорте преобладает сырьевая продукция;

- в структуре импорта республики преобладают такие позиции, как «Оборудование».

В связи с этим следует подчеркнуть, что Республике Татарстан необходимо решить ряд задач для дальнейшего развития внешнеторговой деятельности, а именно:

- укреплять эффективность системы управления внешнеторговой деятельностью;

- увеличивать объемы экспорта несырьевой продукции;

- создавать условия для повышения эффективности инфраструктуры поддержки экспорта;

- создать условия для расширения производства на имеющихся площадках на территории республики, в том числе оборудования.

В целях повышения эффективности системы управления внешнеэкономической деятельностью в условиях нарастающих санкций следует четко разграничить задачи на среднесрочную и долгосрочную перспективы. В ближайшее время, то есть кратко- и среднесрочной перспективе, необходимо начать постепенно изменять структуру производства, сделав основной упор на ускорение развития несырьевых секторов экономики. Это, прежде всего, касается нефтехимического кластера (нефтепродукты, синтетический каучук и прочее). При этом весьма важно искать и находить новые рынки для экспорта данных видов продукции. Кроме того, необходимо существенно поднять внешнеэкономическую деятельность КАМАЗа, в частности, находить новые рынки (или восстанавливать и расширять традиционно сло-

жившиеся рынки с африканскими странами и странами Юго-Восточной Азии). Импортозамещение, начавшееся в сельском хозяйстве и легкой промышленности, нужно существенно наращивать.

В долгосрочной перспективе необходимо целенаправленно и глубоко заняться импортозамещением промышленности. Здесь у Республики Татарстан есть неплохие резервы в расширении производства самолетов и вертолетов. Для этого, конечно, нужны значительные инвестиции. Можно это делать на основе использования государственно-

частного партнерства.

Для импортозамещения нужны не только дополнительные инвестиции, но также необходимо решить проблему дефицита трудовых ресурсов, особенно, высококвалифицированных инженерных и рабочих профессий, а также IT-специальностей. Для решения данных проблем в Республике Татарстан есть широкая сеть неплохих технических вузов. Также необходимо до конца восстановить систему профессионального образования.

Литература

1. Внешнеэкономическая деятельность Республики Татарстан // Открытый Татарстан // [Электронный ресурс] / Режим доступа: <https://open.tatarstan.ru/reports/categories/10172207/reports/28233> (дата обращения 25.11.2022)
2. Внешняя торговля Республики Татарстан // Официальный сайт Территориального органа Федеральной службы государственной статистики по Республике Татарстан // [Электронный ресурс] / Режим доступа: <https://tatstat.gks.ru/vneshtorg> (дата обращения 25.11.2022)
3. Итоги социально-экономического развития Республики Татарстан в 2021 году // Официальный Татарстан: Министерство Экономики Республики Татарстан // [Электронный ресурс] / Режим доступа: <https://mert.tatarstan.ru/2021-god-5183009.htm> (дата обращения 28.11.2022)

ANNOTATIONS

**K. A. KHUBIEV,
I. M. TENYAKOV,**

**THE STATE AND POTENTIAL OF THE RUSSIAN ECONOMIC MODEL AGAINST
THE BACKGROUND OF THE GLOBAL CHALLENGES OF THE XXI CENTURY**

Abstract: the article is devoted to the harmonization of economic policy based on the systemic quality of the national economy. The main attention is paid to two problems: the imperfection and inefficiency of the existing economic system of Russia and the directions of its transformation; the inconsistency of fiscal and monetary policy and the ways of their coordination. The study required an analysis and evaluation of the thirtieth anniversary of radical economic reforms in quantitative, qualitative and social dimensions. Special attention is paid to the role of the state in stimulating technological and social development. A critical analysis and comparison of two approaches to the strategy of development of the Russian economy and its economic policy runs through the entire network.

Keywords: economic system, economic policy, monetary policy, fiscal policy, reproductive policy.

S. N. BLINOV

**THE POTENTIAL OF RUSSIA'S ECONOMIC GROWTH IN THE CONDITIONS
OF THE MOBILIZATION ECONOMY**

Annotation. The article analyzes the current situation of the functioning of the Russian financial system under the conditions of sanctions and the mobilization economy. The role of gold and foreign exchange reserves and cash in the economy is shown. The peculiarities of the manifestation of the «Friedman rule» on the increase of the money supply at a constant rate of 4-5% in different economic conditions are revealed. Scenarios of economic development of Russia are considered.

Keywords. Economic growth, sanctions, «Friedman's rule», inflation, gold and foreign exchange reserves, money supply, mobilization economy

**I.A. BLAGIKH
A.Y. PROTASOV**

MOBILIZATION AND MILITARY ECONOMY: GENERAL AND SPECIAL

Abstract: The article examines the new reality of the Russian economy, which consists in a hybrid war waged by the united West against modern Russia. An adequate response to it is the transfer of the Russian economy to the rails of the mobilization economy. Examining the structure and tools of the mobilization economy, the author draws attention to the fact that in general, the mobilization economy is a national economy, whose resources are

concentrated and used to counter threats to the existence of the country and the ethnos as an integral system. At the same time, unlike the military economy, in which all economic functioning is subordinated to the requirements of war, the mobilization economy is the economy of an economy in which only a significant part of it is subordinated to military tasks. In concrete historical conditions, this definition can be clarified depending on the degree of threat, military-economic and political capabilities, the willingness of the people to make certain sacrifices for the sake of organizing a repulse to hostile forces. In the course of the analysis, the author suggests measures and tools corresponding to the mobilization and partially military economy.

Keywords: economic war, hybrid war, mobilization economy, military economy, mobilization reforms.

YU.N. POLSHKOV

RISKS OF FORMATION OF REGIONAL STRATEGIES FOR INTEGRATING THE ECONOMIC COMPLEX OF THE RUSSIAN DONBASS INTO THE RUSSIAN CONOMY: THEORETICAL FOUNDATIONS AND APPLIED ASPECTS

Abstract: the article is devoted to substantiating the risks of forming regional integration strategies in the post-Soviet space. The risks are due to the possible danger of material and other losses when the economic complex of the region enters the economy of the partner country. Under the conditions of martial law on the territory of the Russian Donbass, it is recommended to use an economic and mathematical model for the optimal management of stocks of strategic material resources. It has been determined that integration strategies will be effective if the factors of economic and other risks are leveled by tools of diversification, insurance, verification of business partners, legal support of contracts, adaptive forecasting, strategic planning, information support, personnel management, economic security. A method for assessing the risk of additional material costs in the implementation of the integration economic strategy at the national and regional levels is proposed. The methodology is adapted to the system for managing the integration processes of the Russian Donbass within the Russian Federation, which links the risks arising from the formation of integration strategies in the post-Soviet space with the possibilities of strategic planning of portfolio, business, functional, and operational types.

Keywords: risk, strategy, integration, region, economy, model, assessment, planning, forecast, methodology, management, optimization, resource, costs.

E. V. MAKSYUTINA

ENSURING THE PERSONNEL SECURITY OF THE REGION (ON THE EXAMPLE OF THE REPUBLIC OF TATARSTAN)

Abstract: the paper provides an analysis of the essence of the personnel security of regions as an element of their economic security. Various types of threats to personnel security from the point of view of their causes are considered and characterized. Special attention is paid to the concept of personnel sovereignty, which involves providing key sectors of the country's economy and its regions with their own personnel. The experience of the regions

of the Russian Federation in implementing the idea of personnel mobilization in practice is presented.

A system of personnel security indicators has been developed for the organization of monitoring of the subjects of the Russian Federation. It includes 6 projections, including 24 indicators that characterize various aspects of regional personnel security.

The monitoring of personnel security of one of the regions of the Volga Federal District – the Republic of Tatarstan was carried out. Based on the analysis of demographic and socio-economic threats to personnel security, the assessment of personnel security of the Republic of Tatarstan is given.

The contribution of advanced engineering schools established in various regions of the country to the personnel and scientific and technological support of the sovereignty of the country and its personnel security was noted.

Keywords: personnel security of the region, personnel threats, personnel sovereignty, personnel mobilization, monitoring of personnel security, Republic of Tatarstan, advanced engineering schools

E.F. NAZMIEV

MECHANISMS FOR ACTIVATING THE LOCAL ART MARKET

Annotation: one of the problems of the domestic state and municipal administration has become the insufficient effectiveness of development programs, in particular the national program in the field of culture. The article attempts to reveal the reasons for the insufficient involvement of the art market in the economic turnover of the city, the institutions of this market are identified. In the final part of the work, measures aimed at activating the local art market are proposed.

Keywords: art, culture, city economy, local art market, meritorious goods, marketing, institutions, state and municipal programs

V.V. TABOLSKAYA

ASSESSMENT OF FOREIGN TRADE ACTIVITIES OF THE REPUBLIC OF TATARSTAN

Abstract: this article is devoted to the problems of foreign trade activity of the Republic of Tatarstan. The paper considers the dynamics and structure of foreign trade indicators for a number of years, and also proposes a solution to some problems to improve the efficiency of the republic's foreign trade.

Keywords: foreign trade activity, export, import, foreign trade turnover, foreign trade balance, social and economic development of the republic, sanctions, crisis, embargo, foreign trade.

Региональный экономический журнал

Учредитель: Казанский (Приволжский) федеральный университет

Свидетельство ПИ №ФС77-33445, от 08.10.2008

ISSN 2075-9851

Периодичность издания 2 раза в год: **июнь, декабрь**

Индекс 70645. Цена подписки на год 1700 руб.

Адрес редакции: 483812, Республика Татарстан, г. Набережные Челны, пр. Мира 68/19,
Набережночелнинский институт Казанского (Приволжского) федерального университета

Содержание разделов

1. Вопросы экономической теории
2. Актуальные проблемы региональной экономики и управления
3. Экономика и право
4. Региональная политика и макроэкономика
5. Инновационное развитие
6. Социально-экономические институты
7. Формирование экономической конъюнктуры региона и отраслевых рынков
8. Теория и практика отношений собственности и землепользования
9. Социально-экономическая история региона
10. Экономическое образование
11. Геостратегия и геоэкономика
12. Экономика регионов мира
13. Научная жизнь (критика и библиография, обсуждение монографий, рецензии)

Правила для авторов

Статьи, направляемые в редакцию, должны иметь **рецензию**. К рукописи прилагается краткая аннотация (4-6 предложений), ключевые слова (10-14 слов) на русском и английском языке, название также на двух языках. Сведения об авторе с указанием ученой степени, ученого звания, должности, организации и города на русском и английском языке. В пакет документов вкладывается заявление автора на имя главного редактора с просьбой принять статью к публикации в очередном номере журнала и согласие на размещение ее на открытом (или закрытом) доступе сайта E-Library и формирования рейтинга РИНЦ.

Структура текста

– фамилия И.О. автора(ов) с указанием ученой степени, ученого звания, должности, организации и города –14 шрифтом, строчными буквами, в правом верхнем углу.

– название статьи – 14 шрифтом, заглавными буквами, по центру.

– аннотация, ключевые слова (на русском и английском)

Набор текста

Текст должен быть набран в программе Word (*.doc), шрифт Times New Roman, размер шрифта– 14, отступ – 1,5 см, все поля – 2,5 см, междустрочный интервал – полуторный.

Страницы не нумеруются. Переносы в словах не допускаются. Ссылки на список литературы обязательны. **Желательно наличие рисунков, таблиц, формул.**

Все схемы, таблицы, рисунки и графики не могут быть шире размеров текстового поля и должны быть подписаны. Подрисуночные подписи выполняются шрифтом 10 и вставляются в рисунок в режиме “вставка”.

Формулы должны быть набраны в режиме редактора формул Microsoft Equation, шрифт Times New Roman. Основной размер символов формул 12. Формулы располагаются по центру, нумеруются с правого края.

Рукопись статьи представляется в объеме от 9 до 18 страниц. Обязателен электронный вариант. Материалы в электронном виде могут быть направлены по адресу makarovfksu@yandex.ru, regioneconom@yandex.ru.

Публикации в журнале **бесплатны**.

Справки по тел. (8552)39-66-12.

Перепечатка материалов журнала «Региональный экономический журнал» невозможна без письменного разрешения редакции. При цитировании ссылка на «Региональный экономический журнал» обязательна.

Материалы, отмеченные знаком “Реклама”, публикуются на правах рекламы. Редакция не несет ответственность за достоверность информации, опубликованной в рекламных материалах.

Научное издание

Региональный экономический журнал

Научный журнал по экономике
Выпуск 2 (33)

Редактор ***Г.Ф. Таипова***
Компьютерная вёрстка ***Т.Г. Хамадеева***
Дизайн обложки ***А.В. Чухно***

Подписано в печать 12.12. 2022 г.
Формат 60×84/8. Бумага офсетная. Печать ризографическая.
Уч.-изд. 6,0 л. Усл.-печ.12,0 л. Тираж 300 экз.
Заказ № 1738-499.

Цена свободная

Отпечатано в Издательско-полиграфическом центре
Набережночелнинского института
ФГАОУ ВО «Казанский (Приволжский) федеральный университет»
г. Набережные Челны

423810, г. Набережные Челны, Новый город, проспект Мира, 68/19
тел./факс (8552)39-65-99 e-mail:ic-nchi-kpfu@mail.ru